

А. Дмитриев

Инквизиция
В РОССИИ

А. Д. ДМИТРЕВ

ИНКВИЗИЦИЯ В РОССИИ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1937

На историческом материале показаны инквизиционные приемы, которые применяла православная церковь в борьбе с противниками официальной религии и церкви, со всяким проявлением свободной мысли. Книга рассчитана на читателя средней квалификации.

$\frac{2}{Д 53}$ Доб. 9 (17)

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Что такое инквизиция и когда возникла она	3
Инквизиция в борьбе с ересями и ведовством	15
Борьба с расколом	44
Монастырские застенки	78
Пытки и казни	88
Инквизиционные методы насаждения христианства	93
Гонение на науку и просвещение	117

Отв. редактор А. Б. Ранович. Технич. редактор И. С. Гохман.
Уполномоченный Главлита Б-24922. Сдана в набор 11/VIII-37 г. Подписана
к печати 14/X-37 г. Тираж 10.200. Бум.га 84×108¹/₃₂. Печати. листов 9¹/₄.
Уче.но-авт. листов 8³/₄. Инд. Б-1, ГАИЗ № 43. Зак. типографии № 546.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

ЧТО ТАКОЕ ИНКВИЗИЦИЯ И КОГДА ВОЗНИКЛА ОНА

Под именем инквизиции обычно понимают особый судеб-но-полицейский аппарат католической церкви, созданный для истребления так называемых еретиков.

(В общем механизме средневекового феодально-крепостнического государства этот аппарат был одним из самых позорных орудий, при помощи которого католическая церковь уничтожала своих политических врагов и утверждала свой авторитет. Христианская церковь всегда и везде прибегала к огню и мечу для подавления эксплуатируемых масс, когда эти массы восставали против ее гнета и эксплуатации. Инквизиция ввела массовое истребление ни в чем не повинных людей в систему. Террор инквизиции в течение веков кошмаром тяготел над Европой.

Для большей славы божьей совершались массовые убийства, душилась всякая свободная мысль, топились в крови всякий протест и беспощадно сжигались десятки и сотни тысяч еретиков.

История показывает нам, что инквизиция — принадлежность не одной католической церкви. И протестанству и православию, хотя у них не было формально института инквизиции, свойственны были такие же методы действия. Вообще можно сказать, что уже с того времени, как христианская церковь сделалась господствующей, инквизиция начала свой кровавый путь на земле.

В середине IV в. в Римской империи христианство было признано государственной религией. Это значит, что христианская церковь вошла в систему государственного аппарата и заняла в Римской империи господствующее, привилегированное положение среди всех других вероисповедных групп. Руководители церкви — епископы — превратились в правительственных агентов и стали верными исполнителями политики гнета и насилия, охранниками эксплуататорской власти.

И первыми их словами, обращенными к императорской власти, были слова, призывающие власть к насильственным,

кровавым мерам против тех, кто верил в бога иначе, чем они. Руководители церкви стали призывать императоров к полному ниспровержению всех старых богов и к повсеместному утверждению огнем и мечом христианской веры. Путем изгнаний, ссылок, конфискаций имущества и массовых казней они хотели разом покончить с теми, кто не желал признавать их авторитета.

«Водружайте знамя веры! Бог сделал вас участниками своей славы и своей воли. Христос поручил вам истребление идолослужения и разрушение храмов... Вы победили врагов и увеличили государство. Отныне божьим законом заповедано вам преследовать преступление идолослужения всевозможным образом. Бог предписывает вам не щадить ни сына, ни брата и разрушать целые города, если они предаются этому пороку».

Так говорил один из первых христианских писателей Фирмик Матерн (ок. 347 г.), обращаясь к сыновьям первого христианского императора — Константина.

Церковники хотели захватить в свои руки богатства и земли всех нехристианских общин, оттеснить от власти прежних руководителей, разгромить своих противников до конца и положить всю церковную организацию к ногам императоров.

Но и сами римские императоры, заключивши союз с христианской церковью, понимали, каким полезным орудием в борьбе с разноплеменным и порабощенным населением различных провинций являлась для них христианская религия.

То было время глубокого кризиса Римской империи. Могучие восстания рабов и крестьян, движения закрепощенных ремесленников и городской бедноты, национально-освободительные войны покоренных провинций, вторжения германских племен сотрясали до основания римскую державу.

И вот, опираясь на церковь, государственная власть начинает широко пользоваться знаменем новой религии. Насаждая повсюду «истинную», «вселенскую» веру, она вводит в систему своей политики новый организованный террор и беспощадно душит всякую искру протеста, откуда бы он ни исходил.

Император Феодосий I (379—395 гг.) первый поставил принцип исповедания государственной религии в качестве необходимого условия единства империи и политической благонадежности подданных. В эдикте 380 г. была объявлена истинной и допустимой в империи исключительно

одна христианская вера в той ее форме, какая была выработана господствовавшей верхушкой церкви. Это официальное вероучение было названо православием, а всякие другие религиозные организации были признаны «языческими», или «еретическими», и безусловно запрещены. В эдикте 382 г. Феодосий I потребовал от каждого подданного обязательного исповедания официальной христианской догмы под страхом лишения всех гражданских прав и конфискации имущества, а всех, кто продолжал молиться старым богам, он осудил на смерть. Епископы, священники и монахи были призваны следить за исполнением этих постановлений и доносить властям о тех, кто нарушает их. Епископы периодически объезжали свои районы и производили розыски, суд и расправу, открывали преследования «язычников» и еретиков и предавали их императорам на казнь. Епископам предшествовали архидиаконы, которые в качестве «инквизиторов веры» созывали всех местных верующих, расспрашивали о всех еретиках в данной местности, производили по поступавшим доносам расследования и затем докладывали епископу.

Христианские епископы замучивали язычников пытками и тюрьмами и повели систематический поход против античной культуры. Сжигали книги и целые библиотеки, разрушали памятники искусств, громили школы, разгоняли и убивали ученых. Огнем и мечом истреблялись многочисленные сектантские общины, вырезывались целые селения «неверных», происходили массовые насильственные обращения людей в христианскую веру.

Знаменитый искоренитель «врагов христовой веры» Кирилл, епископ александрийский, сам призывал христианские толпы к погромам античных храмов и зданий, к убийствам и истязаниям нехристиан. Он подзалил толпу проповедями о том, что, мол, в этих храмах и в этих жилищах «безбожные и нечестивые люди приносят в жертву своим богам наших маленьких детей, наших чистых и невинных первенцев и, собирая их кровь, извлекая из них сердца, употребляют их для волхвования и чаролейства».

В 415 г. в Александрии по наущению Кирилла монахи с толпой христианской черни затащили в церковь знаменитую в то время преподавательницу философии и математики Ипатию, убили ее, растерзали на куски, а затем сожгли.

Таким образом, уже в первом христианском государстве инквизиционные методы борьбы получают, так сказать, все

права гражданства. Они делаются необходимой принадлежностью церковно-государственной политики, направленной на искоренение всех «врагов христовой веры», т. е. всех политических противников правящего класса. Уже в первой христианской империи создается и теория, оправдывающая массовые политические убийства во имя славы божьей. Это сделал величайший из так называемых «отцов церкви», объявленный церковью святым епископ Августин, живший в IV в. Вступив в горячую литературную борьбу с противниками правительственной церкви в римской Африке, он многочисленными цитатами из божественного писания доказывал, что сам бог требует поголовного физического истребления людей, не желающих покоряться христианскому царю и его церкви.

Христианский император, по учению Августина, должен служить орудием наказания для всех, кто не покоряется церковной власти. Власть вверена христианскому императору для защиты божьего дела, для распространения единой истинной веры и для наказания тех, кто оскорбляет бога. Упорных еретиков, которых нельзя убедить ни страхом, ни наказанием, по его учению, надлежит предавать смерти, потому что, говорил он, лучше погубить их тело, только бы избавить их от великих мук в будущей загробной жизни.

Это учение Августина сделалось основой и оправданием всех ужасов средневековой католической инквизиции в течение многих веков.

Воинствующий католицизм на Западе в средние века лишь довел инквизиционную практику до неслыханных размеров. Он первый создал централизованную и широко разветвленную церковную организацию, специально предназначенную для розыска, суда и физического истребления еретиков. Эта организация и получила в истории название «святой инквизиции»¹. Она возникла в процессе ожесточенных классовых битв.

Католическая церковь вступила в средние века в качестве крупного землевладельца и значительной политической силы. В феодальном обществе того времени она представляла собой самую богатую и могущественную организацию, владевшую громадными землями и капиталами. Уже в VIII столетии католической церкви в Галлии принадлежала 1/3 всей земельной территории.

¹ Sanctum officium, собственно, «святая служба», как называли ее сами инквизиторы.

К XI в. католическая церковь успела сосредоточить в своих руках большие земельные территории во всех частях средневековой Западной Европы. Папы, епископы и настоятели отдельных монастырей превратились в крупнейших феодалов, богатых и влиятельных.

На базе своего земельного богатства католическая церковь стала развивать и коммерческую деятельность. Ее представители сделались крупными торговцами и крупными ростовщиками. Вместе с тем епископы, высшее монашество и сами папы от имени церкви начинают производить широкие ростовщические операции. Ростовщичество захватило все слои католического духовенства, и притом ростовщичество хищное и алчное. Церковные соборы в Констанце (814 г.), Париже (829 г.), Вормсе (829 г.) и других местах вынуждены были констатировать «неистовство» церковных ростовщиков, вследствие которого различные группы населения беднели, разорялись и либо погибали, либо вынуждены были спасаться бегством от цепких рук церковников.

Таким образом, в средневековом феодальном обществе католическая церковь представляла собой могущественную эксплуататорскую организацию. Она была таким же феодальным эксплуататором, как короли, князья, графы, бароны, но только несравненно могущественнее многих из них. По сравнению со светскими феодалами она обладала большими преимуществами в эксплуатации верующих масс. Торговля разного рода чудесами, иконами, мощами, всевозможными амулетами, талисманами, реликвиями давала церкви колоссальные материальные выгоды.

Об эксплуатации католической церковью верующих масс Энгельс говорит: «Они эксплуатировали своих подданных не только так же беспощадно, как дворянство и князья, но вели себя еще более бесстыдно. Для того, чтобы вырвать у подданных последний пфенниг и умножить владения церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки — все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов... Чтобы вырвать у народа еще большее количество денег, прибегали к изготовлению чудотворных икон и мощей, устройству благочестивых паломничеств, торговле индульгенциями»¹.

Католическая церковь была, по выражению Энгельса, «великим интернациональным центром феодальной системы». Вот почему в эту эпоху борьба против феодального

¹ Ф. Энгельс — Крестьянская война в Германии. Собр. соч., т. VIII, стр. 120.

строю протекала в оболочке «ереси», т. е. находила свое выражение в развитии религиозных учений, не согласных с учением католической церкви. Объявляя войну всему феодальному строю, угнетенные классы восставали в первую очередь против церкви, так как она была главным столпом феодализма. Она была идеологическим оплотом феодальной эксплуатации, осящая божественным авторитетом феодальный строй. «Церковь, — пишет Энгельс, — являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя. Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси»¹.

Значительное антицерковное движение возникло в южной Франции, в провинции Лангедок. Это движение уже в XI в. приняло широкие размеры. Южная Франция в то время была наиболее развитой в экономическом отношении областью. Она представляла собой самый богатый и цветущий край по сравнению с остальной частью Европы. Здесь получила большое развитие торговля и широко развилось ремесло. Феодальная эксплуатация населения церковью, ее беззастенчивые ростовщические операции, ее бесконечные поборы и вымогательство денег встретили здесь сильную оппозицию среди различных общественных групп. Движение началось главным образом среди беднейших слоев городского населения и крестьянства, наиболее тяжело чувствовавших на себе гнет церкви. Но к нему примкнули и местные феодалы и торговая буржуазия, недовольные конкуренцией церкви. Во многих городах южной Франции образовались сектантские общины, которые отрицали за духовенством право владения землями и капиталами и требовали, чтобы все церковные имущества были переданы в общее пользование. Они восставали против порочности и алчности духовенства и выступали против почитания икон, мощей, реликвий и всяких других «святынь», обогативших церковь.

Это движение, известное под именем ереси альбигойцев, встретило сочувствие угнетенных феодальной эксплуатацией масс. В конце XII в. при папе Иннокентии III (1198—1216 гг.) движение приняло столь серьезные размеры, что стало угрожать серьезной опасностью католической церкви и папской власти.

¹ Энгельс — Крестьянская война в Германии. Собр. соч., т. VIII, стр. 128.

Тогда беспощадная, жестокая рука «святейших» пап обрушилась на этих «врагов истинной веры», осмелившихся дерзновенно посягнуть на несметные богатства католической церкви. Разгорелась ожесточенная борьба с могущественной папской церковью, борьба неравная, но упорная. В 1208 г. против еретиков южной Франции были двинуты вооруженные банды, организованные папой и возглавляемые епископами. Сам папа провозгласил священный «крестовый поход». Королей и феодалов он призывал на помощь Христу, а всем участникам похода заранее обещал отпущение грехов.

«Восстаньте, воины Христа, — писал папа в своем воззвании, — защитите церковь Христову щитом веры! Восстаньте, опояшьте меч свой на ее защиту. Истребляйте нечестивых всеми средствами, которые откроет вам бог. Далеко прострайте ваши руки и сражайтесь бодро с еретиками».

Этот крестовый поход — одна из наиболее кровавых страниц в истории папской церкви. Все силы феодализма объединились, чтобы дать отпор восставшим против гнета князей церкви.

Со всех сторон поднимались графы, бароны, рыцари, нашивали кресты на свои богатые одежды и становились в ряды папской армии. Их привлекала богатая, плодородная земля провинции Лангедок с ее цветущими торговыми городами. Они надеялись на богатую пожизненную пенсию, тем более, что папа заранее объявил еретических сеньоров лишенными своих владений, а земли их предназначил победителям.

Сто тысяч человек во главе с графом Симоном де Монфор двинулись против «врагов церкви» в южную Францию. Впереди шли епископы, несли кресты и иконы и пели священные гимны. Никому не было пощады — ни женщинам, ни детям, ни старикам, ни молодым. Беспощадные преследования, пытки, мучения и массовые казни отличались тонкой жестокостью.

Избивали и жгли всех без разбору — и правоверных, и еретиков. «Бейте их всех без различия! — в безумной ярости кричал папский легат. — Бог сам разберет, кто его, а кто не его». И невинных людей резали и жгли во имя божье.

Когда после взятия и разрушения большого города Безье папский легат доносил папе об этом событии, он выразился так: «Наши не давали пощады ни званию, ни полу, ни возрасту; произошла неимоверная резня неприятелей; город разграблен и сожжен; божественное мщение

свиристествовало удивительным образом». И так поступали при взятии многих других городов: еретиков обрекали костру и сжигали, остальных жителей вырезывали.

После упорной и долгой борьбы вся южная Франция была покорена. Целые цветущие области были опустошены, сотни тысяч людей погибли. В одном Безье заплатились жизнью 38 000 человек. Смерть и разрушение царили повсюду. Но антицерковное движение продолжало упорно держаться.

Тогда-то для окончательного искоренения еретиков и были организованы специальные инквизиционные суды. Было постановлено начать повсеместные систематические розыски еретиков и всех их передавать в руки гражданских властей для исполнения над ними смертной казни путем сожжения по приговорам инквизиционных судов. Все гражданские власти призывались к самому ревностному содействию инквизиционным судам и обязаны были дать клятвенное обещание, что будут беспрекословно исполнять все приговоры инквизиции и беспощадно казнить еретиков, а имущество их конфисковывать. Все остальные верующие также призывались оказывать полное содействие инквизиции в деле искоренения противников церкви. Те же, которые обнаруживали какое бы то ни было неповиновение церкви в деле преследования еретиков, сочувствовали им или защищали их, подвергались отлучению от церкви со всеми гражданскими последствиями этого церковного акта¹.

Сначала обязанности инквизиторов были возложены на местных епископов. Им вменялось в обязанность разыскивать еретиков, судить их и приговаривать к смертной казни. Они должны были иметь самый бдительный надзор в своих епархиях за всем населением, организовать сыск и шпионаж из местных жителей и приводить к присяге все население в том, что оно немедленно будет доносить о врагах католической церкви и вообще о всех, кто подозрительно велет себя по отношению к духовенству, устраивает какие-либо тайные собрания и т. п. Постановлениями Латеранского собора (1215 г.) донос на еретиков был возведен в

¹ Церковным отлучением называлось обставленное торжественными церемониями удаление верующего от всякого церковного общения. Отлученный терял и все гражданские права и становился вне закона. Убить отлученного считалось делом, угодным богу. Католическое духовенство в средние века умело пользоваться этим средством в своей борьбе со светской властью и угнетенными массами.

обязанность каждого гражданина, причем доносчик освобождался от всякой ответственности за ложность доноса.

В 1232 г. папа Григорий IX дал инквизиции новую организацию. Он создал специальные инквизиционные суды и передал их в руки вновь учрежденного монашеского ордена доминиканцев, непосредственно подчиненного самому папе.

Таким образом, дело искоренения еретиков получило теперь вполне самостоятельную, строго централизованную организацию и поступило в непосредственное ведение пап. Повсюду стали учреждаться инквизиционные судилища, и повсюду эти судилища сосредоточивались в руках верных агентов папы — доминиканцев, этих «псов господних», как они сами себя горделиво называли¹.

Эти «псы господни» повели кровавую террористическую работу католической церкви с необыкновенным усердием. В короткое время они создали широко разветвленную организацию инквизиции, имевшую свои отделения во всех бродках и местечках. Они широко развернули свои отвратительные методы сыска, шпионажа, доносов и создали систему страшных пыток и армию своих палачей. Они возводили тысячи людей на костры, сотни тысяч бросали в свои ужасные казематы. Бродяги, странствующие монахи, всевозможные мошенники и преступники наряду со всем духовенством были в свите инквизиторов доносчиками. Каждый зажженный костер и каждая жертва пополняли собственную казну инквизиторов, так как часть конфискованного имущества еретика поступала в их пользу. Поэтому они хватали иногда первых попавшихся из состоятельных и богатых граждан, обвиняли их в ереси и под страхом смерти, пытками заставляли «сознаваться» и выдавать близких им — сыновей, братьев, родных и знакомых. Они руководились правилом: лучше сжечь сотню невинных, чем оставить без наказания хотя бы одного еретика. Их суд в огромном большинстве случаев имел целью не столько правильно расследовать дело, сколько во что бы то ни стало обвинить и выдать на сожжение то или другое схваченное лицо. Пользуясь всеми средствами насилия, обмана и хитрости, они стремились вырвать из среды населения возможно большее количество жертв, чтобы сжечь их или сгноить в своих ужасных тюрьмах.

¹ Орден доминиканцев получил название от имени учредителя ордена монаха Доминика. Но по-латыни слово «доминиканцы» однозвучно со словами *domini canes*, что и значит «псы господни».

В своих судилищах инквизиция в широких размерах употребляла пытки, которые были доведены до высоких степеней утонченности и бесчеловечия. Путем пыток на допросах у несчастных жертв вырывали нужное «признание», и все было кончено. Еретика вели на казнь. Где не удавалось добыть признания, там пользовались ложными показаниями подставных «свидетелей», и жертву все равно предавали на смерть.

Власть инквизиторов была безгранична, и сами папы наделяли их в отношении преследования «врагов церкви» неограниченными полномочиями. Папа Григорий IX, назначая одного инквизитора, писал ему: «Так как в силу возложенной на нас власти мы обязаны выбрасывать камни преткновения из царства бога и по мере наших сил бороться с этими дикими зверями, мы влагаем в твои руки меч слова божьего. Поэтому следуй слову пророка, и пусть этот меч не будет высыхать от крови в твоих руках, но гряди, горя ревностью к католической вере, и поражай сильнее это зачумленное отродье еретиков. Усерднее следи за всеми еретиками, за их приверженцами, покровителями и защитниками и наказывай тех, которых ты найдешь виновными. Руководись церковными правилами и теми решениями, которые мы дали для устрашения еретиков, а где найдешь нужным, призови на помощь и светскую власть».

Так говорил глава католической церкви. Естественно, что верные слуги папы — доминиканцы — старались оправдать доверие своего господина и заслужить его похвалу. Они охотились повсюду за еретиками, как за зверями, разыскивали их даже в лесах и отдавали на казнь светским властям. Инструкция инквизиции гласила: «Не должно щадить ни отца, ни сына, ни жены, ни друга, если в них присутствует еретический яд. Тот, кто убивает нечестивых, не совершает человекоубийства».

Главнейший из богословов той эпохи монах-доминиканец Фома Аквинский (1227—1274 гг.) ссылками на божественное писание доказывал, что самый лучший способ наказания еретиков — смертная казнь, так как ересь, говорил он, более тяжкий грех, чем оскорбление государя или подделка монеты, караемые в то время смертью.

«По справедливости светский судья может убивать их и лишать имущества; так как они кощунствуют и соблюдают ложную веру, то подлежат наказанию в большей степени, чем те, которые виновны в оскорблении величества, или те, которые чеканят фальшивую монету».

Германский король и император «священной Римской империи» Фридрих II Гогенштауфен (1215—1250 гг.) давал такие директивы: «Еретики — это хищные волки, сыны погибели, ангелы смерти, посланные демоном для погубления простых душ. Это ехидны, это змеи! И само-собой разумеется, что смертная казнь является единственно достойным наказанием этих оскорбителей божьего величества, бунтовщиков против церкви. Сам бог повелевает убивать еретиков; это — члены сатаны, они должны погибнуть все до единого».

Французский король Людовик IX (1226—1270 гг.) за каждого пойманного еретика назначал денежную награду, папа же обещал отпущение грехов.

Для возбуждения религиозной вражды у правоверных католиков к сектантам католическое духовенство распространяло об еретиках самую дикую клевету. По тайным инструкциям папского совета епископы и инквизиторы стали повсюду в своих проповедях обвинять сектантов в сношениях с дьяволом, а также в убийстве младенцев и в употреблении их крови и тела в пищу. Так, альбигойцам ставили в вину то, что они, кроме отступления от учения папской церкви, якобы «почитают Люцифера»¹ и «приносят ему в жертву своих детей». Те же обвинения инквизиторы выдвигали и против вальденсов в Италии. Они рассказывали, что вальденсы на своих вечерних собраниях после моления тушили огни и предавались самой отвратительной оргии, что они рассекали на части маленьких детей, затем сжигали их, из пепла и толченых костей делали хлеб и употребляли его в пищу.

Во второй половине XIII в. инквизиция была уже в полном ходу, и костры ее запылали по всему христианскому миру. Она скоро охватила собой всю Францию, Италию, Германию, Нидерланды, Англию, Испанию и Португалию.

Особенно прославилась своей беспощадной жестокостью испанская инквизиция. Один испанский епископ конца XVIII столетия Лоран считал, что только за 300 лет, с 1481 по 1781 г., инквизиционные суды Испании осудили 341 021 человека. Из них 31 912 человек были сожжены живыми, 17 659 человек были сожжены в их изображениях² и

¹ Дьявола.

² Если обвиненному инквизицией удавалось спастись бегством или он умирал, замученный пытками, то инквизиторы сжигали на костре его изображение.

291 450 человек приговорены к различным тяжелым наказаниям, обрекавшим их на медленную смерть. К этому необходимо прибавить еще весьма большое количество жертв массовых погромов евреев и мавров, происходивших под влиянием агитации испанских инквизиторов. Знаменитый «великий инквизитор» Испании Фома Торквемада (1483—1498 гг.), прозванный «первосвященником палачей», только за 15 лет своей деятельности сжег более 10 000 человек. Но таких первосвященников было много, и католическая церковь в своих молитвах до сих пор поминает имена подобных «подвижников церкви», обогривших свои руки в крови тысяч жертв. Долго совершала свой кровавый путь инквизиция. В Испании она была официально отменена лишь в 1844 г., в Португалии — в 1821 г., в Италии папа Пий VII в 1814 г. восстановил инквизицию после того, как французский император Наполеон I отменил ее в 1808 г., и она просуществовала здесь до 1859 года.

Но инквизиционный дух продолжал и продолжает до настоящего времени жить в католической церкви. В 1881 г. в Испании на праздновании двухсотлетия со дня смерти испанского писателя Кальдерона профессор литературы и философии в Мадридском университете Менендес Писейро провозглашал восторженный тост в честь инквизиции. В 1895 г. один из испанских католических журналов писал: «Отбросьте пустые разговоры о прошлом времени, о жестокости нравов, о чрезмерном усердии, — как будто наша святая мать церковь, будь то в Испании или в других местах, нуждается в прощении за деяния святой инквизиции... О, благословенное пламя костров! Через тебя после уничтожения немногих, окончательно испорченных людей, тысячи и тысячи душ были спасены из пропасти заблуждения и вечной муки... О, светлая и досточтимая память о Фоме Торквемаде!...»¹ В католических учебниках церковного права, по которым учатся будущие попы, еще и сейчас доказывается, что сожжение еретиков — дело святого духа и что единственное исцеляющее средство для еретиков — это отправить их скорее на тот свет. А католические наставники богословских иезуитских школ на своих лекциях всецело одобряют сожжение еретиков и называют инквизицию «благодетельным учреждением со спасительной для мира деятельностью»².

¹ Т. Крамер — Еретики. «Атеист», 1930, февр., стр. 128.

² Там же.

ИНКВИЗИЦИЯ В БОРЬБЕ С ЕРЕСЯМИ И ВЕДОВСТВОМ

Русские буржуазные историки, занимавшиеся историей русской православной церкви, давно пустили в оборот мысль, что в России инквизиции не существовало и что русская православная церковь оставалась в стороне от всех кровавых преследований, которым подвергались в России противники господствующего вероучения. При этом буржуазные и особенно поповские историки стремились доказать, что суд и расправа над еретиками и раскольниками в России были делом исключительно государственных светских органов власти и что сама церковь якобы всегда была чужда всякой нетерпимости и всяких кровавых гонений по отношению к своим врагам.

Но они не хотели сказать всей правды.

История показывает нам, что на протяжении нескольких столетий русская православная церковь совершенно самостоятельно, собственными силами боролась с «ересями», расправляясь с ними так же свирепо и беспощадно, как и католическая церковь. В этой продолжительной борьбе она широко применяла чисто инквизиционные методы: она посылала свои жертвы на костры, заключала их в специально устроенные ямы и казематы «на безысходное пребывание», замуровывала в стены, морила голодом и удушала дымом в своих многочисленных застенках.

Но даже и тогда, когда после ограничения судебной компетенции церкви дело преследования еретиков и раскольников взяла в свои руки государственная власть, церковь не оставалась только безучастной зрительницей кровавых деяний царских палачей. Напротив, инициатива преследований всегда исходила от нее. Епископы во главе с патриархом, а позднее синодом всегда являлись главными организаторами кровавых гонений, высшими идейными их вдохновителями, их главными руководителями. Организация **повальных** терроризирующих сысков, доносов, системы шпионажа, а также предварительное следствие над обвиненными в ереси с применением мучительных пыток попрежнему оставались в руках церкви. У ней были оставлены все средства к тому, чтобы противники ее были судимы «по градскому закону», т. е. преданы казни руками царских палачей. Опираясь на «священное писание» и на «правила св. отцов», она постоянно требовала по отношению к своим против-

никам физического искоренения их и именем бога освящала жестокие расправы царских палачей.

Правда, инквизиционная практика русской православной церкви протекала в иных формах, чем на Западе, в католической церкви. Там католическая церковь создала свой собственный полицейско-судебный аппарат в виде широко разветвленной централизованной организации инквизиционных судов. В России же такого специального инквизиционного аппарата не создалось, так как в системе русского феодализма церковь не занимала главенствующего положения, как это было на Западе. Русская православная церковь в своей борьбе с еретиками всегда защищала интересы правящих классов. С другой стороны, самая защита «чистоты» православия в руках правящих классов феодально-помещичьей России являлась прекрасным орудием для расправы со всеми своими политическими врагами. Правящие классы поэтому всегда оказывали церкви свою поддержку в ее борьбе с еретиками и предоставляли к ее услугам свой карательный аппарат, когда она этого требовала. Вот почему русская православная церковь не ощущала необходимости создавать в целях искоренения еретиков какой-либо специальный инквизиционный институт.

В наиболее раннюю феодальную эпоху России, в XII—XIV вв., судебная компетенция церкви непосредственно вытекала из феодального характера древнерусской церковной организации. Высшие русские церковники — митрополиты и епископы, будучи крупными феодалами и владея огромной земельной собственностью, имели и свой собственный судебно-полицейский и административный аппарат для управления, суда и расправы с населением своих вотчин. В пределах своих вотчин им принадлежала, как и всякому боярину или князю, вся полнота административно-судебной власти. Но их судебная власть была шире, чем какого-либо другого вотчинника. По так называемым «преступлениям против веры и нравственности», куда входили богохульство, идолопоклонство, разного рода волшебство, ересь и др., а также по целому ряду чисто гражданских дел церковные вотчинники имели право неограниченного суда не только по отношению ко всему населению своих владений, но и по отношению вообще ко всем лицам в пределах всей своей церковной области или епархии.

При митрополичьих и епископских дворах были организованы специальные суды. Обязанности судей исполняли различные светские чиновники архиерейского двора. Бли-

жайшими помощниками епископа в этих судах были архиерейские бояре, которые под его председательством составляли главный суд и выносили приговоры по всем делам, входившим в компетенцию епископского суда. В районах же епископской области или епархии творили суд и расправу его же служилые люди, так называемые десятильники, при которых в качестве помощников и исполнителей находились тиуны, пристава, праветчики, доводчики и др.

Таким образом, каждый епископ в своей области имел хорошо организованный судебно-полицейский аппарат. А полнота судебной власти по делам веры и церкви давала ему возможность выносить безапелляционные приговоры и проводить через эти суды широкую борьбу со всеми противниками епископской власти.

В древнерусских памятниках мы встречаем некоторые отрывочные указания на чисто инквизиционную практику епископских судов. Уже в XI—XII вв. летописи отмечают случаи применения жестоких пыток и наказаний в епископских судах. Так, в 1058 г. новгородский епископ Лука Жидята приказал пытать своего холопа Дудика «за клевету на епископа», и после пыток у него были отрезаны обе руки и нос¹. О епископе Федоре, жившем в XII в., летописец рассказывает, что когда он был епископом во Владимире, «немилостивый был мучитель, одним головы рубил, другим глаза выжигал и языки резал, иных распинал на стене и мучил немилостиво». Он мучил и князей, и бояр, и постельничих великого князя Андрея Боголюбского (1157—1175); варил женщин в котлах, отрезал носы и уши, так что все трепетали его, ибо он «рыкал, как лев, был величествен, как дуб, язык имел чистый, велеречивый, мудрование козненное»². Такое поведение епископа Федора летописец мотивирует тем, что он «желал исторгнуть имение у своих жертв. «Много людей пострадало от него и сел лишилось, и оружия и коней, а другие были обращены им в рабов, заточены, разграблены». Этот краткий рассказ летописца ярко отражает перед нами характер древнерусских епископских судов и их методы борьбы с противниками епископской власти. Очевидно, летописец отражает перед нами ту ожесточенную борьбу, которая происходила при Андрее Боголюбском между епископами севернорусских областей и киевской митрополией за права верховен-

¹ Карамзин — История России. Т. II, прим. 144.

² Карамзин, ук. соч. Т. III, прим. 30.

ства в русской церкви. Владимирский епископ Федор, объявив себя главой русской церкви, начал кровавую борьбу со всеми своими противниками, не желавшими признавать его верховного авторитета в делах церкви. Он обвинял таких «ослушников церкви» в еретичестве и через свой суд выносил приговоры о казни и конфискации имущества своих жертв, о массовых заключениях в епископскую тюрьму и присуждал укорствующих к различного рода тяжелым работам в своих владениях.

Но эта попытка отложиться от Киева была задавлена с неслыханной строгостью. Против жестокого епископа вспыхнуло серьезное восстание, и князь Андрей Боголюбский поспешил выдать его на суд киевского митрополита. И здесь перед нами снова ярко выступает практика митрополичьего суда в Киеве. Этот суд в свою очередь обвинил епископа Федора в еретичестве и наказал страшным образом. После мучительных пыток у него был отрезан язык, отсечена правая рука и выколоты глаза. «Ибо сей еретик, — прибавляет летописец, — злословил богоматерь»¹.

С такими чертами выступают перед нами митрополичьи и епископские суды в раннюю эпоху феодальной России. Произвольно и без ограничений, пользуясь всей полнотой судебной власти, епископы по приговорам своих судов применяли к своим врагам жестокие телесные наказания, лишение свободы, сажание на цепь, заключение в оковы, принудительный, иногда бесцельный труд в самых разнообразных видах. Позднее, на московском соборе 1503 г., ростовский поп Георгий по поводу произвола епископских судов говорил: «Не благословенно надсматриваете за верными людьми... назираете церковь по царскому сану земного царя — боярами, дворецкими, неделщиками, подводчиками для своих прибытков, а не по достоинству святительскому»².

Злоупотребления «святительской» властью не знали предела. Широко пускались в ход все инквизиционные методы борьбы: жестокие телесные наказания, заключение в казематы епископской тюрьмы, а наиболее опасные и вредные для епископской власти «преступники» предавались казни через сожжение. Епископы отдавали своим служилым людям распоряжение искать колдунов и ведьм повсюду и приводить их на епископский двор для суда и наказания.

¹ Карамзин, ук. соч., т. III, прим. 30.

² «Акты исторические». Т. I, № 105.

Епископские суды обвиняют их в сношениях с «нечистой силой» и в большинстве случаев предают их сожжению или организуют против них массовые погромы и убийства. Так, в 1227 г. были сожжены в Новгороде четыре волхва. По словам летописей, волхвов привели на архиепископский двор для суда. После допросов и пыток суд обвинил их в сношении с «нечистой силой» и обрек на казнь через сожжение. Бояре князя Ярослава хотели было за них вступить, но не могли спасти их от казни¹. В конце XIII в. происходили массовые розыски и сожжения колдунов и ведьм во Владимиро-Суздальском крае². В 1411 г. в Пскове сожгли двенадцать «вещих женок»³. В 1442 г. в Новгороде мы опять видим массовые сожжения и потопление в реке людей, обвиненных в волшебстве и «зажигательстве». Летописи представляют эти казни как результат стихийного народного движения против колдунов и ведьм. Но так как дела о волшебстве в древней России принадлежали исключительно ведению епископских судов, которые должны были производить и их розыски, то не может быть никаких сомнений в том, что эти массовые убийства и сожжения происходили под непосредственным руководством епископов.

Мы знаем много случаев, когда епископы специальными посланиями возбуждали у верующих ревность в неутомимом преследовании колдунов и ведьм. В одном таком послании «Како жити христианам» повелевалось «градским властям» прилагать все старания к розыскам и искоренению колдунов и ведьм: «В конечные влачити муки, градским казнити законом, не щадити злых». При этом епископское послание угрожает церковным отлучением «аще властители отмищения законного на злых не наводят»⁴. Киевский митрополит Иоанн II (1080—1088 гг.) в своих посланиях призывал «яро казнити», т. е. беспощадно наказывать, колдунов и ведьм⁵. В конце XIII в. владимирский епископ Серапион всецело одобрял суровые гонения на них: «И когда вы стремитесь, — писал он верующим, — очистить

¹ Полн. собр. рус. лет., III, стр. 42, IV, стр. 29; Никоновск. лет., II, стр. 357.

² См. поучения Серапиона, еп. Владимирского, в кн. Е. Петухова — Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб. 1888.

³ Полн. собр. рус. лет., VI, 22; ср. Соловьев — История России. Т. I, стр. 1304.

⁴ «Прав. беседн.». 1859, апр., стр. 476.

⁵ «Русск. Истор. Библ.». VI, 2, стр. 4, § 7.

город от беззаконных людей¹, я радуюсь этому. Очищайте по примеру пророка и царя Давида в Иерусалиме, который искоренял всех беззаконных, иных убийством, иных заточеньем, а иных заключеньем в тюрьму»². Одобряя массовый террор против колдунов и ведьм, Серапион вооружается только против неорганизованных выступлений толпы и защищает право епископских судов приговаривать колдунов и ведьм к тяжелым наказаниям и смертной казни. В 1410 г. киевский митрополит Фотий в своем послании в Новгород отдавал духовенству такие распоряжения: «Христианам запрещайте держать в своей среде лихих баб (ведуний), пусть они гонят их от себя и сами убегают от них, как от нечистоты. А кто вас не будет слушать, тех вы отлучайте от церкви»³.

В раннюю эпоху феодальной России стены епископского двора были вместе с тем и стенами инквизиционного трибунала и инквизиционного застенка. Обладая всей полнотой судебной власти по делам веры и церкви и имея в своем распоряжении многочисленный штат служилых людей, епископ отдавал свои приказы о розысках, пытках и наказании еретиков. Он же распоряжался и всем делом сыска. На епископский двор под конвоем вооруженной епископской стражи приводили арестованных по доносам и сыску людей, здесь же предъявляли им обвинения в ереси или волшебстве, пытали и мучили их, а затем подвергали различным наказаниям, вплоть до сожжения. Несомненно, при каждом епископском дворе находилась также и специальная тюрьма, а в подвалах здания, где заседал епископский суд, — пыточные камеры. Такие тюрьмы и такие пыточные камеры составляли необходимую принадлежность во владениях всякого древнерусского феодала и предназначались для истязаний и наказания провинившихся крестьян. Тем более необходимыми были такие застенки в епископской резиденции, где сосредоточивались главные судебно-административные учреждения епископа по делам религиозных преступлений. В деле преследования и искоренения еретиков, к которым причислялись и подозреваемые в ведовстве, епископы имели полную и неограниченную власть. Они могли вызывать, допрашивать и арестовывать всех, кого подозревали в волшебстве или еретичестве, и привлекать в качестве свидетелей всех, кого считали нужным. Система

¹ Здесь имеются в виду колдуны и ведьмы.

² Е. Петухов, ук. соч., стр. 65.

³ Акты Археогр. Экспед., I, № 359, стр. 462.

доносов и шпионажа получала в епископских судах широкое применение. Всякий под страхом анафемы или других церковных наказаний должен был сообщать агентам епископского суда о колдунах, ведьмах и еретиках. Светские феодалы — бояре и князья — призывались оказывать епископам всякое содействие, а иных еретиков, по приговору и указанию епископов, и сами подвергали наказанию. А все низшее духовенство обязано было наблюдать за верующими, посещать дома, следить за посещением верующими богослужений и в случае обнаружения еретиков немедленно доносить епископу.

При отсутствии централизации огромное значение в этой древнерусской системе инквизиции имели специальные собрания епископов, на которых вырабатывались согласованные мероприятия для борьбы с еретиками. Это так называемые церковные соборы, постановления которых имели обязательную силу для светских феодалов и для всех епископов. Церковь осуждала на таких соборах ту или иную ересь со всеми ее настоящими и будущими последователями и побуждала всех светских феодалов — князей — к искоренению ереси огнем и мечом. Особенно подробные сведения о роли церковных соборов в деле искоренения еретиков наши источники дают для более позднего времени — XIV—XVII вв. Но и в ранний период феодальной Руси такие соборы уже выступают перед нами как верховный церковный орган, своей властью выносящий те или другие приговоры еретикам. Так, в 1004 г. церковный собор в Киеве судил за распространение ереси какого-то Адриана, который произвел большое волнение, «укоряше церковные законы и епископы и пресвитеры и иноки». По приговору церковного собора Адриан и его последователи были заточены в тюрьму. В 1123 г. по приговору Киевского церковного собора какой-то «злой еретик» Димитрий был сослан из Киева в заточение¹. В 1149 г. явился в Киев какой-то еретик Мартин, семь лет распространял свое учение, привлек на свою сторону «много простого народа» и возбуждал широкое движение против церкви. В 1157 г. Киевский церковный собор осудил его, и Мартин был сожжен².

О всех этих ранних антицерковных движениях мы располагаем только самыми скудными, отрывочными сведениями. Но и они позволяют нам видеть, что церковь во

¹ Голубинский — История русской церкви. Т. I, пол. 2, стр. 685—689.

² Там же.

всеоружии собственной судебной власти выступает против своих врагов. Первое серьезное движение против феодальной русской церкви, о котором мы имеем более подробные сведения, падает на вторую половину XIV в. К этому времени русская православная церковь в лице митрополитов, епископов и монастырей успела сосредоточить в своих руках огромное количество земельного фонда страны. Среди тогдашнего феодального общества она выделялась уже как один из самых могущественных феодалов, как богатейший собственник земель и денежных средств.

С развитием денежного хозяйства и торговли феодальная церковь накапливает все больше богатств. Правящая церковная верхушка и монастырская братия вели роскошный и праздный образ жизни, поглощая колоссальные средства, скопившиеся в их руках. Они одевались в соболя и дорогие одежды, держали при себе множество слуг, имели богатые экипажи, на которых разъезжали в сопровождении целой свиты роскошно одетых слуг. Церковная аристократия строила для себя «каменные ограды и палаты», богато обставленные и походившие своей роскошью на «царские чертоги, разукрашенные позлащенными узорами и травами многоцветными». Укрываясь за этими стенами, епископы и монахи богатых монастырей проводили веселую и беспечальную жизнь. Пьянство и разврат сделались их обычными и постоянными спутниками. Пили до самозабвения, «множицею даже и до блевания», и подобным образом жизни доводили богатые монастыри «до полного оскудения».

Вместе с этим развитием страсти к роскошной, праздной жизни изощрялись и методы получения новых доходов. Эксплуатация низшего духовенства, торговля церковными должностями, утнетение крестьян, пошлыни и поборы с городского населения и ростовщическая деятельность монастырей высасывали все соки из населения.

Это и дало толчок к широкому движению, направленному против правящей церковной верхушки. Движение обнаружилось прежде всего в наиболее развитых торгово-ремесленных центрах, в новгородско-псковских пределах, во второй половине XIV в. В истории это первое широкое движение против феодальной церкви известно под именем ереси стригольников. Около псковского дьякона Никиты и ремесленника-суконщика Карпа сложился кружок лиц, составивших против епископских сборов и поборов. Первоначальным поводом к протесту послужило высокое взимание платы за поставление в низшие церковные должности.

Однако это была только искра. Протест скоро принял форму широкого движения против господствующей феодальной церкви и ее представителей. Он вышел далеко за пределы Пскова и всколыхнул народные массы.

Восставшие учили, что духовенство недостойно быть учителями и руководителями народа, потому что оно ставится «на мзде», потому что духовные «пьют и едят с пьяницами», потому что они жадны и корыстолюбивы, берут деньги с живого и мертвого, собирают себе золото и серебро и ведут развратную жизнь. Они нападали на богатства духовенства и на земельные владения церкви. «Забывши страх божий и наказание и не боясь ничего, хотят грубость чинить святой божьей церкви и грабят святые церкви и монастыри насильством и отнимать имения церковные»¹. Не нужно, говорили стригольники, ни отпевать умерших, ни поминать их, ни приносов приносить, ни вклады делать по душам умерших. Так стригольники подкапывались под самый важный источник доходов и капиталов духовенства, отвергая широко распространенный в то время обычай вкладов на помин души, или так называемое «задушье». Они желали уничтожить этот обычай, который вел к обогащению церкви и обнищанию масс. Это и влекло к восставшим массы, которые говорили: «Вот эти не грабят, имений не собирают». Мы видим, что во время этого движения, помимо религиозной борьбы, происходили активные выступления против церковных эксплуататоров. Новгородцы и псковичи силой отбирают у церквей и монастырей их земли и угодья. На монастыри иногда нападают целые толпы голодных крестьян, говоря: «Здесь житницы боярские».

Таким образом, это широкое антицерковное движение по своим лозунгам примыкало к ересям средневекового Запада, где «ересь городов... была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она и нападала»².

Против восставших сурово ополчились новгородские церковники во главе с архиепископом. Они объявили все движение «прямой затеей сатаны, лукавого беса, изначала человекоубийцы, борителя нашего естества—дьявола, прельщающего род человеческий». В их глазах восставшие были

¹ А. Никитский — Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб. 1899. Стр. 236.

² Ф. Энгельс — Крестьянская война в Германии. Собр. соч., т. VIII, стр. 129.

«злокозненными хулителями церкви», злейшими «развратителями христовой веры».

Мы не знаем подробностей, как действовала в борьбе с движением русская инквизиция, но знаем ее приговор: в 1375 г. в Новгороде были преданы казни три руководителя движения — дьякон Никита, ремесленник Карп и третий, неизвестный. Их сбросили с большого новгородского моста в реку Волхов, а чтобы они не могли выплыть, им предварительно нанесли несколько ударов по голове дубиной. Новгородская инквизиция не успокоилась казнями главарей движения, а, напротив, именно после этих казней принялась за энергичное искоренение еретиков. Митрополит Фотий в своих посланиях от 1427 и 1429 гг., т. е. уже после 50 лет со времени казни руководителей, все еще настойчиво рекомендовал агентам псковской инквизиции искоренять ересь всеми мерами, беспощадно, и псковские инквизиторы отвечали, что, исполняя его приказание, они обыскали, переловили и показали много еретиков, но что некоторым из них удалось бежать.

Так долго, на протяжении пятидесяти лет, неутомимо действовали против стригольников епископские суды в Новгороде и Пскове, и только путем беспощадных массовых репрессий, казней и заточений им удалось на время задуть широкое социальное движение. Однако, несмотря на все усилия инквизиторов, пламя ереси не потухло.

Она возродилась в новом широком антицерковном движении, окрещенном церковниками названием «ереси жидовствующих». Ересь возникла в Новгороде около 1470 г. и держалась сначала в кругу новгородской торговой знати и вышедшего из ее рядов духовенства. В ней можно видеть одно из ранних выступлений зарождавшейся в России торговой буржуазии против стоявшей на ее пути паразитической феодальной церкви. Новгородская торговая знать поддерживала оживленные сношения с Литвой, Польшей и немцами Западом. Приезжавшие и жившие здесь иностранцы будили мысль торговых кругов, и оппозиционное настроение их против феодальной церкви находило свое выражение в первых проблесках научной критической мысли и «вольномудства». Стали увлекаться наукой, свободной от гнета религии и веры, и запретными, но заманчивыми «тайными знаниями» — астрологией, алхимией, геометрией. Проводниками этих знаний явились ученые евреи, среди которых источники называют еврея Схарию, — человека, стоявшего на высоте образованности своего времени.

Они завезли в Новгород некоторые рукописные сочинения, которые пробудили живейший интерес у торговой знати. Среди таких рукописей пользовалась особым успехом астрономическая рукопись «Шестокрылия», которая давала возможность предсказывать солнечные затмения. По всей вероятности, эта рукопись заключала в себе астрономические таблицы, составленные по сочинениям знаменитого в то время еврейского астронома, врача и математика Иммануила Бен-Якова Бонфиса. А именно, в основе рукописи лежало его известное и популярное в средние века сочинение «О соединениях, противостояниях и затмениях», переведенное в 1406 г. с еврейского на латинский язык.

Схария познакомил новгородцев и с некоторыми математическими рукописями, заключавшими в себе науку «землемерия», или геометрию. В этой области он, вероятно, воспользовался сочинениями другого знаменитого в то время ученого, еврея Мордехая Коматьяно. Его научная деятельность была широко известна во всей средневековой Европе и относилась преимущественно к области математических наук. В своих многочисленных сочинениях он трактовал об арифметике, геометрии, астрономии, механике, которые сам изучал по греческим и арабским источникам. Он был хорошо знаком и с логикой, этикой, философией, естественными науками и популярной медициной.

С сочинениями этих известных в то время ученых, надо полагать, и познакомили новгородскую торговую знать приезжие еврейские купцы и в том числе начитанный и образованный Схария. Скоро составилась среди новгородцев более или менее многочисленный кружок для изучения и знакомства с завезенными рукописями, содержание которых подрывало церковное учение. В то время как на каждое физическое явление, выходящее из ряда обыкновенных, смотрели как на божье предзнаменование общественных бедствий, самая возможность предсказывать солнечные затмения и другие природные явления должна была сильно подействовать на умы. Астрологические сочинения при всей своей нелепости колебали в первую очередь церковное учение о промысле божьем, действующем в мире, и естественно, что люди, познакомившиеся с ними, стали критически относиться к основным догматам христианской веры.

В основе новгородской ереси лежали интересы развивающейся торговли, которой тесны стали рамки феодальных установлений, в частности это был протест против чрез-

мерных земельных богатств церкви и против широкой ростовщической деятельности монастырей, давившей торговые и ремесленные элементы города.

В центре критики церковных установлений со стороны «жидовствующих» лежало то же основное убеждение строгольников, что «не велено иноческому житию села многонародна стяжевати и порабошати христиан, братию свою, и от сих неправедно сребро и злато сбирати».

Таким образом, и к новгородской ереси «жидовствующих» приложима характеристика, которую Энгельс дал бюргерским ересям Запада: «Ересь городов... была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она и нападала... средневековые бюргеры требовали прежде всего дешевой церкви»¹.

Так началось в Новгороде широкое антицерковное движение. Оно быстро распространилось и скоро вышло из тесного круга новгородских торговых кругов, захватило другие общественные группы и вылилось в ожесточенную борьбу с феодальной церковью.

К новгородским еретикам скоро примкнула боярская родовая знать. С возникновением Московского государства она стала терять большую часть своих привилегий, своих земельных имуществ, конфискуемых государством в пользу служилого класса. Старое боярство поэтому стояло в сильной оппозиции к церкви, поддерживавшей московский абсолютизм.

С другой стороны, к антицерковному движению присоединялись массы трудового ремесленного населения и крестьянства, терпевшие невыносимый гнет церковной эксплуатации. Дело усложнялось еще тем, что это антицерковное движение развивалось на фоне борьбы Московского государства с новгородской автономией. В 1478 г. Новгород пал, и к противникам церкви в Новгороде стали приставать все защитники его политической независимости, все недолговольные Москвой и поддерживавшей московскую единодержавную политику церковью.

В таких условиях движение быстро разрасталось. «Тoliko прельстиша и в жидовство отведоша, яко ни исчести можно». — говорит о ереси церковный источник². Даже в самой Москве в придворных сферах старобоярской партии было много противников феодальной церкви. Во главе это-

¹ См. выше Энгельс, ук. соч., т. VIII, стр. 129.

² «Просветитель» Иосифа Волоцкого. «Слово» 16-е.

го московского кружка стоял влиятельный дьяк Федор Курицын, славившийся своей образованностью, делавший литературные переводы светских рукописей и часто выражавший свое вольнодумство любимой фразой: «Душа человека свободна, но преграда ей — вера».

Сам московский великий князь Иван III в антицерковном движении, направленном главным образом против церковных земельных собственников, не видел ничего опасного для своей власти. Напротив, он сочувствовал открытым выступлениям новгородских еретиков против церковно-монастырского землевладения.

Тогда как-раз стал на очередь вопрос о конфискации церковно-монастырских вотчин. Привилегии феодальной церкви стали приносить большой ущерб государственным доходам. К тому же в конце XV в. у московской власти не стало свободных земель для вознаграждения своих служилых людей. А масса служилых людей стала в это время особенно велика. Поэтому и сама московская власть склонялась к конфискации церковно-монастырских вотчин, «чтобы служба убытка не было».

Таким образом, для феодальной церкви сложилась самая напряженная обстановка. Перед ней встала реальная угроза потерять значительную часть своего земельного богатства. Против нее готова была стать и сама государственная власть, желая экспроприировать обширные земельные владения церкви в пользу служилых людей.

Такое положение и заставило главных представителей церкви мобилизовать все свои силы на борьбу с противниками церковно-монастырских богатств и со всей беспощадностью обрушиться на еретиков. Сознывая, что для сохранения в неприкосновенности церковно-монастырского землевладения необходимо прежде всего склонить на свою сторону московскую великокняжескую власть, церковники в своих многочисленных посланиях стали излагать перед великим князем правила «божественного писания в отношении к достоянию бога».

Никакой православный государь, писали они, не имеет права разрушать порядок и строй церковной жизни, основанный на владении селами и деревнями. Разрушить этот порядок значит разрушить самую веру христианскую, самую церковь православную, чего так и добиваются еретики. Села необходимы монастырям, чтобы поддержать правую веру на земле, чтобы могли жить в монастырях «честные и благородные старцы», из числа которых церковь

должна получать защитников и столпов православного государства.

«Аще у монастырей сел не будет, како честному и благородному человеку постричься, и аще не будет честных старцев, отколе взяти на митрополию, или архиепископа, или епископа и на всякие честные власти? Аще же не будет честных старцев и благородных, ино вере и царству поколебание будет»¹.

Так вопрос о неприкосновенности церковно-монастырского землевладения в посланиях церковников сливается с вопросом о бытии и крепости православного государства, и все противники земельных богатств церкви объявляются «колебателями правой веры» и христианского государства.

Политическая борьба с боярскими притязаниями на власть заставила московских князей пойти с феодальной церковью на компромисс и, отказавшись от секуляризации церковно-монастырских земель, сделать церковь надежной опорой своей единодержавной власти. Бояр надо было сломить, церковь можно было приручить и использовать против боярства.

Заручившись поддержкой московского князя, церковь стала настойчиво домогаться жестокой расправы с еретиками, призывая московскую власть к полному и беспощадному разгрому всех своих врагов.

«Пожалуй и попецйся и промысли о божественных церквах, — призывали князя церковники, — занеже, государь, от вышней божьей десницы ты поставлен еси самодержец и государь всяя Руси... Аще не подвигнишия, ино, государь, погибнути всему христианству»².

Первым борцом против новгородских еретиков выступил архиепископ Геннадий Гонозов. Это был истый инквизитор, не останавливавшийся ни пред чем для искоренения противников феодальной церкви. Назначенный в Новгород сейчас же после того, как московский великий князь Иван III наложил на него свою тяжелую руку, Геннадий немедленно организовал дело розыска и скоро «открыл» ересь. Он поставил своей целью во что бы то ни стало задушить ересь и вместе с тем научить московского князя, как он должен реагировать на противников земельных богатств церкви в соответствии со своим званием православного самодержца. Он звал и убеждал колебавшегося и сочувство-

¹ «Просветитель Иосифа Волоцкого. «Слово» 15-е.

² Там же.

вавшего еретикам Ивана III принять самые беспощадные меры к подавлению ереси. Он же первый указал Ивану III и на средство, как «от срамоты той свою землю очистить». Средство это — физическое истребление еретиков и применение к ним всех приемов и методов испанской инквизиции.

Геннадий с умилением смотрел на испанскую инквизицию, действия которой вызывали в нем бурное восхищение. Необходимо сказать, что это было время, когда в Испании как-раз свирепствовал «великий первосвященник палачей» Фома Торквемада. Множество неповинных людей возводил он на костер. От короля Фердинанда Католика (1474—1516 гг.) и Изабеллы он добился изгнания из Испании около 800 тысяч евреев, не пожелавших насильно принимать христианскую веру. За 15 лет своей инквизиторской деятельности он сжег на кострах 10 220 жертв. 6 860 человек спасли от огня только смерть в казематах под пытками или бегство. 97 321 человек подверглись различным наказаниям: вечному заточению в ужасных тюрьмах инквизиции, конфискации имущества, лишению всяких гражданских должностей и всевозможным унижительным церковным наказаниям.

Вот эту деятельность испанской инквизиции как-раз и восхвалял Геннадий и восхищался ею, добиваясь от московской власти создания того же и у себя. В 1490 г. он, требуя немедленной казни захваченных еретиков, писал московскому митрополиту: «Смотри, франки по своей вере какую крепость держат! Сказывал мне посол цесарский про шпанского короля, как он свою землю очистил, и я с тех речей и список тебе послал». И Геннадий, насколько мог, осуществлял на деле свои инквизиторские вождедения.

Современник так характеризует его деятельность: «Как лев устремился он на злодейственных еретиков, когтями своими растерзая их скверные утробы и зубами своими сокрушая их и о камень разбивая»¹. Он захватил в свои руки, повидимому, немало народу и всех подвергал в своем застенке — епископском дворе — мучительным пыткам, от которых некоторые сошли с ума. Для главнейших же руководителей движения он, на манер западной инквизиции, устроил торжественное ауто-да-фе. Перед казнью была организована особая позорная процессия для всенарод-

¹ «Просветитель», гл. 14, стр. 51—52.

ного поругания еретиков. Они были посажены на коней «в седла ючные», лицом к конским хвостам, «яко да зрят на запад в уготованный им огонь вечный»; на них были надеты особые шутовские одежды, в каких тогда изображали бесов; на головы были водружены остроконечные из бересты шапки с мочальными кистями и с венками из сена и соломы, на которых были прикреплены дощечки с надписью: «Се есть сатанино воинство!». В таком виде еретики следовали по улицам города, причем все встречавшиеся и собравшиеся должны были плевать им в глаза со словами: «Вот враги божьи и хулители Христа!». В заключение на еретиках были зажжены украшавшие их венки и шапки, а затем и сами они были сожжены на Духовском поле. Кроме того, много народу было сослано в монастыри на вечное заточение и подверглось другим тяжелым наказаниям¹. Но это было только начало деятельности инквизиторов. Антицерковное движение уже распространилось повсюду, охватило собой другие местности и утвердилось в самой Москве.

«И во многие грады и веси разыдошася и во всех градах и селах умножиша и рассеяша скверное и жидовское свое учение»². Тогда на подмогу новгородской инквизиции выдвинулся знаменитый в истории московского самодержавия игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин, прославленный и чтимый церковью святым. Сын богатого вотчинника в том же Волоколамском крае, где был впоследствии основан им монастырь, Иосиф Санин в истории России явился столь же свирепым и беспощадным инквизитором, сколь и горячим апологетом безграничного самодержавия московских князей.

Фанатический защитник неприкосновенности церковно-монастырской собственности, он явился вместе с тем и фанатическим гонителем всех тех, кто так или иначе восставал против нее. Именно в его монастыре получил особенное развитие тот обычай «задушья», против которого уже давно восставали еретики.

Как домовитый вотчинник, неусыпно заботящийся о приумножении своих богатств, он обратил обычай «задушья» в одну из самых доходных статей монастырского хозяйства. Уже простое годовое поминание умершего допускалось в его монастыре не иначе, как за определенное договором

¹ Полн. собр. русск. летоп., III, 48.

² «Просветитель». «Слово» 15-е.

количество хлеба, земли или денег. Что же касается до «вечной памяти», то за это он требовал громадную по тому времени сумму денег от 500 до 1 000 рублин, или же равноценное количество земли.

Естественны были поэтому его звериная жестокость по отношению к еретикам и тот свирепый поход, который во главе с ним открыли против еретиков соединенные силы богатых церковных феодалов. Прежде всего они старались очернить еретическое движение как только можно. Они изображали еретиков чернокнижниками и волшебниками, явившимися на погибель московскому православно-самодержавному царству. Они разжигали антисемитские настроения верующих, особенно подчеркивая собственные выдумки, что главарями всего движения были три еврея, прибывшие из Литвы, что они соvertsили в еврейскую веру даже двух новгородских попов, которые хотели будто бы даже принять обрезание и переменить христианские имена на еврейские. Наконец, они распускали вздорные слухи, будто еретики приводили в церкви «блудниц», осквернялись с ними, мылись с ними в лохани и эту грязную воду влияли потом в вино и мед и посылали своим знакомым православным. А некий Костев, по их рассказам, будто бы обливал икону своей мочой.

Все подобные лживые выдумки — обычные приемы всех и всяких инквизиторов в разжигании религиозной вражды.

Не довольствуясь этой пропагандой религиозной нетерпимости, Иосиф Волоцкий начинает горячую проповедь в защиту массовых казней еретиков. Он пишет целое сочинение под заглавием «Просветитель», в котором задается целью юридически и догматически оправдать смертные казни еретиков ссылками на «священное писание» и таким образом освятить именем бога массовый террор во имя защиты церковных богатств.

Мы не можем сказать, что Иосиф Волоцкий в истории русской инквизиции был первым идеологом и проповедником казней еретиков. Проповедь кровавой расправы с врагами церкви уже раздавалась и до него. Но в его лице мы впервые видим стремление русской инквизиции возвести казнь в догму, освятить ее авторитетом бога и распространить поголовно на всех еретиков. В этом отношении из всех русских инквизиторов он явился первым, кто теорию западноевропейской инквизиции пересадил и утвердил на русской почве.

Все сочинение Иосифа Волоцкого именно и направлено

к тому, чтобы убедить московского государя в законности и необходимости во имя славы божьей физического уничтожения еретиков. Законность и необходимость этого действия он доказывает многочисленными цитатами из «священного писания» и примерами из церковной практики прежних веков. Самое развитие и распространение еретичества он рассматривает как одну из главных причин падения и гибели многих государств. В самих огненных казнях, в гноении еретиков по тюрьмам он видит «ревность по православной вере христовой и любовь к господу богу и пречистой богородице». Сам «святой дух», по его словам, руками палачей казнит еретиков. А розыски, пытки и казни еретиков искупают перед богом все грехи инквизиторов.

Вследствие этого Иосиф Волоцкий призывает всех представителей церкви разыскивать еретиков всяким способом, пытать их и вымогать от них признания в ереси и выдачи сообщников. В розысках и преследовании еретиков должны принимать активное участие и все православные христиане. В отношении к ним православному не позволительно питать никакого чувства сожаления. «Да потщится всякий православный всякое тщание, всякий подвиг и всякую ревность показать и испытывать еретика и отступника всяким образом, а узнавши истинно и достоверно об их еретичестве и отступлении, не утаивать, но исповедывать и свидетельствовать о них». Кто не делает этого, тот — сообщник еретика и сам заслуживает строгого наказания и даже казни. Для большего успеха при розыске еретиков он призывает прибегать к обману, хитрости и всякой лжи, «всякое тщание и подвиг и богопремудростное коварство показывать», и приводит многочисленные примеры таких методов из практики «отцов и учителей» церкви.

Это уже вполне законченная и целостная теория русской инквизиции. Но, как можно заметить, она не оригинальна. Она только воспроизводит основные положения средневековой католической инквизиции, применяя их к обстоятельствам русской жизни того времени. Тем не менее, она сделалась заветом для инквизиционной практики русской церкви на все последующие века.

Проповедь святого инквизитора, жаждавшего крови, оказала свое действие. Настойчивое требование массовых репрессий по отношению к противникам церковно-монастырского землевладения было одобрено московским церковным собором 1504 г., который вынес решение о предании

еретиков градским, т. е. уголовным, наказаниям, а главных из них — сожжению. После этого началась расправа. Множество людей погибло на кострах, некоторых сжигали в деревянных клетках, другим вырезывали языки и затем сжигали. Еще большее количество жертв было заключено в тюрьмы или разослано на вечное заточение по дальним монастырям.

Для большего торжества собор нашел необходимым произвести сожжение главных руководителей в обоих центрах движения, как в Москве, так и в Новгороде. В Москве сожгли в клетках Ивана Волка, брата Федора Курицына, Ивана Максимова и какого-то Митю Пустоселова. В Новгороде же были сожжены Некрас Рукавов, Ивашко Самочерный и много других. Таким образом было разгромлено широкое социальное движение против феодальной церкви. Но и этим дело не кончилось. Еще долго после этого расправлялась русская инквизиция с противниками церковно-монастырских богатств. На протяжении целых 50 лет дело сыска и расправы со всеми подозрительными и опасными для церковных вотчинников людьми держали в своих руках верные выученики Иосифа Волоцкого. Это была целая монашеская школа высшей церковной знати, так называемые «иосифляне», занявшие все командные должности в русской церкви до самой половины XVI в. Крупнейшие земельные собственники, они выше всего ценили блага мира и для ограждения своих богатств готовы были пойти и шли на все.

Во главе этой церковной знати стоял московский митрополит Даниил. Он показал себя истым инквизитором, ничуть не хуже своего учителя Иосифа Волоцкого. В своих проповедях Даниил беспощаден к еретикам. Он доказывает, что еретики не только враги церкви, но вместе с тем и враги государства, и в качестве таковых должны быть судимы как государственные преступники и разбойники. Он запрещает православным всякое общение с еретиками. Для них не должно иметь в сердце никакого другого чувства, кроме чувства «совершенной ненависти», которой должен «возненавидеть их» каждый православный.

Обращаясь к правящим классам, Даниил убеждает их «возревновать против врагов божьих — еретиков — божественной ревностью и проявлять к ним праведную ярость»¹.

¹ В. Жмакин — Митрополит Даниил и его сочинения. М. 1881. Стр. 410.

Ревность по боге, говорит он, должна уподобляться ревности Моисея, повелевавшего убивать нарушителей закона. Он зовет к кровавым репрессивным мерам против еретиков и защищает смертную казнь как вполне законное и освященное волей самого бога наказание для них. Многочисленными цитатами из библии, из сочинений древних церковных писателей, примерами из практики древнехристианской церкви Даниил стремится обосновать то положение, что «убийство ради бога не есть убийство» и что вполне справедливо «злую зле губити смертью» еретиков. Этот долг преследовать и физически уничтожать еретиков лежит не только на светской власти, но и самой церкви принадлежит право преследовать, осуждать еретиков и передавать их в руки государства для наказания.

Таким образом, монашеская школа «иосифлян» в своей борьбе с «врагами божьими» твердо и неуклонно следовала заветам Иосифа Волоцкого. Во главе с митрополитом Даниилом эти воинствующие богатые монахи упорно защищали неприкосновенность церковно-монастырского землевладения и ревностно очищали Московское государство от «злых плевет», называя «врагами божьими», еретиками и волшебниками тех, кто дерзал поднимать свой голос против их жадности и корыстолюбия.

В первую очередь они обрушили свои удары на головы главнейших идеологических борцов против земельных богатств церкви — Максима Грека и Вассиана Патрикеева. В их полемике против церковно-монастырского землевладения и монашеской распущенности митрополит Даниил усмотрел опасную ересь и полностью применил к ним теорию инквизиции, развиваемую в его проповедях.

В 1525 г. был предан суду церковного собора Максим Грек, знаменитый в то время «мудрец», присланный в Москву для исправления церковно-богослужебных книг. В актах церковного собора, судившего этого «еретика», один из главных обвинительных пунктов состоял именно в том, что Максим отрицал за монастырями право владеть населенными имениями и эксплуатировать крестьянский труд. «Даты же, Максим, — читаем в судном списке собора, — святых чудотворцев... укоряеши и хулиши и говоришь так: занеже они держали города, и волости, и села, и люди... и пошлины, и оброки, и дани взимали, и многое богатство имели, то поэтому они не могут быть чудотворцами. А чудотворцев называешь смутотворцами, потому что они в монасты-

рях села имели и людей... Ино то еси еретическое мудрование мудровал»¹.

Соборный суд окончился суровым приговором. Максим Грек был объявлен «злохулительным еретиком» и послан в заточение в Волоколамский монастырь, где был заключен в каменный мешок «обращения ради и покаяния и исправления». По распоряжению митрополита Даниила ему было запрещено с кем-либо сообщаться, писать или сочинять что-либо и получать от кого бы то ни было письма. К нему были приставлены два надежных монастырских старца, выбранные митрополитом, которые следили за каждым его шагом, запоминали все, что он говорил, и доносили Даниилу. Максим выносил ужасные страдания: его мучили голодом, дымом, морозом и другими различными «озлоблениями и томлениями», и все это монахи делали в такой сильной степени, что он «от дыма и от горести темничныя был на мног час яко мертв»².

Около шести лет провел он в таком тяжелом заключении. Физические страдания и полная изоляция от внешнего мира довели его до умственного расстройства. Выпадали минуты, когда Максим доходил до потери сознания или находился в полусознательном состоянии. В таком положении, близком к сумасшествию, он часто бормотал бессвязные слова и делал произвольные действия. Однажды в таком состоянии он стал писать углем на стене и выкрикивать непонятные слова. Об этом ревностные старцы, приставленные к нему, не замедлили донести, и митрополит Даниил поспешил превратить свою жертву в настоящего колдуна, чернокнижника.

В 1531 г. Максима привезли в оковах на новый суд церковного собора в Москве, и Даниил выставил против него новые тяжелые обвинения. «Ты,—говорили отцы собора,—волшебными хитростями эллинскими писал еси водками на дланех своих и распростирал длани свои против великого князя, также и против иных многих поставлял волхвуй. Ты говорил: «аз ведаю все везде, где что деется»—ино то волхование эллинское и еретическое... Ты прилагаешь зло ко злу, эллинскими и жидовскими мудрованиями и чернокнижными их хитростями волшебными, от-

¹ Прение митр. Даниила с Максимом. Чтения в «Общ. ист. и древн.» 1847 г., № 7, отд. II, стр. 3—4.

² Опис. рукоп. моск. синод. библ., II, 2, стр. 579. Ср. В. Жмакин, ук. соч., стр. 181.

реченными от христианского закона и жития, хвалишися и возносишися и много христианство губиши».

Отцы собора громоздят на голову жертвы одно обвинение за другим. Они обвиняют подсудимого, что он составлял «писания хульна и еретическая» и распространял их в обществе («во многие люди и народы»), что он распространял «жидовская и эллинская учения и арианская и македонская, истленно-мнительная и прочая пагубная ереси»; в сочинениях подсудимого они находят «хулы на господа и на пресв. богородицу, и на церковные уставы и законы, и на святые чудотворцы и на святые монастыри и на прочая»¹.

Так, за едкие нападки на роскошную жизнь своих инквизиторов знаменитый «мудрец» и книжный справщик стал страшным еретиком и чернокнижником. Не в бровь, а в глаз попал он своим судьям, когда незадолго перед тем обличал их в своих сочинениях, нисколько не сгущая краски: «Грустно мне, — писал он, — глядя на вас, когда вы бесчисленными гласы доброгогласных пеней гремите в храмах, а вне храма исторгаете стоны из глубины душ угнетаемых вами. О, ты, треокаянный, бесконечно пьющий кровь убогих и посредством лихвы и всяческих неправд доставивший все нужное себе! Когда захочешь, поедешь по городу на великолепных конях, окруженный блестящей свитой, и отбиваешь кнутом едущих впереди и сзади тебя, прогоняешь встречающийся и стесняющий тебя народ. Неужели ты думаешь угодить богу долгими молитвами и черными ризами?.. Неужели ты не видишь крайнего бесчеловечия и неправды в том, что отрекшиеся от мира, принявшие на себя сан ангельский забывают свои обеты, снова занимаются стяжанием и, живя в роскоши и неге, питаются потом подвластных им крестьян?.. Неужели ты не видишь, что эти подвластные, будучи угнетаемы, своим беспрестанным грузом доставляют им все необходимое для жизни, а сами живут постоянно в скудости и нищете, не имеют никогда ржаного чистого хлеба и соли, чтобы насытиться?..»².

Именно эти красноречивые обличения, а не «хула на господа», сделали Максима волшебником и чернокнижником и навлекли на него суровую кару церковного собора. Он предстал перед сонмом высшей церковной иерархии как опасный еретик и волшебник, злоумышлявший в союзе с

¹ Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, ч. I, стр. 246—247.

² Соч. Максима Грека, ч. II, стр. 167 и сл.

дьяволом на великого князя Василия Ивановича, и соборным приговором был объявлен не только еретиком, но и политическим преступником, изменником, врагом государства. И несмотря на то, что измученный продолжительным заключением в монастырском каменном мешке Максим Грек трижды падал ниц перед собором, прося прощения, снисхождения, взывая о христианской любви и милосердии, злобная натура его инквизиторов не вняла никаким мольбам своего униженного врага. Собор не только не простил Максима, но снова его осудил «аки хульника и священных писаний тлителя» и в оковах отправил его во вторичное заключение в Тверской Отрочь монастырь, в руки «иосифляна» — тверского епископа Акакия. Здесь снова он был заточен в каменный мешок и «различными озлоблениями озлобляем»¹.

Вместе с Максимом на том же церковном соборе были обвинены в еретичестве и его ближайшие помощники по исправлению книг — Михаил Медоварцев и Сильван. Первый был сослан в монастырское заключение в Коломну, и последний конец его не известен. Об участии же Сильвана современник князь Курбский говорит, что он «уморен злой смертью за малые дни в своем доме митрополитом Даниилом»². Одна же современная рукопись сообщает: «того Сильвана в дым повесили и дымом уморили и много беды подъял во Иосифове (Волоколамском) монастыре»³. Это известие подтверждает и другая рукопись того же времени, замечая, что Сильван «заточен от Даниила, митрополита Московского, на Волоце Ламском во Иосифов монастырь и... в дыму задушен скончался»⁴.

Теперь наступила очередь и для Вассиана Патрикеева. Опальный боярин, насильно постриженный в монахи, он таил в себе глубокую вражду к богатым земельным собственникам — «иосифлянам», наиболее опасным экономическим соперникам разбитого московским единодержавием боярства. Сделав своим оружием в борьбе евангельскую заповедь о любви к ближнему, он восстал против инквизиторских деяний «иосифлян» и написал сочинение о том, что «не подобает монастырям владеть селами». В нем Вассиан укорял монахов за то, что они забыли «евангельские заветы»

¹ Там же, стр. 369—370.

² Сказания кн. Курбского. Стр. 42.

³ Опис. рук. синод. библиот., II, 2, стр. 579. Ср. В. Жмакин, ук. соч., стр. 192, прим. 2.

⁴ Опис. рук. Соловецких библиот. Каз. дух. акад., I, стр. 163—164.

и сделались грабителями и истязателями своей паствы. «Мы, — писал Вассиан, — ныне обидим и грабим и продаем христиан, братию нашу, и бичами мучим и истязаем своих людей без милости, аки звери дикие на тела их наскакивающе, или же садим их в оковы, как теперь это делают бесстрашно те, которые считают себя святыми и чудотворцами»¹.

Митрополит Даниил сначала без суда заключил Вассиана в Чудов монастырь, а затем в 1531 г. на церковном соборе после судебного процесса Вассиан был объявлен еретиком, «христорборцем» и сослан в Волоколамский монастырь. Даниил прислал его сюда в железных оковах и посадил в каменный мешок «Германовой башни», похоронив его живым. Понятно, какие чувства питали к родовитому узнику монастырские тюремщики, и Даниил верно рассчитал, что они проявят свою божественную ревность в искусном обхождении с еретиком. Действительно, скоро Вассиана Патрикеева уже не было в живых. Курбский передает нам, что монастырские тюремщики уморили его голодом и дымом. «Оного блаженного Васьяна, изымав, заточити повелел, и связанна святого мужа, аки злодея, в прегорчайшую темницу к подобным себе в злости, презлым осифлянам, в монастырь их отослал и скорою смертию уморити повелел. Они же, яко лютости его скорые послушницы и во всех злых потаковницы, паче же еще и подражатели, умориша его вскоре»².

А после убийства иноки волоколамского застенка торжественно похоронили его в почетном месте и над его гробницей поместили икону божьей матери в серебряной ризе и серебряную дощечку с надписью: «Со святыми упокой, Христе боже, душу раба твоего».

Долго еще бушевала эта кровавая расправа «иосифлян» с противниками церковно-монастырского землевладения.

В 1553 г. они обвинили в ереси троцкого игумена Артемия за то, что он писал царю Ивану Грозному, убеждая его «села отнимати у монастырей». На церковном соборе Артемий был осужден как еретик и сослан в заключение в Соловецкий монастырь³. В 1554 г. опять погиб от руки «иосифлян» один московский служилый человек по имени Матвей Башкин. Он стал осуждать деятельность духовенства и го-

¹ «Древняя и Новая Россия». 1875. № 3, стр. 271.

² Сказания Курбского, стр. 4.

³ Акты Археогр. Экспед., I, № 239.

ворил, что не понимает, как можно оправдывать существование закабаленных крестьян в христианском государстве. «Мы-де, — говорил он, — христовых рабов держим у себя рабами: Христос всех братьями называет, а у нас-де на иных кабалы нарядные (т. е. фальшивые), на иных полные, а иные беглых держат». Поэтому Башкин изодрал у себя все кабальные записи, какие были у него, и отпустил на волю своих холопов. А затем как-то на исповеди, признаваясь в этом попу, говорил: «А вам, отцам, надобно посещать нас, мирян, почаще, да у нас научиться как самим жить-то, и как людей у себя держать, чтобы не томить их».

И вот поп немедленно доносит митрополиту Макарию, что «прозябе ересь и явился ропот и шатание в людях в неудобных словес о божестве». Под влиянием внушений митрополита Макария царь Иван Грозный приказал заключить Башкина под стражу и для суда над ним собраться собору. Таким образом, и эта новая жертва «презлых носифлян» была отдана в их полное распоряжение. Дело Матвея Башкина русская православная церковь вела по всем правилам инквизиции, стараясь привлечь к делу и погубить возможно большее число лиц.

Чтобы вынудить сознание Башкина в ереси, митрополит распорядился подвергнуть Башкина в застенке жестоким пыткам. С этой целью к нему были приставлены в качестве «увещателей» и «духовников» два испытанных палача — монастырские старцы Волоколамского монастыря, те самые старцы, которые морили голодом и дымом Максима Грека и Вассиана Патрикеева. История умалчивает о том, как увещевали Башкина эти старцы. Известно только, что они довели свою жертву в застенке до полного почти сумасшествия. Вскоре после их «увещаний» Башкин, как выражаются современники, «был постигнут гневом божьим» и начал «бесноваться». «Богоотступным гневом обличен был, бесу предан и язык извеся, непотребное и нестройное глаголаше на многи часы»¹. Он признал все свои вины, которые возвели на него инквизиторы, и оговорил множество лиц. «Самою рукою исписа и свое еретичество и свои единомысленники о всем подлинно»².

Оказалось, что всеми его «единомысленниками» были именно те лица, против которых давно уже кипела ненависть и злоба «носифлян». Это были так называемые «за-

¹ Макарий — История русской церкви. Т. VI, стр. 254—255.

² Акты Археогр. Эксп., I, № 239, стр. 250.

волжские старцы» — монахи бедных заволжских монастырей и пустынь, которые давно вели идеологическую борьбу против «обмирщения» церкви, против богатых и развратных земельных собственников — «иосифлян», захвативших в свои руки все высшие церковные должности. Заволжские старцы еще на соборе 1490 г. по поводу новгородских еретиков, а затем в двух посланиях 1504 и 1505 гг. подняли свой голос против инквизиторских действий Иосифа Волоцкого и Геннадия Гонозова. Они доказывали, что эти действия противоречат учению Христа и что об еретиках следует только молиться, а не судить их и наказывать смертью. Однако это выступление старцев навлекло на них обвинение в еретичестве. Таким же еретичеством собор 1503 г. признал и заявление старцев о неприличии монастырям владеть землями и угнетать сидевших на этих землях крестьян.

Теперь наконец настало время для полного и окончательного разгрома «нестяжателей», авторитет которых дал импульс движению против правящих верхов феодальной церкви на протяжении почти целого столетия. Дело Башкина в церковном инквизиционном застенке именно и приняло характер кровавого похода против людей, отвергавших «земные», «грешные» пути, по которому шла феодальная церковь. «Тогда, — пишет современник, — митрополит русский... повелел оных ругателей везде имати, хотяще истязати их о расколех их, имиже церковь возмущали и где слико еще обретено их, везде имано и провожено до места главного московского, паче же от пустынь заволжских бо и там прозябоша оная ругания»¹.

Другими словами, начался полный разгром непокорных. Их массами арестовывали и привозили в Москву. Здесь их размещали по подвалам монастырей и подворий, допрашивали, пытали, чтобы добиться оговора новых врагов, а затем без всякого суда, по приговору митрополита, рассылали «на безысходное пребывание» по разным монастырям².

В 1553—1554 гг. после этого разгрома группы заволжских старцев московский церковный собор торжественно осудил и самого Башкина. Ему были предъявлены обвинения в отступничестве от православия и от Христа. Для обличения Башкина собор принял в свое руководство кодекс инквизиционной морали Иосифа Волоцкого, именно его знаменитую книгу «Просветитель», где так подробно была раз-

¹ «Сказания кн. Курбского», стр. 177.

² Акты Археогр. Эксп., I, № 239, стр. 250.

работана каноническая и юридическая теория русской инквизиции. Руководясь этим «светилом православия», как была названа на соборе эта книга, отцы собора и приговорили Башкина к сожжению. По свидетельству современника, «его велено было посадить в деревянную клетку и сжечь»¹.

Тогда же путем кровавого террора «иносифляне» подавили движение, возникшее среди угнетенных масс. Во главе этого движения стоял беглый холоп московского боярина Феодосий Косой. В ответ на метод «жечи да вешати» он стал проповедывать учение о бегстве, как единственно верном пути жизни. Это учение пользовалось большим сочувствием угнетенных масс. Не признавать над собой никакой власти, — ни царской, ни боярской, ни поповской! — было главным девизом бежавших. Сам Феодосий Косой вместе с другими холопами бежал в Белозерский край к заволжским старцам и здесь принял монашество, чтобы укрыться от преследования своих. «И те монахи, — рассказывает современник, — развратились в ересь, называемую безбожной... Прельщая людей, простых нравом, они учили прежде всего хулить монастыри, клеветая на них за то, что имели села; также укоряли попов и епископов, говоря: живут попы не по евангелию, имения собирают и по евангелию не учат... повелевают себя слушать и земских властей бояться и подати давать им. Не подобает повиноваться попам и властям»².

В 1555 г. Феодосий Косой был привезен в Москву, и церковный собор осудил его и приговорил к сожжению. Но ему удалось бежать в Литву.

Итак, в своей продолжительной борьбе с еретиками в период XI—XVI вв. русская православная церковь выработала и осуществляла настоящую инквизиционную систему борьбы. У ней не было, как в католической церкви, официального института инквизиции, но розыск, допрос с применением пыток, квалификация религиозного преступления, судебный процесс, приговор и наказание — все эти существенные моменты судопроизводства по религиозным делам находились всецело в руках церкви.

Она имела свои застенки, **своих палачей и многочислен-ные собственные тюрьмы** при монастырях, куда по своим приговорам и заточала еретиков. Собственной властью она посылала многих еретиков и на костры.

¹ «Новое известие о России времени Ивана Грозного». Сказание Альберта Шлихтинга. Изд. Акад. Наук СССР. 1934. Стр. 42.

² См. у Зиновия Остенского — Истины показание к вопросу о новом учении. Казань. 1863.

По мере того, как церковь утрачивала свои права и привилегии феодального владельца, право творить суд и расправу в своих владениях, ее представители все больше настаивают на обязанности государственной власти бороться с ересями.

Иосиф Волоцкий все свое красноречие посвящает изложению тех задач, которые должны стоять перед московским самодержавием по отношению к еретикам. Уже ранее проводимые в церковной письменности тезисы о божественном происхождении верховной власти и о главной обязанности этой власти огнем и мечом истреблять еретиков получили в теории инквизиции Иосифа Волоцкого законченное развитие.

«Вас бо бог в себе место избрал на земли, и на свой престол вознеся посадил, милость и живот положил у вас, и меч вышней божьей десницы вручил вам... во отмщение злодеям, в похвалу же добро творящим». Поэтому, говорит Иосиф, московские великодержавные князья должны прежде всего спасать врученное им православное стадо от волков, погубляющих душу и тело, т. е. еретиков. «Вы же убо да не держите истину в неправде, и убийтеся серпа небесного и не давайте воли злотворящим людям».

Иосиф решительно заявляет, что самое звание самодержавного великого князя само собой предполагает «посещение мечом» всех «обидящих церкви божьи». «Да видят все царие славу преславного царствия вашего; придет бо ти от сего свет вечный и не вечный в тебе воссияет», и тогда «непоколебимо и непревратно соблюдет и охранит вышнего десница богом поставленное твое царство»¹.

Проповедь Иосифа Волоцкого была твердо усвоена всеми последователями его. При содействии его верных учеников — московских митрополитов Даниила и Макария — эта теория была окончательно закреплена и реализована. Всех еретиков московское самодержавие стало рассматривать не только как «церковных мятежников», но и как государственных преступников. С развитием московского самодержавия и государственного значения церкви этот взгляд получает быстрое развитие, и с этого времени русская православная церковь в своей борьбе с еретиками входит в тесный контакт с карательными органами Московского государства. Церковная практика жестоких наказаний для еретиков вплоть до сожжений их на кострах всецело усваи-

¹ «Просветитель» Иосифа Волоцкого.

вается московскими самодержцами. В законодательство Московского государства в начале XVII в. уже прочно входит сожжение как обычная казнь еретиков. «Соборное Уложение» царя Алексея Михайловича ставит вопрос об истреблении еретиков уже вполне определенно: «Всякий, будет ли это иноверец или русский, кто хулит Иисуса Христа, богородицу, св. крест и угодников божьих, и это подлинно подтвердится, — тот должен быть сожжен». «И про то сыскивати всякими сыски накрепко, да будет сыщется про то допряма, и того богохульника, облачив, казнити, сжечь»¹.

«Уложение» приравнивает всякое сопротивление церковным властям к «злому умыслению» на «государское здорovie». Именно, самые тяжкие наказания — сожжение людей живьем — оно назначает за неподчинение церковной власти, за оскорбление царского имени и за злой умысел против царя.

Мы можем определенно говорить, что на это законодательство оказала огромное влияние продолжительная инквизиционная практика церкви в ранний феодальный период истории России. В древнерусских законодательных памятниках мы нигде не находим никаких указаний на тот или иной род наказаний за волшебство, еретичество и богохульство. Но церковная судебная практика очень рано ввела за эти «преступления» смертную казнь через сожжение. Право на сожжение своих противников древнерусская церковь доказывала ссылками на церковные каноны и практику точной «вселенской» церкви. В церковно-юридическом памятнике, так называемой «Кормчей книге» софийской редакции, в списках XIV в. мы уже находим «Правило святых отец об обидящих церкви божия». Правило это повелевает принимать строгие меры против всех, кто будет посягать на церковные «села и винограды», «суды восхищати церковная и оправдания»; или оскорблять и отвергать церковную иерархию. Наказание, которым угрожает церковь в данном случае, доходит до сожжения непокорных на костре. «Паки аще вельмй негодованием начнуть негодовати, забыв вышний страх, оболкшися в бестудье, повелевает наша власть тех огнем сжещи». В эпоху ереси «жидовствующих» церковные власти, требуя огненной казни еретиков, ссылались также на одну из статей византийского «градского закона», тоже вошедшего в состав «Кормчей книги», где право на сожжение еретиков было выражено так: «Аще жидо-

¹ «Уложение», гл. I, ст. I.

вин или агарянин дерзнет развратить от христианския веры христианина, главней повинен казни; иже сподобився св. крещения, еретичествоует и эллинствует, — конечныя муки повинен есть».

Таким образом, жестокие наказания путем сожжений, зафиксированные в «Уложении», лишь узаконяли в государстве московском давнюю церковную практику и находили для себя полное основание в церковных постановлениях и решениях по делам еретиков. Церковь не впервые брала на себя инициативу введения смертной казни.

Летописец передает, что вследствие увеличения разбоев епископы посоветовали киевскому князю Владимиру установить смертную казнь. «Реша епископы Володимеру: «се умножишася разбойницы, почто не казнишь их?» Он же рече им: «боюся греха». Они же реша ему: «ты поставлен есть от бога на казнь злым и добрым на милованье; достоить ти казнити разбойника»¹.

Такое же влияние на законодательство Московского государства по отношению к еретикам и богоотступникам оказывала вся теория церковных наказаний. Она имела целью канонически и юридически обосновать инквизиционные методы и утвердить то основное положение, что «грешника или еретика убить молитвой или руками едино есть» и что поэтому обязанность православного царя «своим царским судом искоренять той злый плевел в конец»².

И эти призывы церкви не остались тщетны. Они прочно вошли в русское законодательство, получали свое осуществление на деле и держались непоколебимо в продолжение всего московского периода. Церковь и Московское государство пошли теперь по пути искоренения еретиков рука об руку.

Это был второй этап в развитии русской инквизиции.

БОРЬБА С РАСКОЛОМ

Наиболее яркую картину инквизиционной практики русской церкви в период московского самодержавия дает ее борьба с широким религиозным движением, возникшим в половине XVII в. и известным в истории под именем раскола.

Внешним поводом его возникновения послужила церков-

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 54.

² «Послание Иосифа Волоцкого к Василию Ивановичу». «Древняя Рос. Вивлиоф.», Ч. XVI, стр. 423.

ная реформа, предпринятая патриархом Никоном. На этой почве внутри православной церкви произошло резкое столкновение между защитниками и противниками реформы, что привело в конце-концов к образованию двух враждебных церковных лагерей. Оппозиция новшеств Никона возникла первоначально в среде низшего рядового духовенства, и вначале самые новшества послужили лишь поводом для открытого протеста этого духовенства против гнета церковной аристократии.

Рядовое духовенство было уже давно озлоблено чрезмерными поборами, вымогательствами и жестоким к нему отношением церковной знати. Когда же во главе русской церкви стал патриарх Никон, положение сделалось невыносимым.

Это был крупнейший и богатейший феодал, беспощадный и бесчеловечный эксплуататор. Став патриархом, он пустил в ход все преимущества своего положения, чтобы сосредоточить в своих руках наиболее обширные и доходные владения и скопить значительные сокровища. Современники говорят, что в интересах личного обогащения он грабил направо и налево, разорял и князей, и бояр, и монахов, и крестьян. «Похищайся бо тот волк Никон, яко разбойник грабя себе и святых монастырей села и вотчины, и у князей такожде отъемля всяко и к своим прилагая. И многие князи ослезил, и монастыри оскорбил и разорил, и простых крестьян тяжкими трудами умучил»¹.

В лице Никона, как в фокусе, сконцентрировался тот дух хищничества и жадности, который составлял характерную черту высших представителей феодальной церкви. Путешественник Павел Алепский сообщает, что Никон довел свои владения до громадных размеров сравнительно с владениями своих предшественников, так что сделался самым богатым человеком после царя. «Этот патриарх, — говорит Павел, — имеет большое влияние на царя и потому, в то время как прежде было пожаловано патриархии угодье в 10 000 крестьянских дворов, Никон довел их число до 25 000; ибо всякий раз как умирает кто-либо из бояр, патриарх является к царю и выпрашивает себе часть крестьян и имений умершего. Он взял также себе во владение много озер, которые приносят ему большой доход от соли и рыбы... Он взял себе половину дохода монахов, так что его ежегодный доход составляет, говорят, 200 000 рублей. Доход его с церк-

¹ Н. Каптерев — Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. II. Сергиев-Посад. 1912. Стр. 166.

вей города Москвы и окрестностей составляет 14 000 рублей»¹.

Кроме того, Никон построил три новых монастыря, которые приписал к своей кафедре как личную собственность. По его просьбе царь наделил от себя эти монастыри землями, селами, деревнями, пустошами, озерами, рыбными ловлями, соляными варницами с заводом и пр. Весь доход от эксплуатации имущества этих монастырей поступал к личной казне патриарха. Располагая огромными суммами Никон и сам покупал у разных лиц земли на свое имя и на имя своих монастырей, владения которых благодаря всему этому стали очень велики.

Но и этим не удовлетворялся корыстолюбивый патриарх. К своим монастырям он распорядился еще приписать из разных областей 14 монастырей со всеми землями, угодьями, крестьянами и принадлежавшими этим монастырям капиталами. Таким образом, он создал для себя довольно обширный удел, некое феодальное княжество, где был вполне независимым правителем — маленьким царьком, не признающим над собой никакой власти.

И личная казна патриарха Никона была исключительной по богатству. В описи ее, между прочим, означено: 140 образов серебряных, золотых и вызолоченных, украшенных драгоценными камнями: яхонтом, жемчугом, бирюзой, топазами, изумрудами и алмазами; 48 золотых и серебряных крестов, также украшенных драгоценными камнями; 12 пангий золотых и серебряных с драгоценными камнями; 22 церковных сосуда золотых с драгоценными камнями; 13 пелен бархатных и атласных с камнями; 16 посохов разных из дорогих сортов дерева, украшенных серебром и золотом с камнями. Затем перечисляется много одежд, драгоценных камней, золота в слитках и листах, шелк, кружева, оружие, часы и т. п. В мешках было найдено 16 696 рублей серебром, 2 449 золотых ефимков, 751 золотая монета разной ценности. Сверх того по описи драгоценных вещей Никона, хранившихся в Воскресенском монастыре, значилось: золотой крест с 46 алмазами, золотая запона в камнях в 300 рублей, золотая панagia с большим яхонтом и 24 малыми, 4 изумруда в 300 рублей каждый, 2 изумруда в 700 рублей каждый, 2 изумруда в 200 рублей, несколько камней яхонта, топаза, жемчуга, алмаза².

¹ Н. Каптерев, ук. соч., стр. 165.

² В. Иконников — Опыт исследования о культурном влиянии Византии. Киев. 1873. Стр. 464.

Никон рисуется в источниках жестоким истязателем и кровожадным тираном. Беспощадно расправлялся он со всеми подначальными людьми, в чем-либо провинившимися перед ним. На своем патриаршем дворе он подвергал их пыткам и истязаниям и собственноручно избивал их. По выражению современников, он «иным ноги ломает дубиною, а иным кнутом кожу одирает». Во всенародном прощении, поданном царю по поводу его жестокости, говорилось: «Умучи и священного чина и холопей твоих, нас, и сирот. И клеветал тебе на когождо, заточеньем и великими ругательствами облачаше и насловаше»¹.

Путешественник Павел Алепский пишет, что Никон за малейшие проступки попов «немедленно заточает их, ибо его стрельцы постоянно рыщут по городу и, как только увидят священника или монаха пьяным, сажают его в тюрьму...

Нам приходилось видеть тюрьмы, переполненные такими людьми, кои находятся в самом скверном положении, будучи окованы цепями по шее и с большими колодками на ногах. В прежнее время сибирские монастыри были пусты, но Никон в свое управление переполнил их злополучными настоятелями монастырей, священниками и монахами... Разгневавшись на многих священников, он по справедливости сбрил им волосы и отправил их с женами и детьми в ссылку, чтобы там они окончили жизнь свою в злополучии»².

Заклученным в тюрьмы он приказывал не давать пищи, моря их голодом. А на допросах обвиняемых пускал в ход всевозможные пытки и битье шелепами. По показанию одного из допрашиваемых, «он на пытке висел с часа два и тряска была... и патриарх-де велел ево и огнем жечь». Другой показывал: «Патриарх-де велел его дубьем бить в монастыре у ворот, а сам смотрел с крыльца и сослал его в Крестный монастырь с женой и детьми, а в дороге по селам монастырским велел ево бить по ногам дубьем же». Само правительство в 1666 г., после низложения Никона, «тихим обычаем и не шумно» наводило о Никоне справки: «кому бывший Никон патриарх... старцам, служебникам и крестьянам и сторонним людям чинил градское наказание: велел бить кнутом, и руки и ноги ломать, или пытать и казнями градскими казнить, и кого имяны, и ныне где те люди, и нет ли кого из тех людей, пытаных или казненных, в мертвых»³.

¹ Н. Каптерев, ук. соч., стр. 160.

² Там же.

³ Там же, стр. 162.

После этого не удивительно, что низшее рядовое духовенство было озлоблено против Никона и называло его лютым волком. А за Никоном шли далее бесконечной вереницей митрополиты и епископы, отличавшиеся такой же жестокостью. Поэтому низшее духовенство упорным сопротивлением встретило церковную реформу, клонившуюся к усилению власти церковной знати. И первые споры об обрядовых новшествах дали прекрасный повод вылиться этому озлоблению наружу.

Однако это было только внутрицерковным делом и не могло еще быть причиной широкого социального движения, каким стал раскол. Истинные причины этого движения коренились в той жестокой классовой борьбе, которая была вызвана режимом укреплявшегося дворянского крепостнического государства. В результате оказывалось много лиц, недовольных московскими порядками. Лица эти принадлежали к разным социальным группам.

Боярская знать, отброшенная ростом дворянского самодержавного государства от политической власти и растерявшая свои привилегии, стояла в резкой оппозиции к самодержавию дворян-крепостников. Много недовольных было и среди массы посадских людей — купцов, ремесленников и даже «гостей». Они были недовольны податным гнетом и приказными порядками, а конкуренция иноземцев несла тяжелый ущерб их экономическим интересам. Основную же, наиболее многочисленную массу недовольных составляло крестьянство. Крестьянские массы с ростом дворянского самодержавия теряли последние остатки воли. Закрепощенные и доведенные до крайней нужды непосильными налогами, они особенно больно чувствовали на себе тяжелую лапу самодержавия дворян.

Вот почему оппозиция реформе, возникшая первоначально в среде низшего духовенства, встретила широкое сочувствие и поддержку крестьянских масс. Крестьянство шло охотно за своими попами, потому что жить становилось решительно неумоготу. Недовольство существующим социальным порядком нашло в расколе форму для своего выражения. Распыленные и неорганизованные крестьянские массы под лозунгом борьбы за старую веру выступали против своих эксплуататоров.

С открыто реакционных позиций раскол поддерживали другие классовые группы — противники дворянской политики: остатки боярской знати и некоторые церковные иерархи, еще не порвавшие с феодальными традициями.

Таким образом, раскол с самого начала отражал в религиозной форме противоположные интересы различных социальных групп. Оппозиция государственной церкви была одновременно и оппозицией дворянскому самодержавию.

Основную массу раскольников составляли закрепощенные крестьяне. Они не разбирались ни в сугубой, ни в трегубой аллилуйе, ни в других догматических тонкостях обряда и культа. Им не нужно было и попов. Им нужна была жизнь иная, лучшая, чем та, которую несла с собой московская вера вместе с непосильными налогами и закрепощением. И они под реакционным лозунгом «старой веры» выражали свой протест против господства крепостников. Этим и объясняется необыкновенная живучесть раскола в ту эпоху и тот ожесточенный кровавый поход, который предприняла против него церковь, опираясь на полное сочувствие и поддержку московского самодержавия.

Поход открыл сам Никон, патриарх. С самого начала церковных споров он захотел кровавым террором разом покончить со всеми противниками реформ. Все первые вожаки и руководители раскола по его приказанию были схвачены, пытаны и заточены по монастырям. Многим «языки резали и руки отсекали, многих и в трубах сожигали». Террор его увеличивался по мере роста движения. Когда в 1654 г., во время чумы, в Москве и других городах произошли восстания против Никона, он настоял на применении к восставшим самых беспощадных мер. Об этих мерах одно «сказание» о Никоне говорит так: «А сам многих в весях людей божьих в храминах заваливая, а иных заваливши огнем сожигая и живых. И тако тогда многие христиане по градам и селам без покаяния и без причащения умираху»¹.

Скоро инквизиционные костры запылали на всем огромном пространстве Московской Руси. Один из вождей раскола протопоп Аввакум так писал о Никоне: «Епископа Павла Коломенского², муча, и в новгородских пределах огнем сжег, Даниила, костромского протопопа, муча много, в Астрахани в земляной тюрьме заморил; Гавриилу, священнику в Нижнем, приказал голову отсечь; Михаила же, священника, без

¹ В. Перетц — Историко-литературные исследования и материалы. Т. II. СПб. 1900. Стр. 15.

² Это был единственный из епископов, открыто ставший на сторону противников церковной реформы. По другим известиям, Никон со-
слал его в заточенье в Новгородский Хутынский монастырь, где игумен пытками и побоями довел его до сумасшествия, после чего он был задушен специально посланными для этого Никоном людьми.

вести погубил: перевел к тюрьме, да и не стало вдруг; двух священников, вологжан, безвестно же и где дел; со мною 60 человек у всенощнова взял, муча и бив и проклиная, в тюрьме держал, малии в живых обретошася; а меня в Датурскую землю сослал... Жена моя, протопопица Настасья с детьми в земле сидит; и старец соловецкой пустыни Епифаний наг в земле же сидит; два языка у него никониане вырезали... На Мезени из дому моего двух человек удавили никониане на виселице. На Москве старца Аврамия, духовного сына моего Исаяю Салтыкова в костре сожгли. В Боровске Полнекта, священника и с ним 14 человек сожгли. В Нижнем человека сожгли. В Казани 30 человек. В Киеве стрельца Иллариона сожгли. А по Волге той живущих в градах и в селах и в деревеньках тысяща тысящами положено под меч не хотящих принять печати антихристовы»¹.

Все эти жестокости по отношению к противникам церковной реформы исходили исключительно от патриарха Никона и епископов, которые, по выражению современников, «на кровопролитие поучаху царя». Церковный собор 1667 г. в Москве своим авторитетом освятил и легализовал такую политику кровавых преследований. На вопрос, предложенный царем, «еретика и раскольника следует ли наказывать градским законом или только церковным наказанием», собор дал определенный ответ, что еретики и раскольники «не только церковными наказаниями имут наказатися, но и царским, сиречь градским законом и казнением», т. е. по силе «Уложения» царя Алексея Михайловича смертной казнью через сожжение. Кроме того, собор опубликовал во всеобщее сведение свое постановление, в котором объявлял всех противников церковной реформы еретиками, предал их проклятию и потребовал, чтобы московское правительство стало твердо на путь беспощадного террора по отношению к ним. Собор требует от царской власти «казнения и поражения жестоковейных и хищных волков, на стадо христово нападающих», и сам патриарх Иоасаф, сменивший Никона, от лица собора лично обращается к царю с воззванием: «Да крепкою десницею твоею защитиши церковь божью от них, да истиши им их безбожное ратование»².

Таким образом, вновь подтверждается теория инквизиции с помощью государственного меча, выработанная Иосифом

¹ «Житие протопопа Аввакума». «Academia». Повесть о страдавших в России. Стр. 200—201.

² Доп. к А. И., т. V, № 472, стр. 486—487. Ср. «Грамота патр. Иоасафа», Каптерев, ук. соч. в приложении.

Волоцким в борьбе с противниками церковно-монастырского землевладения. Эта теория встретила полное сочувствие московского самодержавия. Под знаменем защиты божьей церкви от «хищных волков» Московское государство открыло совместно с церковью организованный кровавый поход против крестьянского недовольства, выливавшегося наружу в форме борьбы за старую веру.

В этом совместном походе на долю церкви выпадала самая активная роль. Будучи широко разветвленной и централизованной организацией, она повсюду ведет кровавую борьбу со всяким проявлением непокорности государственной и церковной власти и с свирепой беспощадностью при поддержке царской власти искореняет крестьянский раскол. Особенно усилилась деятельность церкви по искоренению раскола во время революционного восстания угнетенных под предводительством Степана Разина. Церковно-монастырские крестьяне всюду пополняли ряды восставших. Они видели в лице представителей господствующей церкви своих классовых врагов наравне со всеми помещиками и открыто выступали против них на стороне разинцев. В Придонском крае, а также во многих местах Тамбовской, Симбирской и Пензенской губерний церковно-монастырские крестьяне восстали поголовно и захватывали в свои руки земли, рыбные ловли и другие угодья, принадлежавшие епископам и монастырям. В Нижегородской губернии монастырские крестьяне богатого Макарьевского монастыря перебили монастырских начальников, отворили ворота разинцам и присоединились к ним. С другой стороны, в ряды восставших вливалось очень много раскольников-крестьян. Иногда в качестве агитаторов участвовали и беглые попы-раскольники. Они в некоторых местах играли даже роль повстанческих вождей и вместе с восставшими крестьянами сражались против царского войска. Даже женщины-раскольницы принимали иногда активное участие в борьбе с дворянским самодержавием и государственной церковью. Так, например, известно, что в Арзамаском крае некая «старица» Алена стояла во главе семитысячного отряда восставших крестьян и вместе с казацким атаманом Федором Сидоровым производила налеты на помещиков и правительственные отряды.

При таких обстоятельствах искоренение раскольников приобретало чрезвычайно важное значение для церкви не только как защитницы крепостничества и самодержавия; она защищала и свою собственность. Церковь яростно об-

рушилась на восставших крестьян. Все приверженцы Разина и сочувствующие ему были торжественно объявлены ею отступниками от православия и еретиками. Они вместе с Разиным преданы были с церковных амвонов проклятию и обрекались церковью на казнь «по градскому закону». В Москве сам патриарх Иоасаф в очень торжественной обстановке провозгласил им анафему и проклял их навсегда.

«Страх господа бога презревший, и час смертный и день судный забывший, церковь святую возмутивший и обругавший... народ христианский возмутивший и многие невежды оболбистивший... и на все государство московское зломысленник, враг, крестопреступник, разбойник, душегубец, человекоубиец, кровопиец, новый вор и изменник, донской казак Степка Разин с наставники и зломысленники такового зла... да будут прокляты, анафема!».

Кроме того, достигла чрезвычайного напряжения деятельность церкви по розыску раскольников и передаче их для наказания в руки светских властей. По мере подавления восстания в отдельных районах церковные власти приводили все население к присяге на верность церкви и царю. Раскольники, естественно, не желали целовать крест и евангелие «никониан». Местные же епископы объявляли их «бунтовщиками» и доносили о них светским властям. И по одним таким доносам всех раскольников, даже не принимавших участия в движении Разина, светские власти казнили массами: пытали, сажали на кол, прибивали гвоздями к доскам и бросали в огонь, отсекали руки, рубили на куски. Вешали по берегам рек, и виселицы с повешенными на платформах пускались вниз по рекам на страх врагам.

Этот террор особенно свирепствовал в Нижегородском крае, одном из первых и главнейших центров раскола.

В 1671 г. по розыску митрополита новгородского Филарета была схвачена в Темникове раскольница Алена, возглавлявшая один из крестьянских повстанческих отрядов. В митрополичьем духовном приказе она была обвинена в колдовстве и под пытками призналась, что «портила людей с атаманом с Федькою Сидоровым и его учила ведовству».

После церковного суда она была выдана князю Юрию Долгорукову, подавившему крестьянское восстание в Нижегородском крае, и, как колдунья, сожжена публично в срубе. Современники говорят, что когда объявили ей приговор и повели жечь ее в срубе, она не изменилась в лице

и громко сказала: «Когда бы все так воевали, как я, то князь Юрий навострил бы от нас лыжи»¹.

В 1672 г. тот же нижегородский митрополит Филарет обращается к царю с просьбой приказать светским властям принимать от него всех «ослушников и сильников», посылаемых к градскому суду с распросными речами «для подлинного розыску».

Неудивительно, что когда под Арзамасом была образована особая следственно-судебная комиссия для окончательного искоренения всех врагов царя и царской веры, то митрополит Филарет доставлял сюда из своего духовного приказа «ослушников и сильников», заподозренных им в расколе и бунте. А из рук этой следственно-судебной комиссии живым никто не уходил.

Нидерландский посол Кундрад фон-Кленк, очевидец событий, назвал это место «преддверием ада». «Вокруг Арзамаса, — писал он, — где Долгорукий разбил свой лагерь, везде виднелись виселицы, обвешанные трупами. Кроме того, везде плавали, как казалось, в собственной крови тела, лишенные голов, и виднелись посаженные на кол, из которых иные жили уже третий день. Вообще в течение трех месяцев не менее 11 тысяч человек были казнены палачами»².

Среди них большинство лишалось жизни только за принадлежность к расколу по розыску и доносам Филарета. Вероятно, эти события и имел в виду протопоп Аввакум, когда писал: «А по Волге той живущих во градах и в селах и в деревеньках тысяща тысящами положено под меч не хотящих принять печати антихристовы»³.

Раскольники толпами бежали из городов и сел от этого страшного террора, уходили без оглядки в лесные дебри, в малозаселенные или ненаселенные места на окраинах, так называемые «пустыни», где далеко от Москвы, в глухих северных лесах Поморья, вырастали целые деревни и слободы, скиты и часовни. Беглецы утверждали здесь свои порядки и свой культ без попов и жилищ «подаванием да трудами своими, пашни пахали и сеяли или кормились от рукоделия». Беглецы разносили «старую веру» в местах своего поселения. Мы видим, что уже в 1673 г. митрополит сибирский и тобольский пишет енисейскому воеводе, чтобы он «способствовал игумену, протопопу и попам церковных

¹ Материалы для истории возмущения Степана Разина. Стр. 107—108.

² Посольство фон-Кленка. 1900. Стр. 454.

³ «Житие протопопа Аввакума». Стр. 201.

раскольников унять, чтобы они впредь церковью божьею не мучили и от своих бы злокозненных умыслов престали»¹.

После подавления восстания Степана Разина во главе русской церкви становится опытный в делах инквизиции, крутой и жестокий нравом патриарх Иоаким. Самый крупный землевладелец того времени, непримиримо враждебный ко всему, что выходило за пределы официального московского православия, он был фанатиком своего дела. Еще в 1664 г., будучи тогда архимандритом Чудова монастыря, он разделял с патриархом Никоном лавры одного из самых ревностных искоренителей начинавшегося религиозного движения. Это он выдвинул и защищал проект собрать всех еретиков в один город, сжечь их и таким образом очистить русскую землю от заразы. Он же добился огненной казни для первых вожаков раскола, томившихся в заточении. В 1682 г. по его настоянию были сожжены в срубках протопоп Аввакум, поп Лазарь, монах Епифаний и дьякон Федор «за великие на царский двор хулы», за то, что в припадке фанатической злобы они, особенно Аввакум, не скрывали своей непримиримой вражды к «еретикам-никонианам».

Из своего далекого заточения, из подземной глухой тюрьмы Аввакум не переставал «как пес лаять».

«Огнем, да кнутом, да виселицей хотите веру утвердить, блядины дети! Которые-то апостолы научили так?»

«Перестань-ко ты нас мучить тово! — взывал он к царю. — Возьми еретиков тех, погубивших душу твою, и пережги их, скверных собак... а нас распусти, природных своих. Право будет хорошо»².

И фанатик, жаждавший крови своих противников, был поскорее сожжен.

В 1681 г. под председательством патриарха Иоакима состоялся церковный собор, который разработал и утвердил целый ряд новых мероприятий по искоренению раскола. Из них самым важным являлось то, что местные епископы в отношении к раскольникам наделялись почти неограниченными инквизиторскими полномочиями, а в места, наиболее зараженные расколом, назначались, кроме того, особые агенты патриарха в роли «увещателей». Гражданские и военные власти должны были оказывать духовным инквизи-

¹ Доп. А. И., VI, № 69, стр. 269.

² «Житие протопопа Аввакума». Стр. 35—36.

торам всевозможную помощь и беспрекословно выполнять все их распоряжения и приговоры. В центре же сам патриарх через свой духовный приказ руководил всем делом инквизиции.

Царская грамота новгородскому митрополиту Корнилию от 1682 г. «О повсеместном сыске и предании суду раскольников» дает нам возможность точно установить организацию русской инквизиции в этот период. Она в общем оставалась неизменной и во все последующее время.

Эта царская грамота предоставляет местным митрополитам и епископам полное право сыска и допроса или розыска «с пристрастием». «И ты б церковных раскольников, которые ныне и впредь объявятся в Великом Новгороде и в Новгородских пригородах и в уездах, велел сыскивая приводить в приказ духовных своих дел и чинил им указ по правилам святых апостолов и святых отцов и по своему архиерейскому рассмотрению», т. е., другими словами, в духовном приказе начиналось над раскольниками настоящее судебное следствие с применением пыток, во время которых особые архиерейские дьяки записывали все «пыточные» или «распросные речи». Для привода лиц, обвиненных в расколе, епископ, в случае необходимости, имел право требовать у светских властей военной команды. «А буде кто церковные раскольники учинятся сильны и ты б для посылки по тех раскольников велел у боярина нашего и воеводы... и у дьяков имать служилых людей, сколько будет надобно». Епископ имел право после розыска выносить и свой окончательный приговор. «А которые раскольники, по твоему рассмотрению, доведутся градскому суду и ты б... тех раскольников велел отсылать к боярину нашему и воеводе... и к дьякам».

В данном случае светские органы власти являлись лишь исполнителями постановлений церковного суда. «А ему, боярину нашему и воеводе... и дьяком тех раскольников, хотя буде кто и смертной казни не будет повинен, без твоего ведома освобождать не велено»¹.

Таким образом, и в период московского самодержавия по существу вся полнота судебной власти оставалась в руках местных епископских судов, преобразованных теперь в приказы духовных дел. Они попрежнему держат в своих руках сыск, суд и расправу над еретиками. В центре же патриарший духовный приказ осуществлял высшее руководст-

¹ А. И., т. V, № 100, стр. 161—162.

во русской инквизицией. Приговоры епископских духовных приказов были окончательными и обжалованию не подлежали. Только для исполнения над обвиненными смертной казни требовалась санкция царя, который мог заменить ее другим наказанием, но почти всегда утверждал смертные приговоры, выносимые патриархами или епископами. Ко всяким другим наказаниям, в том числе и к заточению в монастырские тюрьмы, епископы и патриарх имели право приговаривать своей властью, без санкции царя. Лишь исполнителем казни выступала царская власть, чтобы «все незнающие бога язычники, как сказано в соборном постановлении 1681 года, видя в державе российского царства такие благочинные действия, возглаголили: воистину бог с ними есть»¹.

Какими широкими инквизиторскими полномочиями наделяло московское самодержавие местных епископов, ясно показывает царская грамота двинскому воеводе от 1682 г. «О назначении Афанасия Холмогорским епископом и об оказании ему в нужных случаях содействия против церковных ослушников». В этой грамоте, между прочим, сказано: «И буде он, архиепископ, к тебе, боярину нашему и воеводе, и к дьяку учнет присылать для приставов и пушкарей и стрельцов по ослушников во всяких церковных и духовных делах, и ты б боярин наш и воевода... и дьяк велели ему, архиепископу, для ослушников приставов, пушкарей и стрельцов давать, сколько человек понадобится, без всякого мотчанья; а в духовные дела тебе, боярину нашему и воеводе, и дьяку отнюдь не вступаться». Ясно, таким образом, что духовные приказы в деле сыска, розыска, применения пыток и суда над раскольниками наделялись исключительными полномочиями и были вполне самостоятельны. «А которых всяких чинов людей,—читаем в той же грамоте,—во всяких церковных и в духовных делах и церковных раскольников, по распросным речам для подлинного розыску учнет (архиепископ) к вам присылать и ты б, боярин наш и воевода, и дьяк велели у него таких людей принимать и к нам, великим государям, об них писали имянно, а их до нашего указу держали в крепких тюрьмах, как и иных таких же их братью раскольников»².

Эти царские распоряжения были лишь исполнением соборных определений 1681 г. Отцы собора во главе с патри-

¹ А. И., V, № 75, стр. 109.

² Там же, № 93, стр. 146.

архом Иоакимом в своих постановлениях требовали от царской власти «воеводам и приказным людям в города и в села послать грамоты, а впредь всем воеводам и приказным людям писать в наказы, чтобы то дело (раскол) было под его государевым страхом в твердости; а вотчинникам и помещикам, у кого такие противники есть и будут, по тому же объявлять в городах архиереям и воеводам; а которые раскольники где объявятся и по посылкам архиерейским учинятся сильны, и им воеводам и приказным по тех раскольников посылать служилых людей»¹.

Добившись такой организации инквизиции, патриарх Иоаким мог теперь, пользуясь поддержкой московского самодержавия, твердо держать все дело сыска и расправы с раскольниками в своих руках и побуждать гражданские власти к беспощадному преследованию их. Жестокий крепостник, он мог теперь в качестве главного инквизитора с полным успехом развернуть свою деятельность на всем огромном пространстве Московского государства. И в буре тех политических событий, которые происходили во время его патриаршества (1674—1690 гг.), он выступал не только главным политическим лицом, вдохновителем деяний правительства Софьи, опекуном малолетних царевичей Иоанна и Петра, но и главным инквизитором русской православной церкви, поставившим делом своей жизни искоренить «злой плевел еретический в конец».

В эти годы преследование раскольников достигает большого размаха.

В 1683 г. псковский митрополит из своего духовного приказа отправил к воеводе для «градского наказания» трех человек, повидимому, беглых монастырских крестьян, обвиненных в расколе. В отписке царям псковского воеводы по этому случаю читаем, что митрополит прислал их «с памятью и распросными речами» и что они «огнем и клещами жжены многжды и были им многие встряски и 100 ударов плетью». О них последовал такой царский указ, санкционировавший церковный приговор: «Велеть вора и раскольника Ивашку Меркурова сжечь в костре, сказав ему вину его, и пепел разметать и затоптать, а Мартынка Кузьмина и бобылку Печерского монастыря отослать для подначальства на монастырский двор и велеть держать под крепким под началом и за верными людьми»².

¹ А. И., V, № 75, стр. 112.

² Судные процессы XVII—XVIII вв. по делам церкви. «Чтения в Общ. ист. и древн.». 1882. Кн. 3. Стр. 14—15.

В том же году по отписке новгородского митрополита была учинена кровавая расправа над крепостными крестьянами поместья кн. Долгоруковых. Агенты новгородского митрополита обвинили крестьян в расколе, и на них обрушились пытки, истязания, заточения и казни. По этому поводу Долгоруковы подали челобитную, в которой просили освободить крестьян, заключенных в тюрьму. «От крестьянишек наших воровства и бою и бесчестья и расколу и мятежу и никакого дурна не бывало, — писали они, — а огласил и писал строитель Рафаил¹ на крестьянишек наших не делом, а потому что ему и присыльным людям ничего поминков не дали. Крестьянишки наши, видя над собой великое разоренье и пытки и казни смертные... сказали поневоле на себя и винились, чтобы им освободиться от смерти напрасной».

В 1684 г. по делу, начатому в церковном суде о кольском раскольнике стрельце Иване Самсонове с товарищами, воеводе был послан царский указ: «Велено тем еретикам и церковным противникам кольским стрельцам Ивашке Самсонову, Матюшке Левонтьеву и ссыльным людям Проньке Матвееву, Мартынке Васильеву, в кольском остроге, сказав их вину, сжечь их на площади в костре»².

Вождам и руководителям раскола, вообще «пущим заводчикам», никакой пощады не давалось, даже в случае их раскаяния. Царская грамота новгородскому митрополиту от 1684 г. по делу новгородского духовного приказа о раскольнике Михайлове, приговоренном к «градскому наказанию», повелевала: «Пущево вора иконника Федьку Михайлова допросить, истинное ли покаяние приносит церкви божьей, и у отца духовного исповедаться и святых христовых тайн причаститься желает ли? и буде скажет, что... желает, и его велеть отцу духовному исповедать и причастить, а причастя, спустя день или два, велено его, Федьку, за его многое воровство, казнить смертью, сжечь»³.

Все острие гонений было направлено против крестьян. Боялись не столько раскольников, сколько убежавших крестьян, которые приставали к ним. И по внушению патриарха Иоакима, русскому духовенству отводилась активнейшая роль в борьбе против таких непокорных крестьян. В царских указах воеводам и приказным людям постоянно ставилось на вид, чтобы они тщательно сыскивали «мятежни-

¹ Агент новгородского митрополита.

² Судные процессы XVII—XVIII вв. по делам церкви. Стр. 15.

³ А. И., т. V, № 117, стр. 191.

ков» и приводили их в духовные приказы, где их ожидали дыба и кнут. И, конечно, мучительные пытки принуждали многих из них признаваться в «противностях церкви и в мятеже».

Этот массовый террор под знаменем охранения чистоты православия был санкционирован в 1685 г. изданием знаменитых в истории русской инквизиции двенадцати статей, проникнутых духом исключительной жестокости. Официально эти статьи известны в истории под именем Указа малолетних царей Иоанна и Петра. Но их неофициальным творцом был патриарх Иоаким, игравший крупнейшую роль при царском дворе того времени и самолично проводивший от имени малолетних царей все мероприятия в области церковных дел. В этих статьях предписывалось хватать всякого, кто не ходит в церковь, не исповедуется и не пускает к себе в дом священника. Таких приказано было подвергать пыткам, допрашивая, у кого они учились расколу и есть ли у них единомышленники. На кого покажут, тех велено брать немедленно и в свою очередь пытать, нет ли у них единомышленников. Если они показывали на новых лиц, хватать и этих и пытать. Непокаявшихся или возвратившихся в раскол после покаяния велено было «жечь в срубе и пепел развеять».

Точно так же повелевалось «казнить смертью» без всякой пощады всех вождей и руководителей раскола, хотя бы они и «покорение церкви принесли». Всех же прочих, принесших повинование, велено ссылать в монастырские тюрьмы под строгий надзор, неженатых и бездетных до конца жизни, а других «впредь до покаяния», по усмотрению монастырских властей. Лиц, которые давали у себя приют раскольникам, хотя бы приютившие и не знали о их принадлежности к расколу, приказывалось также хватать, пытать, бить батогами и ссылать в дальние города. Все имущество казенных и ссыльных отбиралось в государственную казну.

За исполнением и проведением в жизнь этого указа предписано было строго следить. На местных епископов ложились главные обязанности в сыске и искоренении раскольников. Руководимое ими местное низшее духовенство обязывалось доносить епископам о всех, кто не исповедуется и не ходит в церковь.

Наступил, действительно, **настоящий разгул инквизиции**. Местные епископы **через свои духовные приказы** начали повсеместные грандиозные **сыски, облавы, аресты**, а по их приговорам «градские власти» **ссылали или жгли**. Пресле-

дование дошло до неслыханных размеров. Людей сжигали иногда сотнями в разных местностях. В одном раскольниковем документе сохранилось известие, что по приговору патриарха Иоакима перед пасхой 1685 г. было сожжено в Москве 90 человек. Жгли тогда повсюду. Жгли в Вязниках, во Владимире, Новгороде, жгли в Олонце, Каргополе, Мезени, Холмогорах. Особенно прославились в это время своими гонениями епископы Афанасий Холмогорский и Игнатий Тобольский. В раскольниковских сочинениях XVII—XVIII вв. авторы их неизменно говорят о большом количестве сожженных. Нечего говорить о том, какое большое количество народу подвергалось другим тяжелым наказаниям — заточениям, ссылкой, битью кнутом, батогами, вырезыванию языка, ноздрей и пр.

Леса снова наполнились беглецами. Но следом за ними летели грозные приказы патриарха от имени малолетних царей о сыске и поимке их. Повсюду местные епископы рассылали своих агентов из духовных лиц в сопровождении офицеров и подьячих с командами стрельцов. Они имели строгое предписание: «Воров и церковных раскольников, сыскав, хватать и к распросу и розыску присылать, а пристанища их воровские разорять, жечь без остатку, чтоб они, воры, не множились и впредь пристанища им, вора́м, не было»¹.

Но это мало помогало. Целые толпы двигались на окраины и за рубеж. Они путешествовали иногда целыми домами и даже гоняли за собой скот. Целые отряды заседали в диких и неприступных местах и с оружием в руках отбивались от инквизиторов. Иногда происходили настоящие сражения.

В 1689 г. новгородский митрополит Корнилий послал протопопа Льва Иванова в сопровождении большого отряда стрельцов для сыска раскольников в Заонежскую область. Когда они возвращались со своей экспедиции, раскольники по ночам обстреливали их из ружей. «Воры де и противники и раскольники на них и на стрельцов, по две ночи, на лесу, находили, из пищалей по ним стреляли и одного человека стрельца ранили, и они де прапорщик и подьячий от них отстрелялись, а поймать де их воров они некоторыми мерами не могли»².

В 1692 г. в Пудожской волости огромная толпа раскольников

¹ А. И., V, стр. 256.

² Там же, № 151, стр. 256.

ков под предводительством монаха Иосифа вступила в сражение с присланным Афанасием, епископом холмогорским, отрядом стрельцов. Раскольники имели 100 ружей и два четверика пороху. Во время схватки Иосиф был убит пулей, а все остальные были схвачены и преданы сожжению: «числом суще тысяща двести душ», по словам раскольничьего писателя¹.

Иногда беглецы были совершенно неуловимы, укрепляясь в неприступных местах. В 1688 г. 500 человек, преследуемых инквизиторами, засели в укрепленных местах близ Тамбова и Козлова и с ожесточением отражали нападение донских казаков, посланных для поимки их.

На Дону, куда бежали от преследований инквизиторов и стрельцы, и мелкие посадские люди, и боярские рабы, и холопы, скопилось особенно много горючего материала. Этим стала пользоваться сильная противомосковская партия, образовавшаяся среди зажиточного казачества. Лозунг защиты старой веры, за которую жгли и рубили головы в Москве, стал для нее прекрасным агитационным средством привлечь к себе всех беглецов для отпора московской политике колонизировать Дон.

Уже в 1686 г. под этим лозунгом началось противомосковское движение на Дону. Во главе его стал донской атаман Самойло Лаврентьев, который замыслил организовать даже большой поход на Москву.

Однако инквизиция не дремала. Патриарх Иоаким имел уже свою верную агентуру и здесь. Он наводнил весь Дон «увещателями» и наблюдателями и поставил своей задачей обезвредить здесь «богомерзкую от тех воров противность и привращение к таковому же злему делу простолюдинов и легкомысленных людей». В 1686 г., в самый год движения противомосковской партии, от царского имени патриарх Иоаким уже шлет на Дон грамоту, чтобы и там начать повсеместный сыск, ловить «пущих заводчиков» раскола и привозить их в Москву в патриарший духовный приказ. Здесь действовали главным образом рассыльные агенты белгородского епископа, который всех схваченных отсылал на суд патриарха.

В 1688 г. стали очищать от еретиков и донское войско. У многих донских казаков вырезывали языки, а затем ссылали их «за противность и ругательства ко св. церкви и за

¹ А. Денисов — Повесть о страдальцах соловецких. Официальные документы представляют все дело так, будто в данном случае имело место самосожжение. Ср. А. И., № 223, стр. 379—393.

выскребывание в библии орла, и за непристойные слова про великого государя и за возмущение народов¹». Партия зажиточных казаков, верная Москве, помогала русской инквизиции искоренять врагов. И сам донской атаман Самойло Лаврентьев в 1688 г. после «пыточных речей» в духовном приказе должен был признаться в еретичестве; он был объявлен богоотступником и казнен в Черкасске за то, что называл патриарха антихристом, митрополитов — кровопийцами и хотел идти к Волге, как и Разин².

Но и после этих казней движение в приволжских и придонских степях не утихло. В 1693 г. правительство получило донесение черноморского воеводы о набегах на Черный Яр большого числа «воровских воинских людей... и с теми воровскими воинскими людьми бой был долгое время..., а знатно с теми воровскими воинскими людьми были раскольщики-казаки»³. В том же году астраханский воевода писал черноморскому воеводе о принятии мер предосторожности против живущих за Кубанью раскольников из казаков, которые готовились производить грабежи на Волге и напасть на Черный Яр⁴. В 1696 г. снова отмечается такое же явление на Волге и на Каспийском море: «Явились воровские люди и раскольщики на Волге и на море, и за теми воровскими людьми посылали служилых людей, и тех воровских людей и раскольников многих побили и переранили»⁵.

Это — те обнищавшие, ожесточенные беглые крестьяне и стрельцы, которым патриарх Иоаким за двуперстное крестное знамение и сугубую аллилуйю угрожал огненным костром. Они бежали, спасаясь от кошмарных преследований инквизиторов. «Покидая дворы свои и животы», бежали сюда пашенные и оброчные крестьяне с женами и детьми, мелкие посадские люди, стрельцы, ямщики и представители низшего духовенства, попы, чернецы и дьяконы. Но основной массой беглецов была и здесь многомиллионная масса угнетаемого крепостниками крестьянства, которое поддерживало раскол как протест против своего угнетения и закабаления.

Многие строили здесь свои «воровские городки». Но еще большее количество скиталось отдельными партиями, уда-

¹ Доп. к А. И., т. XII, № 17. Следственное дело 1688 г.

² «Донские дела». 1688, № 55. Следственное дело над бывшим атаманом Самойлом Лаврентьевым и другими раскольниками.

³ А. И., V, № 220, стр. 377.

⁴ Там же, № 221, стр. 377.

⁵ Там же, № 254, стр. 465.

лялось в приволжские и донские степи и здесь группировалось в отряды с целью отомстить угнетавшему их государству за обиды и гонения и истребить всех воевод, бояр и попов.

В продолжение всей первой половины XVIII в. борьба с расколом в России продолжалась на основе традиционной церковной практики, выработанной Иосифом Волоцким и подтвержденной целым рядом соборных постановлений.

Так называемые «Статьи о святительских судах», изданные в 1700 г. по распоряжению последнего патриарха Адриана для защиты судебных прав церкви, опираясь на практику древней восточной церкви, вновь доказывают право церкви беспощадно истреблять своих врагов. Учрежденный в 1721 г. на место патриаршества синод опять спешит доказать Петру I свое право на инквизицию. В 1723 г. в синоде был заготовлен подробный доклад о тех мерах, какие церковь на основании постановлений соборов и отцов церкви имеет право принимать против еретиков и раскольников. Основная мысль доклада та, что совершенно законно предавать церковных противников «градским судиям во истребление телесы, да дух спасется»¹. В синоде царил всецело инквизиционный дух. Первым председателем синода был назначен рязанский митрополит Стефан Яворский, который в своем полемическом сочинении «Камень веры» пропагандировал право церкви казнить смертью всех еретиков. Фанатизм истого инквизитора он имел случай выказать на деле. В 1713 г. он яростно преследовал лекаря Тверитинова и цирюльника Фому Иванова, обвиненных в еретичестве в числе других. Стефан Яворский счел нужным дать делу такое направление, что цирюльник Иванов был сожжен на костре.

Такие же инквизиторские настроения были и у других членов синода. Неудивительно, что Духовный регламент, главный акт петровского законодательства по делам церкви, творцом которого является новгородский епископ, член синода Феофан Прокопович, проникнут инквизиторской жестокостью по отношению к расколу. В этом акте Феофан называет всех, открыто порвавших с господствующей церковью, «лютыми неприятелями государству и государю непрестанно зло мыслящими» и предлагает по отношению к ним целый ряд карательных мер, не останавливаясь перед смертной казнью и разорением мест поселения раскольников. Регламент дает целую программу борьбы с раскольни-

¹ Опис. док. и дел, хранящ. в архиве синода, т. I, № 407.

ками, в которой главная роль отводится всему церковному аппарату от синода до приходского попа. Каждый приходской поп в присяге, даваемой синоду, обещался: «Клянусь богом живым, что во всю мою жизнь... по всем моим возможностям изыскивать и обличать потщуся, и которых в приходе моем раскольников через удаление от покаяния... или через иные приметы усмотрю или уведаяю, не буду утаивать молчанием, но без всякого медления буду о них архиерею письменно объявлять и кому надлежит обяжуся нескрывтно и неотложно доносить, страшаясь тяжкого за неисполнение сей моей должности наказания»¹. К доносам о тайных раскольниках синод привлекал и все православное население, обещая за донос вознаграждение в размере половины или третьей доли конфискуемого имущества раскольника². Для лучшего сыска раскольников синод счел нужным возложить общее наблюдение за сыском на особый институт «духовных инквизиторов». Творцом этой «духовной инквизиции» был Феофан Прокопович, который надеялся, что от усердной ее деятельности может «возрасти польза святой церкви и государственная и народная»³. Монах Данилова монастыря в Москве Пафнутий был определен «протоинквизитором», т. е. главным инквизитором по всей России, а по епархиям были назначены «провинциал-инквизиторы», которым были подчинены особые «духовные инквизиторы» из монахов и попов, находившиеся по отдельным городам, уездам и крупным монастырям. Этот институт не был копией западноевропейской «святой инквизиции», и главной его задачей был неослабный контроль за деятельностью местных епископов, по преимуществу в области фиска. Но в общей системе церковного аппарата синод возлагал на «духовных инквизиторов» и обязанности непосредственно подчиненных ему «сыщиков» по делам раскола. Состоя во главе стройной и широко разветвленной организации наблюдателей, протоинквизитор, непосредственно связанный с синодом, являлся для последнего верной ищейкой раскольников и главным доносителем о них. В инструкции, данной синодом протоинквизитору, об этом говорится довольно определенно: «Везде с прилежно тщательным радением как возможно смотреть, так ли духовные и светские персоны, у которых раскольнические дела и сборы ведомы, посту-

¹ П. С. З., т. VI, № 4012.

² Там же, № 4022.

³ Полн. собр. пост. и распор. по вед. пр. испов. Т. I, № 348, пункт 47.

пают во оных, как состоявшиеся о том е. и. в. указы и синодальные пункты повелевают и нет ли от кого какого-либо послабления и понаровки... Когда же где из оных раскольников явится явный или потайный их учитель... таковые присланы б были от управителей под караулом в синод»¹.

Этот институт «духовных инквизиторов» просуществовал не более пяти лет и не успел развить своей деятельности по борьбе с расколом так, как хотелось его творцам. Но и за столь малое время монахи-наблюдатели в качестве доверенных синодальных ищеек проявили себя настоящими фанатиками. Монах Неофит, например, во время исполнения своих обязанностей проникался неустойчивым пылом подлинного инквизитора. Увещевая раскольников, он им говорил без обиняков: «Без сумнения то надлежит с излишеством делать с вами, что сделал, ревнуя по боге, Илья пророк над жрецами и лжепророками Вааловыми; или понеже вы сами сожигаетесь и самосожигательству благоволите, то неуступно подлежит по гражданскому и духовному суду то же над вами производить». И при этом в образец истинного борца с еретиками он приводил ревностную деятельность одного древнехристианского епископа, который однажды, когда привели к нему еретика, прервал богослужение и в полном облачении «еретика и богоотступника Илиодора взял за шею омофором и живого на срубе дров сжег, а после литургию божественную без всякого зазору служил и оканчивал»². Столь же ревностно исполнял свои обязанности и другой монах — наблюдатель Иосиф Решилов, назначенный синодом в Стародубье в 1722 г. Во главе воинской команды он ходил по расколичьим поселкам и принуждал под страхом смерти целовать крест и евангелие и креститься троеперстно. «Не в расколе спасение ваше, а в признании той веры, какую исповедует царь», — гремел он по селам и повел свою деятельность в таком погромном направлении, что даже сам черниговский епископ испугался и поспешил предупредить его, чтобы он, «излишество всякое оставивши, умеренно поступил»³.

Не отставали от этих монахов-наблюдателей в своей инквизиторской ревности и местные епископы. Филофей Ле-

¹ П. С. З., т. VI, № 3870. Ср. Полн. собр. пост. и расп. по вед. пр. исп., т. I, № 348, пункты 6 и 10.

² Опис. док. и дел, хран. в архиве синода, т. II, № 58.

³ П. Смирнов — История русского раскола. СПб. 1895. Стр. 183.

щинский, назначенный в 1702 г. митрополитом в Tobольск доказывал Петру I необходимость применения самых крутых мер по отношению к тамошним раскольникам, которые «церкви святой и государю во всем чинятся сильны и послушны». Один пункт его «доносительных статей» гласил: «Церковных раскольников, отступивших от святой церкви и в упрямстве необратно ставших, истребляти, дома их разграбляти на великого государя, а их смерти предавати». По настоянию Филофея Петр I издал на его имя указ от 1704 г. который повелевал: «Раскольников отсылать к митрополиту, а ему их разговаривать всякими мерами накрепко, чтоб они от такого дела перестали; а которые раскольники на покаяние не придут, и тех с митрополя двора посылать к розыску в приказную палату к боярину и воеводам... и по розыску велеть их казнить смертью, жечь»¹.

Подобным образом действовал и Афанасий, епископ холмогорский, ставленник и верный последователь жестокого патриарха Иоакима. Он обратил свой духовный приказ в застенок, где мучил долгое время свои жертвы. В отписке Петру I от 1702 г. о раскольнике Ивашке Емельянове, который бежал из Соловецкой тюрьмы, он доносит, что его стараниями беглец разыскан и пытан: «По моему приказу тот раскольник Ивашко... в мой дом принят и расспрашиван накрепко, где он раскольник, каково их то раскольникье жилище и в которых местах и сколько их раскольников»².

В 1721 г. синод добился царского указа всем губернаторам «чинить духовным приставам по делам раскола всякое вспоможение со всеусердотщательным радением». После этого местные епископы при содействии специальных воинских команд, предоставленных губернаторами в их распоряжение, открыли массовые гонения против «псов» и «волков хищных», «сатановеров» и «душегубительных бесов».

Заслуживает здесь упоминания инквизиторская деятельность нижегородского епископа Питирима. Он происходил из раскольниковской купеческой семьи и первоначально скрывался от преследований господствующей церкви. Но непомерная жажда власти заставила его обратиться в гонителя раскольников. Он предложил свои услуги миссионера синоду и скоро был назначен епископом в Нижегородский

¹ Архив мин. юст. сиб. пр. к № 1402 и 125. Ср. П. Бущинский—Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков. 1893. Стр. 48—49.

² Е. Грекулов—Из истории св. инквизиции в России. Изд. 3-е. М. 1930. Стр. 48.

край, один из главных центров раскола. После этого он с ревностью начал здесь свою работу по искоренению раскола.

Несмотря на то, что Петр I приказал ему бороться с расколом «с кротостью и разумом, а не так, как ныне жесткими словами», Питирим открыл настоящий крестовый поход против раскольников в Нижегородском крае. Казни, ссылки в монастырские тюрьмы, пытки и истязания непокорных следовали друг за другом и наполнили весь край кровью, слезами и страданиями его бесчисленных жертв. В 1727 г. Питирим с гордостью доносил синоду о своих трудах, отмечая, что «во время ведомства его сыскано скрывающихся раскольников и от расколов ко св. церкви обращено 60 000 человек обоего пола». Но сколько было при этом погублено, сколько невинных было замучено в застенках питиримовских покоев, сколько заточено и сослано по монастырям!

Наш советский писатель Костылев, хорошо изучивший архивы Горьковского края, в своем произведении «Питирим» дает описание подвигов этого человека. Вот как здесь изображается «питиримово озлобление»:

«По всем улицам Нижнего день и ночь бродили солдаты с ружьями на-изготовку, разъезжали конные патрули, обнажив сабли; ходили вооруженные монахи по домам, делали обыски, рылись в сундуках, под тюфяками, в бабьих юбках, даже в иконостасы заглядывали, в отхожие места и всякую писаную бумагу забирали и тащили в духовный приказ. Уводили и людей, а которые упорствовали, тех избивали и увозили связанными в Кремль...

На дворе духовного приказа с утра до ночи шли «распросы с пристрастием». Пять дюжих монахов рубцевали шелепами¹ чужое тело, закусив языки, двигая напряженно челюстями, тяжело дыша, били людей, как нечто неодушевленное, как дерево или камень...

На-смерть забили одну беременную монахиню, двух беглых попов... Одного раскольничьего старца обнажили, окунули в студеную воду и утром на холодке поливали его водой, пока «от бороды до земли соски не смерзли, аки поросли». Но был крепок старик — пришлось его дожить от нем. Мороз не взял...

Внизу, в подвале под духовным приказом узников сильно причащали, вкладывая в рот деревянный кляп. Рас-

¹ Многохвостная плетъ, иногда с железными наконечниками.

кольников втаскивали в церковь, растягивали по лавкам, поп вливал из чаши в рот насильно причастие. Раскольники сжимали челюсти, их с силой растягивали монахи. Раскольники с злобой харкали причастием прямо в рот попу... Тогда все духовенство «соборне» принималось бить своих причастников, разбивали им челюсти, вышибали зубы. Кровь смешивалась с причастием, текла ручьями на пол... Некоторые после «принятия св. таин» умирали...

Дьяки писали: «умре по-христиански». Телеги свозили убитых вниз, к кремлевской стене. Там солдаты заблаговременно нарыли могилы.

А в это время в казематах и подвалах питиримовой резиденции пытали и жгли «нераскаленных».

«Пахло гарью, паленым телом... Под каменными сырыми сводами колотились нечеловеческие вопли. Стоял придушенный однообразный рев голых, окровавленных, израненных, обгорелых полутрупов, корчившихся в воздухе, на весу, в цепких клещах громадных станков»¹.

Имя этого инквизитора долгое время произносили в Нижегородском крае с трепетом, и о нем сложились полные ужасов сказания, сохранившиеся до нашего времени.

Всю эту инквизицию возглавлял синод, постоянно руководивший ею и направлявший ее. Синод сам часто судил важных раскольников, самостоятельно вел «допросы с пристрастием», имел свою тюрьму, и за ним иногда числилось такое большое количество подсудимых, что даже не хватало места для размещения их в синодальной тюрьме. В 1721 г. синод принужден был обратиться к военной коллегии с просьбой разрешить содержать своих подсудимых при Санкт-Петербургском гарнизоне и приставить к ним специальный караул².

Синод распоряжался и рассылкой воинских команд для поимки укрывавшихся раскольников. Для этого в его ведении находилось несколько офицеров с партиями солдат³. Синод был и материально заинтересован в сыске беглых раскольников и предотвращении их бегства террористическими мерами, так как в его распоряжение были предоставлены сначала штрафные суммы, взимавшиеся с раскольников за непринятие исповеди и причастия, а затем двойной денежный оклад за ношение бороды и платья старого по-

¹ В. Костылев — Питирим. Гослитиздат. 1936. Стр. 363—364.

² Опис. док. и дел, хранящ. в архиве синода. Т. I, № 167.

³ Ф. Елеонский — О состоянии русского раскола при Петре Великом. СПб. 1864. Стр. 129.

кроя. Для лучшего сбора этих средств по ходатайству синода была учреждена в 1723 г. особая контора раскольниковых дел, преобразованная потом в «Розыскную раскольниковых дел канцелярию». Она действовала в тесном контакте с синодом и фактически находилась в его ведении. Главной ее задачей были розыск, взимание штрафных денег и исполнение приговоров над упорными раскольниками. В распоряжении этой Розыскной канцелярии были особые воинские команды, которые производили облавы в лесах и пустынях. Обнаруженные раскольники подвергались суду при канцелярии, в состав которого, кроме заведывающего, входили также два члена синода. Средствами же канцелярии найденные раскольники и наказывались. Эта Розыскная канцелярия просуществовала около семи лет, пока двойной денежный оклад не был переведен в ведение сената. Тогда канцелярия была упразднена, сыск перешел в ведение гражданских властей, а за синодом остался только суд, производившийся с прежней жестокостью.

Синод активно выступал в качестве обличителя и искоренителя даже и в тех случаях, когда дела о раскольниках брала в свои руки светская власть и суд над ними производился в сыском приказе, в Тайной канцелярии или в особых судебно-следственных комиссиях. В этих случаях представители синода приглашались в сыскной приказ и Тайную канцелярию в качестве экспертов, когда там пытали и судили раскольников. С правом решающего голоса участвовали представители церкви и в судебно-следственных комиссиях по расколу, действовавших в 1733—1739 и 1745—1757 гг. Они не только вели следствие и выносили приговоры на равных началах с светскими членами комиссии, но и оказывали решающее влияние на самые приговоры, вооружившись непререкаемым авторитетом библейских, апостольских и отеческих правил об еретиках, а также соборными постановлениями о предании еретиков «градским казням». Во время деятельности судебно-следственной комиссии 1733—1739 гг. кровавые преследования раскольников достигли таких огромных размеров, что в отчаянии многие сами бросались в огонь, и таким образом погибло в огне 6 000 человек. Комиссия 1745—1757 гг. свирепствовала в Ладогe, Каргополе, Олонце. Все Поморье горело кострами, на которых жгли еретиков и в которые бросались сами они, не видя спасенья от гонителей.

В одном 1749 г. духовными членами судебно-следственной комиссии были преданы публичному сожжению в сру-

бе 5 человек, к смертной казни через повешение было приговорено 26 человек, к наказанию кнутом, вырезыванию ноздрей и заточению в монастырские тюрьмы — 18 чел., к наказанию кнутом и заточению — 171 чел., к наказанию плетью и заточению — 22 чел. Мы видим, что при этом применялось постановление московского церковного собора 1667 г., где говорилось: «Еретики и раскольники не только церковными наказаниями имут наказатися, но и царским, сиречь градским законом и казнением»¹.

Однако массовый террор против раскольников в половине XVIII в. все же стал заметно ослабевать. Причина этого заключалась в том, что раскол потерял в XVIII в. тот характер широкого социального протеста против крепостнического государства и против церкви как орудия его господства, каким он отличался в XVII в.

Мы уже отметили, что при самом возникновении раскола в нем наряду с крестьянским течением было и течение боярское, мечтавшее о сохранении старых феодальных устоев, выступавшее против инокнижества с реакционных позиций. Те же круги оказывали впоследствии сопротивление к петровским реформам. Но эта боярская оппозиция была сломлена и в XVIII в. уже роли не играет.

Идейное руководство расколом переходит к рыцарям первоначального накопления — к богатому купечеству. Из силы, оппозиционной дворянскому государству, раскол превращается в силу не только не опасную для самодержавия, но даже во многих отношениях полезную ему в эксплуатации трудящихся.

Крупные раскольничьи центры уже в первой четверти XVIII в. превращались в экономически зажиточные организации, в которых массы, примыкавшие к ним, подвергались экономическому гнету и классовой эксплуатации. Раскол всех разветвлений получал постепенно форму церковной организации, где господствовало и вершило все дела богатое купечество. В половине XVIII в. это господство купечества уже отчетливо сказывается. Богачи становятся во главе общин и заключают компромисс с правительством помещиков. С этого времени социальный протест трудящегося крестьянства пошел по совершенно другому пути, далекому от религиозных лозунгов борьбы за старину.

В связи с этим стали значительно ослабевать и преследо-

¹ Опис. док. и дел., хран. в Моск. архиве мин. юст., кн. VI. М. 1889, стр. 106; П. С. З., т. I, № 412, гл. VII; ср. А. И., т. V, № 75, 2.

вания за принадлежность к расколу, хотя и не исчезали из практики царской России вплоть до последних дней.

В XIX в. все вожди и руководители раскола стали уже вернейшими защитниками самодержавия. Глава беспоповцев-раскольников инок Павел писал в 1848 г. всем раскольникам России: «Хочу открыть вам ужасное ожидание о всемирной конституции, что значит нож, медаль помазан, и уготовляется, рано или поздно, на заклание всего мира... Вам довольно в предосторожность: только слова того, если услышите «конституция» — бойтесь, аки некоего кровожадного губителя, являющегося к вам под видом благоворителя»¹.

Еще определеннее засвидетельствовал свою верность самодержавию главарь старообрядцев-поповцев Кирилл в своем «Архипастырском послании» к поповцам всей России в 1863 г.:

«К сим же завещаю вам, возлюблени, всякое благоразумие и благопокорение покажите перед царем вашим, в чем не повреждается вера и благочестие. И от всех враг его и изменников удаляйтесь и бегайте... им же образом бежит человек от лица зверей страшных и змиев пресмыкающихся; то бо суть предтечи антихристовы, тщашися безначалием предуготовати путь сыну погибельному. Вы же не внимайте лаяниям сих псов адских»².

А когда в 1865—1866 гг. в Петербурге и Париже были покушения на царя Александра II, то со всех концов России раскольники слали и свои верноподданнические адреса, в которых писали: «Милосердного тебя, царя, освободителя народов, мы любим и почитаем сугубо, как богопоставленного монарха и как щедрого отца, и не попускаем не только какого замысла противна, но даже и слова неподобна произнести кому-либо из нас»³.

Разумеется, по отношению к таким «врагам православия» русским инквизиторам не оставалось ничего делать.

На протяжении целого столетия со времени появления раскола русская инквизиция пустила в ход все, что только могло избрести человеческое зверство для истребления

¹ Субботин — Раскол, как орудие враждебных России партий. М. 1867. Стр. 5.

² См. у Субботина ук. соч. «Архипастырское послание», изданное Кириллом 24 февр. 1863 г.

³ Там же, стр. 137—140.

людей. Раскольников заточали в тюрьмы и казематы монастырей, пытали и жгли огнем «накрепко», секли плетью «нещадно», рвали ноздри, вырезывали языки, рубили головы на плахах, клещами ломали ребра, кидали в деревянные срубы и, завалив там соломой, сжигали живьем, голых обливали водой и замораживали, вешали, сажали на кол, четвертовали, выматывали жилы. За ними охотились по лесным дебрям и непроходимым местам, как за дикими зверями. Количество жертв, павших от рук инквизиторов, должно было быть очень велико. Целый отдел одного старинного раскольничьего синодика занимают пострадавшие и сожженные по разным местам. Названные здесь местности простираются от Архангельска и Пустозерска до Дона и от Петербурга до Сибири¹.

Эти кровавые репрессии сопровождались еще одним кошмарным явлением, которое бросает зловещий свет на подвиги русской инквизиции. То были так называемые «гари», т. е. массовые самосожжения. Дикая травля раскольников инквизиторами направляла многих из них на путь самоубийств. Из истории раннехристианской и католической инквизиции нам известны случаи таких «самоубийственных смертей». Так, например, во время преследования еретиков-донатистов в римской Африке, в IV столетии, многие из них убивали сами себя. Окруженные вооруженными отрядами императорских войск, перед лицом неизбежной смерти от руки палача они бросались со скал в реки и горевшие внизу костры. Точно так же преследуемые папской инквизицией средневековые альбигойцы прибегали к самоубийству для избежания пыток и костров. Они в ваннах открывали себе жилы, принимали яд или пили толченное стекло.

Но то, что мы видим в России, оставляет далеко позади все известные в истории случаи. Мы видим здесь действительно страшную картину. Крестьяне, бежавшие от помещичьего гнета и присташие к расколу, сжигают сами себя целыми сотнями и даже тысячами. Они собираются вместе в церкви, в избах или в других помещениях, загораживают себя бревнами, накладывают всюду хворост и солому, запирают двери, окна, ворота и при появлении инквизиторов зажигают огонь, в котором погибают вместе с женами и детьми.

Горят целыми семьями, целыми деревнями. Бегут в леса

¹ А. Пыпин — Сводный старообрядческий синодик. СПб. 1883. Стр. 1 и 2.

и там горят в морильнях. Горят всюду, горят на Тоболе, на Урале, в Нижегородском крае, в Поморье. Перед нами настоящая эпидемия самосожжений, бушевавшая на протяжении ста лет.

Мы никогда не поймем этого страшного явления, если для его объяснения будем искать каких-то «мистических» причин и видеть в нем акт какого-то «религиозного священнодействия», как обычно объясняют его историки. По их словам, крестьяне сжигали себя, побуждаемые якобы «эскатологическими настроениями», внушенными им проповедью вождей и руководителей раскола. Под влиянием будто бы проповеди расколуучителей о том, что «мир во зле лежит», что воцарился «антихрист», крестьяне проникались убеждением в необходимости «очиститься от всех следов злого царства» и с благоговением совершали «искупительно-очистительный акт»¹. Сами инквизиторы так именно и пытались объяснять эти самосожжения. По их официальным донесениям, самосожигавшиеся «прельщены были и волшебством очарованы от раскольниковых учителей».

«В окрестных селах и деревнях бесчисленное множество народа сожигалось, прельщаемые и волшебством очаровываемые раскольниковыми учителями, и воздух от полусгоревших трупов наполнялся смрадом в течение многих дней»². И будто бы выходило так, что инквизиторы принимали всяческие меры для предотвращения самосожжений, но ничто не помогало: ни уговоры «увещателей» и помещиков, ни угрозы, ни обещания простить все вины.

Это — явный вздор, и многочисленные факты говорят совершенно о другом. Тысячи людей сжигали сами себя «добровольно», но лишь потому, что всякий из них каждую минуту рисковал быть сожженным против воли на инквизиционном костре. Они хорошо знали, что ожидало тех, которые попадали в руки Никонов, Иоакимов, Питиримов и многих других инквизиторов. Они знали, что пощады не будет от тех, которые в каждом костре и в каждом заточении видели славу свою и славу Христа своего. Они знали, что за одно только крестное знамение, совершенное двумя перстами, чинилось жестокое наказание и встряска на дыбе, а многих ждало «неисходное» заключение или по-

¹ Н. Никольский — История русской церкви. М. 1931. Стр. 160—162.

² Дмитрий Ростовский — Розыск о Брынской вере. М. 1824. Стр. 585.

зорная смерть на костре. Конечно, для того чтобы решить-ся на самосожжение, раскольники должны были быть до-ведены до состояния иступления, и раскольников пропо-ведники своими зажигательными речами создавали необхо-димое настроение у фанатиков, рисуя им картины небесно-го возмездия. Но мистические настроения сжигаемых были лишь сопутствующим явлением. Основная причина само-сожжения — безысходное отчаяние, вызванное жестоким преследованием раскольников. Памятники старой расколь-ничьей литературы дают нам ясный ответ на вопрос, что заставляло тогда людей, как безумцев, кидаться в огонь. «Везде бряцали цепи, везде вериги звенели, везде Иконову учению служили дыбы и хомуты. Везде в крови исповедни-ков ежедневно омочались железо и бичи... И от такого на-сильственного лютого мучительства были залиты кровью все города, утопали в слезах села и города, покрывались плачем и стоном пустыни и дебри... и те, которые не могли вынести таких мук... при нашествии мучителей с оружием и пушками, страшась их мучительства, сами сжигали себя»¹.

Первая массовая волна самосожжений именно и падает на время патриаршества Иоакима (1674—1690), когда преследование раскольников достигло своего максимального развития.

Вот некоторые цифры.

В 1677 г. в Сибири, в Березовске сгорело 2 700 человек.

В 1679 г. также в Сибири сгорело 1 700 человек.

В 1680 г. в Пошехонском уезде, Ярославской губ., сгорело около 1 920 человек, большинство которых были крепост-ными крестьянами кн. И. И. Голицына.

В 1682 г. в Нижегородском крае сгорело около 2 000 че-ловек.

В 1689 г. близ Олонца сгорело более 1 000 человек, в То-больском уезде—1 700 человек, а в Тюмени—200 человек.

В том же году произошла драма в Палеостровском мо-настыре в Олонецком крае, где сожглось около 2 700 чело-век. Из документов и памятников видно, что в январе 1687 г. «воры и церковные разбойники», вооруженные пуш-кой, ружьями и копьями, овладели Палеостровским мона-стырем. Через шесть недель сюда прибыл сильный воору-женный отряд, посланный новгородским митрополитом

¹ И. Филиппов — История Выговской пустыни. СПб. 1862. Пре-дисловие. Стр. V—VI.

Корнилием. Так как раскольники забаррикадировались и встретили отряд ружейным огнем, то монастырь был подвергнут сильному артиллерийскому обстрелу. Военная команда начала «приступати крепким приступом и изю всего оружия стреляти с великою яростью и гневом, хотяще всех живых взяти и на мучение повести»¹. Но пущенные ядра попали в церковь, и она загорелась, а в ней сгорели и все раскольники². В 1689 г. в том же монастыре произошла новая драма. Раскольники вновь завладели монастырем. В течение девяти недель они не раз выходили из монастыря, бродили по окрестным селам «и людей правых, живших не в совете с ними, грабили и мучили, а своих советников и становщиков собирали к себе»³. Наконец, новгородский митрополит Корнилий прислал большой отряд стрельцов, который начал осаду монастыря⁴. Между осаждавшими и осажденными произошло несколько стычек, в одной из которых был убит начальник отряда прапорщик Портновский и убито и ранено стрельцов и понятых более 50 человек. Тогда новгородская инквизиция распорядилась отправить новый сильный отряд стрельцов. Не имея возможности отразить врага и не желая отдаться живыми в руки инквизиторов, засевшие зажгли хлебню, церковь и другие постройки и сами сожглись. В оба эти раза в Палеостровском монастыре сгорело около 4 200 человек.

Подобный же характер носят и многие другие случаи самосожжений. Не под влиянием проповеди вождей раскола о приближении «конца света» сжигают себя эти сотни и тысячи людей. Они, как видим, ведут ожесточенные бои с войсками, стремящимися взять их живыми, но, прекрасно зная, что ждет их в случае поражения, они решаются лучше погибнуть, чем отдаться неумолимому врагу. Мы знаем много случаев, когда военным отрядам удавалось спасти людей от самосожжений и захватить их в плен живыми. Но в этих случаях спасенные не избегали мучительных пыток, наказаний и казней.

¹ И. Филиппов — История Выговской пустыни. Стр. 31.

² А. И., V, № 151.

³ Там же.

⁴ Из царской грамоты олонецким воеводам в 1689 г. видно, что новгородский митрополит Корнилий посылал в Олонец указ протопопу Льву Иванову, чтобы он немедленно ехал в Палеостровский монастырь для увещания раскольников в божественном писании. Вместе с протопопом митрополит распорядился отправить и прапорщика Портновского с командой стрельцов. См. «Акты ист.». Т. V, № 151, стр. 254.

Массовые самосожжения продолжались вплоть до того времени, когда прекратился массовый террор церкви против раскольников. Они неизменно усиливались в те периоды, когда возрастали гонения и открывались свирепые крестовые походы против угнетенных крестьянских масс.

В 1679 г. прикащик Гаврило Буткеев писал воеводе, что в Мехонской слободе крестьяне, драгуны и беломестные казаки собрались с семьями своими у одного драгуна и сожглись. Прежде чем сжечься, крестьяне писали жалобу царю, что они «заперлись все с женами и детьми в домах своих, убоявшись приказных людей, которые во главе с Гаврилом Буткеевым приезжали к нам в деревню и многих наших людей тогда забрали в Исетский острог. На дороге, отъехав от деревни версты за две, он стал морить нас на морозе и многих весь день без одежды держал... и мы, сироты твои, убоясь того же, засели во дворе»¹.

В 1764 г. в деревне Любач, Новгородской губернии, раскольники в числе 61 человека, доведенные до отчаяния, объявили: «Если их станут разорять, то они не дадутся и сделают то, что господь прикажет, а если-де их разорять не станут, то они гореть не хотят». При одном самосожжении в деревне Кузиной, Исетского округа, они прямо заявляли, что «предают себя сгорению от грабительства и разорения присылаемых команд для того, что многие между раскольниками безвинные взяты в Тобольск и в заключении претерпевают голод и мучение и никому-де свободы нет». Сенат, рассмотрев донесение по этому делу, нашел, что самосожжение произошло «от непорядочных поступков духовной консистории против исетских жителей и от разорений, чинимых посланными священником и командой»².

Все эти факты массовых самосожжений представляют нам самое сильное доказательство того, с какой свирепой беспощадностью действовала русская инквизиция по отношению к раскольникам. Поражает именно самая массовость самосожжения и, между прочим, присутствие большого количества детей среди погибших. Здесь не было никакой догматики и никакой мистики. Это подлинно насильственная, вынужденная смерть, к которой толкал людей панический страх перед всемогущим врагом. И замечательно, что во всех раскольничьих литературных памятниках люди,

¹ Доп. А. И., XIII, № 50. Из документов видно, что наезд приказных людей на Мехонскую слободу был вызван требованиями церковной власти в Тобольске.

² «Русский вестник». 1861. № 4.

бросавшиеся в огонь, всегда называются «сожженными» и никогда — сжегшимися.

Не было сил и средств для сопротивления, некуда было больше деться, так как кругом — лютые муки и позорная смерть на костре.

Что же оставалось делать вождям и руководителям раскола — всем этим беглым попам и чернецам?

Им оставалось только возбуждать в своей пастве религиозный фанатизм проповедью «вечной славы», «самоубийственных смертей». Они проповедывали и писали целые сочинения в защиту «спасительности и богоугодности» этого «огненного пути к небесным чертогам бога». Так совершались идеализация самосожжений и героизация тех, кто перед лицом врага решался принять «самовольное мучение» в стоянии за Веру.

Впоследствии эта пропаганда добровольного мученичества приняла широкие размеры.

Русская земля стала наполняться множеством раскольниковых «святых мучеников», и стали ходить многочисленные легенды и сказания о подвигах их. В одной раскольниковой рукописи, например, рассказывается о «подвиге» одной девятилетней девочки необыкновенной красоты. Когда инквизиторы увидели ее красоту, то разными ласками и обещаниями стали склонять ее к отступлению от «древнего благочестия». Но она оставалась непреклонной. Тогда, чтобы устроить ее, зажгли на ее глазах сруб с осужденными людьми и приказали ей с открытыми глазами идти в огонь. И она, повествует легенда, «абие вскочи во огненный сруба пламень, всерадостно и доброревностно»¹.

Прославляли не только самосожжение, прославляли также и самый сруб, в который инквизиторы бросали свои жертвы. Восхваляли тех, которые «огненную колесницу срубопаления за отеческую веру паче красных чертог и сладкого мирожития изволиша прияти»², порицали слабых и малодушных и проклинали отступников.

Так религиозный фанатизм беглых попов и монахов порождал догмат самосожжения как искупительной жертвы, как «нового крещения в огне», как дела богоугодного и спасительного. В одном раскольном стихе об антихристе делается уже прямой призыв к самосожжению с целью из-

¹ «Виноград российский или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие». Гл. 29.

² Там же.

бежать сетей антихриста и в награду обещаются царство небесное и райское блаженство.

МОНАСТЫРСКИЕ ЗАСТЕНКИ

Православная церковь в России для нужд инквизиции имела собственные хорошо оборудованные тюрьмы, которые ничем не уступали ужасным тюрьмам западноевропейской инквизиции. Среди таких тюрем первое и главное место занимали тюрьмы монастырские.

Монастыри в России были настоящими инквизиционными застенками. И среди наказаний, которые применяла русская инквизиция к противникам господствующей церкви, монастырское заточение являлось, пожалуй, ужаснее, чем даже сожжение на костре.

Первые русские тюрьмы именно и появляются при монастырях, и о них мы находим указания уже в древнейших исторических документах. Как правило, каждый крупный монастырь всегда обзаводился специально оборудованными тюремными казематами, острогами, пыточными камерами и разнообразными орудиями пыток. В древнейшее время такими казематами служили погреба, подвалы и подземелья, совершенно лишенные света. Сюда после страшных истязаний монастырские власти бросали непокорных рабов и холопов, приковывая их к стене большими железными цепями. Здесь они большей частью умирали, томимые голодом. Так, например, имеются известия, что в подвалы Новгородского Хутынского монастыря, Данилова, Донского и других московских монастырей были заключаемы сотнями «пашенные люди», где они почти всегда и кончали свою жизнь. В древнейших документах мы неоднократно читаем сообщения такого рода: «Его, колодника, вора Ивашку выбити вон из земли, выслать из волости, посадить в монастыре в подвал и держать на цепи».

Во время широких антицерковных движений XIV—XVI вв. монастырские тюрьмы были переполнены еретиками — противниками церковно-монастырского землевладения. Волоколамский монастырь великого инквизитора Иосифа Волоцкого был тогда специально оборудован для целей инквизиции. В это время он сделался ее главной цитаделью. Сюда, в специально построенную так называемую «Германову башню» заключали важнейших противников монастырских богатств.

Особенно широкое распространение заточение в монастырские тюрьмы получило во время раскола. Тогда по

приговорах патриархов, митрополитов и архиереев и по царским указам заточалось в монастыри огромное количество людей, в связи с чем расширялись и перестраивались самые монастырские тюрьмы.

Застенки и казематы монастырских тюрем широко использовались в интересах православия вплоть до последних дней царизма. До самой Великой Октябрьской социалистической революции при некоторых монастырях продолжали существовать тюрьмы и арестантские отделения, где томились заключенные за религиозные разногласия с господствующей церковью, нередко от продолжительного заключения психически заболевшие или сошедшие с ума.

Монастырские тюрьмы были ужасны, и заточение в них обрекало заключенных на мучительное умирание.

Одним из самых тяжелых наказаний считалось заключение в так называемых «земляных тюрьмах», или погребках. Это были просто темные, сырые ямы без малейшего луча света и без всяких примитивных удобств. Устройство их было очень просто и несложно. Вырывали в земле яму метра в два глубиной и облицовывали по краям кирпичом или бревнами. Поверх такой ямы клали доски, покрытые толстым слоем земли или дерна. В этой крыше делали небольшое отверстие, через которое опускали или вытаскивали узника и давали ему жалкую пищу, состоявшую только из черствого хлеба и воды. Сюда бросали израненного пытками человека, часто скованного по рукам и ногам. Часто на заключенного накладывали «плечные железа» или особую рогатку, так называемый «стул». Отверстие в крыше закрывали дверью, запирали на замок, приставляли стражу, и, таким образом, человек буквально был заживо погребен. Здесь он томился обыкновенно очень продолжительное время, часто «безысходно», до конца дней, скованный цепями, которые снимали с него только после смерти.

Ямы скоро наполнялись ужасным зловонием, паразиты и крысы кишели кругом, нападали на узника и, случалось, объедали у него уши и нос. Делать что-либо для защиты от этих зверьков строго запрещалось. Только одна смерть могла избавить узника от невыразимых страданий.

Русская инквизиция очень любила применять к еретикам и раскольникам этот тяжелый вид наказания. Скучные источники, дошедшие до нашего времени, все же дают нам достаточно оснований заключать, что земляные тюрьмы находили себе весьма широкое применение в инквизиционной практике русской церкви. Акты о ссыльных 1676—1681 гг.

отмечают, что «два церковные раскольщики и мятежники» были брошены в земляные тюрьмы. В отписке якутского воеводы от 1688 г. читаем: «А в новом городе велел я построить для раскольщиков, церковных мятежников, земляную тюрьму... и в эту тюрьму велел я посадить двух раскольщиков в чеши и в железа»¹. Псковский митрополит Маркелл, захвативши в 1690 г. под Псковом двух раскольников, отдает распоряжение «посадить их в самую крепкую земляную тюрьму, за крепкий караул»².

Протопоп Аввакум, первый вождь раскола и фанатичный противник патриарха Никона и всех «никонианских еретиков», просидел со своими единомышленниками в земляной тюрьме в Пустозерске 15 лет, после чего все были сожжены. «Осыпали нас землею, — писал он, сидя в заключении, — труб в земле и паки около земли другой труб, и паки общая ограда за четырьмя замками»³. Перед этим он был заключен в такую же тюрьму Андрониевского монастыря в Москве. «Посадили меня на телегу, и растянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на чеши кинули в темную полатку, ушла в землю... Никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно»⁴.

Особенно широко применялось заключение в земляные тюрьмы при жестоком инквизиторе патриархе Иоакиме, а также в начальный период деятельности синода в эпоху Петра I.

В Соловецком монастыре, сделавшемся главной цитаделью русской инквизиции с конца XVI в., таких земляных тюрем было много. Они существовали здесь до самой половины XVIII в. Еще в 1759 г. сенат посылал в архангельскую губернскую канцелярию специальный указ, в котором предписывал послать нарочного в монастырь для засыпки таких тюрем.

Еще более страшным наказанием в руках русской инквизиции было заточение в так называемые «каменные мешки». Сюда инквизиторы заключали свои многочисленные жертвы и здесь замуровывали их в самом буквальном значении этого слова. Это были невысокие узкие комнатки-клетушки, каменные ниши, находившиеся по большей части в кре-

¹ Е. Грекулов — Из истории св. инквизиции в России. Изд. 3-е. М. 1930. Стр. 48.

² Там же, стр. 48.

³ «Житие протопопа Аввакума». Стр. 137.

⁴ Там же, стр. 81.

постных каменных башнях монастырей. Внутри угловых крепостных башен были построены узкие и высокие каменные башенки. Они были разделены на несколько изолированных друг от друга этажей. В каждом таком этаже имелись небольшие комнатки с отдельным ходом. После заключения сюда узников двери комнат закладывались кирпичом. Оставлялось только маленькое отверстие для подачи заключенному хлеба и воды. Тут узник безвыходно пребывал до самой смерти. Сырость и мрак, теснота и асфальтная, могильная тишина окружали его здесь. Он мог тут только стоять в согнутом положении или сидеть, скорчившись.

Подлинная могила для обреченных! В этих ужасных тайниках они по большей части долго не выживали в здравом уме. Они быстро сходили с ума и в буйном исступлении разбивали свои головы о стены каменных мешков. Или в тихом безумном забытье умирали медленной мучительной смертью в тишине и мраке своих страшных келий.

Историк прошлого столетия, посетивший Кирилло-Белозерский монастырь, еще видел эти каменные мешки хорошо сохранившимися. Он так описывает их: «Внутри некоторых больших башен до сих пор сохранились большие каменные столбы, простирающиеся от низу до верху и разделенные на несколько отделений. К каждому отделению ведет особый ход. Внутри этих столбов сырость, темнота и мрак; в маленькое отверстие вроде окна едва проникает сверху тонкая струйка света. Из этой темной пасти так и веет могилой. Это — те страшные каменные мешки, куда заключали преступников, изгнанников и пленных. В одной из башен сохранилось даже кольцо, к которому приковывались к стене заключенные»¹.

Такие каменные мешки существовали в очень многих монастырях на Крайнем севере России, почти во всех сибирских монастырях и в наиболее крупных монастырях центральной России. Не так давно они были обнаружены и в Симоновом монастыре в Москве, стоявшем на месте, где теперь построен Дворец культуры.

Но особенно много таких каменных мешков было в Соловецком монастыре, внутри его огромных каменных крепостных стен и башен. Фельдшер Колчин, живший в Соловках в прошлом столетии и лично обслуживавший больных колодников, писал о них: «В узком проходе для лест-

¹ Сборник «Древняя и новая Россия». 1878. Т. II. Стр. 94.

ницы, ведущей на верх башни, находится дверь, обитая войлоком, ведущая в каменное помещение аршина два длины, полтора ширины и три высоты. У одной стены выложена кирпичная лавочка, шириной пол-аршина. Маленькое окошечко, достаточное для того, чтобы протянуть руку, выходит на темную лестницу и в былое время служило не для освещения, а для подачи пищи узнику. В таком мешке нет возможности лечь, и несчастный узник должен был года, если такая обстановка не убивала его, спать в полу-согнутом состоянии»¹.

Это были каменные мешки в знаменитой Головленковой башне, которая в эпоху религиозного движения XVII в. была постоянно переполнена заключенными.

Другой исследователь, посетивший Соловки в сороковых годах прошлого столетия, видел каменные мешки в башне Корожной: «В северо-западном углу монастыря находится башня Корожная, в которой прежде содержались узники. Башня эта в несколько этажей; в каждом из них, в середине, большая круглая комната под сводами и в стене кругом небольшие дверные отверстия, в которые едва человек пролезть может, ими входят в каморки большей частью темные, иные из них очень тесные. Там сидели заключенные. Монахи рассказывают предания, что будто иных узников морили дымом, других замуровывали живых и сгину... Ходя по разным ярусам башни, невольно вспоминал я ярусы дантовского ада»².

В последнее время местное общество краеведения обнаруживало в Соловецком монастыре много каменных мешков и в других местах. Часть казематов Головленковой башни в числе шести удалось отмуровать и очистить от завала. Они оказались крошечными каморками в три шага в ширину и четыре с половиной шага в длину. В дверях — маленькие отверстия для передачи пищи. Они совершенно темны. Небольшие оконца этих камер с железными решетками буквально не дают света. Двойные двери были окованы железом и, кроме того, некоторые закладывались булыжными камнями и валунами. Всюду видны крючья и кольца, к которым, повидимому, приковывали цепями заключенных. При очистке этих казематов были найдены человеческие кости, совершенно сгнившие.

¹ М. Колчин — Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря. М. 1908. Стр. 11—12.

² «Русский архив». 1867. Стр. 1156—1157.

В восточной стене монастырской крепости также было обнаружено много небольших каменных мешков для одиночного заключения. Замурованные темные каморки, в которых находились человеческие кости, были обнаружены и в других местах крепостной монастырской стены и даже в церквах.

Эти каменные мешки просуществовали в Соловецком монастыре до 1854 г., и в одном из них во время осады монастыря англичанами в том году даже сидел заключенный норвежец Гардер.

Но кроме каменных мешков в Соловецком монастыре находилось еще много других тюремных казематов как общих, так и одиночных. Древнейшая из соловецких тюрем, по названию Головленкова, упоминается в качестве инквизиционного застенка уже в первой половине XVI в., в эпоху Ивана Грозного. Тогда в деревянной еще ограде-крепости, которой был обнесен монастырь, были устроены особые «кельи молчательные», куда инквизиторы и заточали еретиков «с великою крепостью и множайшим хранением». В конце XVI в. была построена каменная крепость, и Головленкова тюрьма была перестроена вновь из деревянной. Тогда же возникла другая огромная Корожная тюрьма. Она находилась под башней, называемой Корожня, и была совершенно глухой, подземной тюрьмой. Такие же темные подземные тюрьмы были в Никольской и в других башнях. Из казематов Корожной башни шла каменная из валунов лестница в особый подвал с толстыми стенами. Повидимому, это была одна из пыточных камер. Теперь сохранились в ней, а также и в других подвалах и погребах только большие железные крюки, кольца, скобы и всевозможных размеров винты — все, что осталось от древних орудий истязания.

Такие же тюрьмы существовали в XVI—XVIII вв. и во многих других монастырях. В сибирских монастырях — Вознесенском Иркутском, Троицком Селенгинском близ Байкала и Успенском Нерчинском — находились тогда обширные тюрьмы с темными казематами для одиночных заключений и с застенками для пыток. Не менее обширные тюрьмы с застенками существовали в монастырях Вологодского края. В пещерах Киево-Печерского монастыря недавно были открыты тюремные казематы для одиночного заключения и особые помещения, где пытали заключенных. В эти ужасные помещения русская инквизиция заточала свои жертвы, и они бесследно исчезали для всех. Там, за-

ложенные кирпичами, во мраке сидели они, «яко сосуды непогребенные и зело вредные», до самой смерти, часто не видя человеческого лица, не слыша человеческого голоса. Оттуда, из-за толстых стен не слышно было ни стонов пытаемых, ни криков, ни проклятий обреченных. И это наказание было страшнее, чем сама смерть на костре.

Замуровывание в каменные мешки широко практиковалось инквизицией в конце XVII и первой половине XVIII в. по отношению к вождям и руководителям раскола. В документах того времени мы часто встречаем такие предписания: «Посадить его, раскольника и церковного мятежника, в монастырь, в каменную тюрьму и велеть тое тюрьму и двери и окна заделать кирпичом, только оставить одно отверстие для дачи воды»¹.

Позднее важных раскольников замуровывали иногда и в Шлиссельбургской тюрьме. Так было поступлено с неким раскольником Круглым. Закованный в ручные и ножные кандалы он был доставлен в Шлиссельбург. Коменданту крепости было предписано посадить его в заточение в одиночную камеру и заделать в ней двери и окна, оставив маленькое отверстие для подачи пищи. 21 октября 1745 г. Круглый был посажен в «безысходную тюрьму» и замурован в ней. С первого же дня он начал морить себя голодом и через 13 дней умер»².

В начале XVIII в. в Соловецком монастыре была построена новая каменная двухэтажная тюрьма, которая в 1842 г. была расширена пристройкой третьего этажа. Но даже и в этой тюрьме имелись в нижнем этаже небольшие каморки без окон, наполовину в земле, которые напоминали прежние каменные мешки.

Конечно, в XIX в. в практике русской церкви стали исчезать старые методы расправы. Были засыпаны земляные тюрьмы; заделаны чудовищные казематы-мешки в монастырских башнях, стенах, храмах; официально отменены пытки, плети и батоги, «несчадное битье» заключенных. Но в общем положение монастырских узников продолжало оставаться ужасным.

Фельдшер Колчин о новопостроенной Соловецкой тюрьме писал: «Нижний этаж тюрьмы наполовину лежит в земле, так что небольшие окна его находятся на уровне земли.

¹ См., напр., «Акты юридические», т. VI, № 307. Ср. Е. Грекулов, ук. соч., стр. 50.

² А. Пругавин — В казематах. СПб. 1909. Стр. 26—27.

Зайдя в тюрьму, вы спускаетесь по нескольким ступеням вниз — и перед нами темный, длинный, сырой, с особым затхлым запахом коридор. По одну сторону этого коридора находятся шесть дверей, ведущих в шесть арестантских чуланов. По другую сторону коридора мы нашли заколоченную дверь. Расколотив дверь, мы зашли через нее в узкий, длинный, темный ход, проделанный внутри толстой тюремной стены. Идем по нему... пока, наконец, не наталкиваемся на небольшую дверь с маленьким окошечком в середине ее. За дверью — чулан аршина полтора в квадрате, без всякой лавки, без окна, без всего того, без чего жить человеку нельзя. В нем можно только стоять или сидеть скорчившись. Лежать или сидеть с вытянутыми ногами не позволяет пространство чулана, а скамьи для сиденья не полагается. А несомненно, что здесь заставляли жить людей не один год»¹.

Русский писатель-драматург В. И. Немирович-Данченко, посетивший Соловки в 1872 г., в таких словах передал нам свои впечатления: «Соловецкая тюрьма, когда к ней приближаешься, кажется такою же громадною, многоэтажною гробницей, откуда вот-вот покажутся, открыв свои незрячие очи и потрясая цепями, бледные призраки прошлого...

На меня тюрьма произвела отвратительное впечатление. Это сырая каменная масса внутри сырой каменной стены переносит разом за несколько веков назад... Я вошел в первый коридор. Узкая щель тянулась довольно далеко. Одна стена ее глухая, в другой несколько дверей с окошечками. За этими дверями мрачные, потрясающе мрачные темничные кельи...

Все прозеленело, прокопчено, прогнило, почернело. День не бросит сюда ни одного луча света. Вечные сумерки, вечное молчание.

Я вошел в одну из пустых келий. На меня пахло мраком и задушающей, смрадной сыростью подвала. Точно я был на дне холодного и глубокого колодезя»².

Самый вид этих соловецких казематов был до того страшен, что приводил в ужас заключаемых. Когда в 1826 г. одного сосланного в Соловки штабс-капитана привели в каземат, то он пришел в такой ужас, что тут же объявил караульному, что если его будут долго держать тут, то он разобьет себе голову о стену.

¹ М. Колчин, ук. соч., стр. 14.

² В. И. Немирович-Данченко—Соловки. СПб. 1884. Стр. 118

Такою же была, по описаниям очевидцев, другая знаменитая в истории царской России Суздальская тюрьма в Спасо-Евфимиевом монастыре в городе Суздале, Владимирской губернии. Она возникла сравнительно поздно, в 1766 г., когда по приказу Екатерины II сюда стали ссылать людей «для исправления в уме». Огромнейшие высокие башни с множеством бойниц для пушек и ружей, помимо специально построенной тюрьмы, заключали в себе много отдельных казематов, а в одной из башен — Водяной — находились настоящие каменные мешки. Монастырский сад здесь весь усеян могилами заключенных.

Непроницаемой тайной стремились окружить все эти монастырские застенки русские инквизиторы. В инструкциях и грамотах, сопровождавших заключаемых, всегда предписывалась строжайшая изоляция их, «да не беседуют ни с кем же, но затворенным и заключенным в молчании сидети и каятися о прелести еретичества своего». Воспреещались всякие сношения с внешним миром и сообщения с кем бы то ни было как внутри, так и вне монастыря. Лишь в виде особой милости для «раскаявшихся» разрешали иногда приводить их в церковь к богослужению в ручных и ножных кандалах.

Центр строго предписывал «неослабное смотрение иметь» и содержать всех узников «с великим бережением». И за ними наблюдали незримо, но постоянно и очень бдительно. Такими тайными наблюдателями, помимо стражи у казематов, обязывались быть все монахи без исключения. К особо важным из заключенных, «великим грешникам», как называли их, назначались сверх того доверенные лица для «увещания» их. За каждым действием, за каждым шагом заключенных тщательно следили они, подслушивали, выпытывали, выуживали и обо всем доносили настоятелю монастыря.

Настоятель монастыря считался вместе с тем и комендантом тюрьмы. Он имел ничем не ограниченную власть над всеми заключенными и был всемогущим в своей тюрьме. Это был главный палач, главный тюремщик, не за страх, а за совесть, с усердием истого фанатика выполнявший все полицейские и жандармские обязанности по отношению к еретикам. Право пытать, право морить голодом или удущать смрадным дымом «великих грешников» всецело принадлежало ему. Он же и сообщал высшему начальству о поведении того или иного узника или о том, что последний «волею божьей умре».

Жертвы монастырских тюрем в огромном большинстве были обречены на «безысходное пребывание», «до кончины живота», «до государева указа». Многие заключались на десятки лет «до исправления» и «познания бога истинного». Но и такие только в самых редких случаях выходили на свободу из монастырских стен. Почти всегда они не выдерживали всех ужасов инквизиционного застенка и либо умирали под пытками, от истощения, от чахотки и цинги, либо кончали самоубийством, либо сходили с ума. Один исследователь архивных материалов сибирских монастырей о Селенгинском Троицком монастыре близ Байкала писал: «В Селенгинском монастыре люди содержались в темных одиночных каютах «в заклепных железах». Много там погибло людей без показания их имени. Мне попались в руки две бумаги, где в одной монастырское начальство доводит до сведения, что неизвестные два преступника от долгого сидения сошли с ума и вскоре потом умерли. Другая бумага такого содержания: по уничтожению Тайной канцелярии велено было начальству Селенгинского монастыря освободить всех своих заключенных, но при этом открылось, что содержащиеся там колодники все померли, остался только налицо бывший сибирского полка подпоручик Родион Ковалев, который просидел закованным в монастырской тюрьме в одиночном заключении более 25 лет. Когда его выпустили, он оказался сумасшедшим»¹.

Сумасшествие не было, однако, поводом к освобождению заключенных. Такие лица проводили жизнь свою в монастырских тюрьмах до смерти.

В XIX в. монастырский тюремный режим мало изменился. В обращении с заключенными оставался тот же старый инквизиционный дух и сохранялись все специфические черты человеконенавистничества и жестокости. Многие заключенные были попрежнему отрезаны от всяких сношений с внешним миром и заживо погребались в монастыре.

В 1855 г., по официальным документам синода, в Соловецкой тюрьме находились узники, сидевшие двадцать, тридцать и сорок лет. Один крестьянин Вятской губернии Семен Шубин сидел 43 года, и в 1855 г. ему было 88 лет. Настоятель монастыря писал о нем синоду: «От старости лет не выходит никуда из клетки, большей частью лежит в постели, в баню возят на лошади... одержим давней гры-

¹ И. Сельский — Ссылка в восточную Сибирь замечательных людей. «Русское слово». 1861. Кн. 8. Стр. 24—25.

жей, без врачевания ее, за немением здесь ни медиков, ни лазаретов... По укоренению в ереси и за старостью должен оставаться в теперешнем его положении». Он просидел в тюрьме 65 лет, совершенно ослеп и умер там.

ПЫТКИ И КАЗНИ

Русская инквизиция широко применяла пытку и истязания лиц, обвиняемых ею в волшебстве и в еретичестве. В древнерусских памятниках мы встречаем некоторые указания на применение пыток уже в епископских судах.

Однако наши источники только с XVII в. дают возможность подробно познакомиться со всеми видами пыток, применявшимися русской инквизицией. Только с этого времени можно ясно видеть, как широко пользовалась православная церковь пыткой, не только заимствуя все виды ее у государства, но изощряясь и самостоятельно в изобретении самых утонченных способов мучения людей.

При производстве следствия и суда над лицами, обвиненными в волшебстве, еретичестве и расколе, не принимались во внимание никакие доказательства, ни письменные, ни свидетельские, но пытками добивались во что бы то ни стало признания в возводимых обвинениях или подозрениях. Не признающих себя виновными подвергали троекратной пытке, стараясь увеличить тяжесть мучений пытаемого. В случае же признания пытки служили средством добиться у обвиняемого колдуна или еретика оговора возможно большего круга лиц из его родственников и знакомых.

Самые виды пыток по делам волшебства и еретичества были разнообразны. Наиболее употребительными и всеобщими были вздергивание еретика на дыбу и жжение его огнем. Дыба представляла собой род виселицы, на которую подвешивали обвиненного так, чтобы он «на земле не стоял». Жертву раздевали, заворачивали назад руки и вкладывали их в «хомут», т. е. петлю из войлока, крепко стягивая их. Затем с помощью привязанной к хомуту веревки, которая проходила через блок на дыбе, вздергивали вверх. К ногам поднятого на дыбу привязывали тяжелые колодки, на которые становился палач, увеличивая тяжесть мучений. Кости при этом выходили из суставов, хрустели, ломались, иногда лопалась кожа, жилы вытягивались, рвались, причиняя жертве невыразимое терзанье. В таком положении еретика начинали бить кнутом по обнаженной спине так, что кожа доскутьями летела и кровь лилась ручьем. «В час боевой ударов бывает тридцать или сорок;

и как ударит по которому месту по спине, и на спине станет так, слово в слово будто большой ремень вырезан ножом, мало не до костей. А учинен тот кнут ременный, плетёный, толстый, шириною на палец, а длиною будет с пятью локтей»¹.

Иногда на пытке били в два и три кнута. В описании стрелецкого бунта, составленном современником Сильвестром Медведевым, сказано, что стрельцы обвиненного в волшебстве «доктора Данила (фон-Гадена, родом еврея), иже в крещении Стефан, в застенке же крепко пыташа, биша в три кнута, и огнем жгоша, и потом такожде (т. е. нагого) выведоша на Красную площадь, иссекоша в мелкие части»².

Иногда поднятие на дыбу соединялось со «стряской». Палач, дергая за веревку, встряхивал пытаемого на воздухе, а потом быстро опускал веревку, так что тело падало вниз, но все-таки не касалось земли. Эта «стряска» и быстрое падение тела вызывали сильнейшую боль. Истерзанных таким образом еретиков, если они не признавались и не выдавали сообщников, подвергали пытке огнем. Связывали руки и ноги, продевали сквозь них бревно и, поднимая над костром, поджаривали жертву, как на вертеле. Кожа большими кусками отставала, лопались мускулы и тело мало-помалу сползало с костей. Иногда пытку огнем соединяли с поднятием на дыбу, под ногами пытаемого разводился костер, а ступни ног, помещенных в колодки, смазывались салом.

К этим основным видам пытки обычно присоединялся целый ряд новых, отличавшихся крайней жестокостью. С половины XVII в. инквизиторы стали часто употреблять при пытках ломанье ребер раскаленными клещами, завинчивание ножных и ручных пальцев в тиски, вбивание в тело гвоздей, прижигание тела раскаленным железом и т. п. Страшные орудия пытки с самой утонченной жестокостью ломали и вывертывали члены, рвали и терзали тела еретиков, колдунов и ведьм. Об одном раскольнике, дворецком боярина Салтыкова Исаии, старинный памятник говорит: «Растерзаша того немилостивно плоть, сломиша нещадно составы, прерваша безмилосердно жилы... попалиша страдальческое тело, ребра преломиша, перси измучиша, хребет окровавиша, боки огнем опалиша»³. Одного купца Лав-

¹ Котошихин — О России в царств. Алексея Мих. Гл. VI, стр. 34.

² Собр. Ф. Туманского. Т. VI, стр. 80. Ср. «Русский архив», 1867, № 7, стр. 1151.

³ «Виноград российский». Гл. 28.

рентьева, израненного и истерзанного, посадили в бочку, утыканную гвоздями, и отвезли в монастырскую тюрьму¹.

Особенно часто стали употреблять так называемый «железный хомут», на нем раскольничьи писатели неоднократно останавливают свое внимание, считая этот род пытки наиболее мучительным из всех. Пытка эта состояла в том, что допрашиваемому зажимали ноги и руки в тиски, на шею надевали толстый железный обруч, привязывали его к тискам веревкой; в веревку вдевали палку и вертели ее до того, что голова пригибалась к ногам и человек точно «сгибался в три погибели», «подобно шару некоему или мячу показуется, валящимся по земле»². Это был особенно тяжелый вид истязания: «от этого злейшего мучительства по хребту лежащие кости по суставам сокрушаются, кровь же из уст и из ушей и из ноздрей и из очей болезненно издавливающаяся течаше»³. Во время этого мучительного истязания пытаемые очень часто погибали.

Пытки производились в подземных помещениях, подвалах с толстыми каменными стенами и сводами, чтобы ни один стон пытаемых жертв не доносился до слуха людей. Обычно такими пыточными камерами служили подвалы церквей и монастырей. В селе Преображенском в эпоху Петра I пытки раскольников производились в подвалах церкви Петра и Павла. Из застенков этой церкви, как думают некоторые историки, и вышла пословица: «Правда у Петра и Павла». Из записок московского служилого человека Желябужского (1682—1709 гг.) видно, что в Троице-Сергиевской лавре подземные застенки находились на Волосьем дворе, где производились пытки⁴. В Прилуцком монастыре в Вологде пытки производились в специально оборудованной пыточной башне. В Соловецком монастыре пыточный застенок находился в нижнем этаже башни Корожни. В 40-х годах прошлого столетия путешественники видели еще сохранившимся в этом застенке крюк в своде, на котором висел блок для подъема на дыбу осужденного⁵.

В сибирских монастырях во второй половине XVII в. бы-

¹ «Виноград российский». Гл. 28.

² Там же.

³ Там же и, кроме того: А. Денисов — *Повесть о рождении и воспитании и о жизни и кончине Никона*; у С. Максимова — *Рассказы из истории старообрядчества по раскольничьим рукописям*. СПб. 1861. Стр. 54.

⁴ И. Снегирев — *Русские в своих пословицах*. Ч. III. М. 1832. Стр. 199.

⁵ «Русский архив», 1867, № 7, стр. 1156.

ли особые дворы для пыток и казней, и до сих пор еще живо предание, что здесь пытали и сжигали на кострах колдунов и ведьм¹.

Пыткам подвергали не только подсудимых. Попавших в цепкие объятия инквизиции одна только смерть могла избавить от мучений. Те же, кто оставался в живых и заточался в монастыри, до конца жизни продолжали чувствовать на себе жестокую руку палача. Они все время висели на дыбе, принуждаемые к сознанию и покаению в несуществующих грехах.

Здесь мы должны различать двоякого рода пытки.

Это, во-первых, «смирение по монастырскому обычаю», т. е. попросту наказания узников, обычные истязания, которые были в ходу во всех монастырских тюрьмах. Без них в монастырском заточении не обходился ни один день. Афанасий, епископ холмогорский, в своих грамотах Соловецкому монастырю неоднократно предписывает прибегать к наказаниям и истязаниям заключенных с целью их «смирения». Он советует «смирять жезлием и узами, дондеже исправятся»; «чинить монастырское наказание — бить шелепами»; «держат под караулом, озорников бить нещадно». Он же сам заставлял связывать колодников веревками, волочить их по земле и плевал им в лицо, называя «погаными».

Для наказания узников в монастырях находилось даже особое «лобное место», где избивали их плетью, батогами, розгами, шелепами и цепками², по усмотрению настоятеля.

Во-вторых, по отношению к заключенным монастыри широко практиковали пытки в собственном смысле, как специальные истязания с целью вырвать нужное признание, заставить сознаться в своей вине, покаяться и покориться или с целью замучить до смерти, чтобы поскорей избавиться от беспокойных и опасных людей. Здесь существовали свои вариации и градации пыток в зависимости от тех целей, какие преследовали палачи. Самой обычной и сравнительно легкой пыткой было сковывание по рукам и ногам «железами» или приковывание железной цепью к стене за шею, руку, ногу. Эти «железа» и цепи бывали иногда настолько тяжелы, что изнуренный под их тяжестью узник скоро вы-

¹ «Русское слово», 1861, № 8, стр. 21.

² Цепками назывались плети с несколькими хвостами из пеньки на конце, причем концы для большей упругости намачивались в горячей смоле. Монастырские цепки по большей части бывали семихвостые.

бывался из сил, падал на пол и оставался недвижим. В историческом описании суздальского Спасо-Евфимиева монастыря исследователь Сахаров так описывает виденные им «железа»: «Одна из цепей длиною менее двух аршин и весом до двух пудов заканчивается с одной стороны зубчатым ершовым клином, вбивавшимся в стену, а с другой — околошейным железным охватом с петлями, в которые продевался замок». Бывали «железа» весом до четырех и даже до шести пудов.

Лицам, которые произносили «важные и непристойные слова», вкладывали в рот кляп. «А если паче чаяния, — говорила инструкция, — оный колодник станет произносить важные и непристойные слова, то класть ему в рот кляп и вынимать, когда пища будет давана, а что произнесет он в это время, то все сполна записывать, и, содержа секретно, писать о том»¹. В практике западноевропейской инквизиции кляп также был широко распространен. Испанская, например, инквизиция очень часто употребляла его. Там он был из железа, имел форму груши и мог механически раздвигаться. Когда его клали в рот, то раздвигали до нужных размеров и затем закрывали механизм. Кляп русской инквизиции был более прост по конструкции. Он был из дерева и имел форму четырехгранного усеченного клина. Эту деревяшку вкладывали в рот скованному по рукам и ногам узнику и вынимали лишь на время принятия им пищи.

Более мучительной пыткой были так называемые «монастырские четки». На шею надевали особую рогатку, к которой была прикреплена цепь с огромным обрубком дерева, так называемым «стулом». Это орудие пытки сильно мешало узнику стоять, сидеть и спать. В некоторых монастырских тюрьмах такие рогатки были довольно сложны. Они имели форму железного обруча, который надевался вокруг головы и замыкался с помощью двух цепей под подбородком. К этому обручу перпендикулярно приделано было несколько длинных железных щитов. Рогатка, таким образом, не позволяла узнику ни сесть, ни лечь, и ему оставалось спать стоя.

Но эти пытки были только «цветиками».

К «великим грешникам» применяли особо утонченные, бесчеловечные пытки. Их морили голодом, томили жаждой, удушали дымом, замораживали, жгли огнем и делали «стряски» на дыбе. Словом, здесь снова в правильной и

¹ М. Колчин, ук. соч., стр. 36.

беспрерывной череде повторялось все то, что узники уже пережили во время допроса и суда. После таких пыток очень часто бывали смертные случаи. Особенно жестоко и неустанно пытали лиц, заточенных «за общение с нечистой силой». В Соловецком монастыре смертные случаи от жестоких пыток сделались в конце XVII в. столь многочисленны и часты, что епископ холмогорский Афанасий вынужден был писать настоятелю монастыря Фирсу, чтоб «ни монахов, ни мирских людей граждански отнюдь не пытать, в хомут не класть, кнутом не бить, застенки не творить и падыбу не поднимать, и стрясок не давать, огнем не жечь и водою не пытать и голодом не морить и мразом мучительно не томить»¹.

Относительно церемоний, сопровождавших огненную казнь волшебников и еретиков, сведения наши весьма скудны. Несомненно, однако, что подобным казням во все времена придавали в России особенно торжественный и публичный характер, как это делала и западноевропейская инквизиция. Это вытекало из самого существа инквизиционных костров.

Для массы верующих это была, если хотите, наглядная картина страшного суда.

Главный инквизитор Арагонского королевства Николай Эймерик (1320—1399 гг.), написавший руководство для инквизиторов, ясно выразил такой взгляд на огненную казнь еретиков: «Это зрелище, — писал он, — представляет потрясающую картину страшного суда... Такой ужас и такие чувства должны быть внушаемы верующим. Они приносят величайшую пользу».

Такой же взгляд на сожжение еретиков разделяла и русская православная церковь. В этих видах огненные казни устраивались постоянно на больших площадях в центре города, чтобы наибольшее количество верующих имело возможность увидеть этот инквизиционный акт. По большей части казни приурочивались к воскресным и праздничным дням, а также к последним дням страстной недели перед пасхой, и о таких казнях заранее широко оповещалось все население.

Законодательные памятники эпохи царя Алексея Михайловича знакомят нас с некоторыми обрядностями, которые сопутствовали исполнению приговора. Законы предписы-

¹ Рукопись Соловецкой библиотеки, № 20, стр. 428, 439—522. Цитата в сборнике «Древняя и новая Россия». 1878. Т. II. Стр. 303—304.

вают сажать приговоренных к казни на шесть недель в так называемую «покаянную избу», где они должны были принести покаяние и подготовиться к смерти. Затем покаянный срок был уменьшен до десяти дней, из которых семь назначались для поста, два дня на исповедь и причастие, а на десятый день наступало исполнение приговора.

В назначенный день обреченные жертвы в сопровождении духовенства и военной команды шли к месту казни в посконных длинных рубахах, босые, с цепями на руках и ногах, женщины с распущенными волосами, держа в руках зажженные восковые свечи. В Москве казнь происходила на Красной площади, причем процессия с осужденными выходила из Кремля через Спасские ворота. Посреди площади был уже приготовлен сруб. Он представлял собой небольшую квадратную, срубленную из бревен постройку без пола и крыши. Сруб обкладывали соломой, смолой и другими горючими веществами. Осужденных ставили на высоком помосте вровень со срубом и читали во всеуслышание приговор. Потом, если волшебник или еретик приносил покаяние, то, став на колени, он должен был прочесть вслух покаянную молитву, нарочно для того составленную. Вероятно, за этой молитвой следовало краткое поучение одного из духовных лиц, обращенное к собравшемуся народу. Затем обреченные жертвы сталкивались палачом в сруб, и, по знаку царя или знатного придворного, а в провинциях — высшего представителя власти, палач поджигал солому, и сруб сгорал вместе с осужденным. На основании некоторых известий можно думать, что в момент сожжения духовенство пело похоронные песнопения, молясь о душе казненного. Пепел его развеивали по ветру, «чтоб отнюдь знаков и костей не было». Вместе с осужденными предавались сожжению и их «богомерзкие» тетрадки, заговорные письма, коренья, прокламации, рукописи и пр.

Однако строго установленного ритуала сожжения в России не было. Иногда волшебников и еретиков сжигали в деревянных клетках прямо на костре. По словам одной раскольничьей рукописи два раскольника Петр и Евдоким были сожжены в Москве в раскаленном до-красна котле¹.

В эпоху Петра I русская инквизиция применяла утонченный вид казни — сожжение на медленном огне и так называемое «копчение огнем». Немецкий придворный Берхгольц,

¹ Б. Грескулов, ук. соч., стр. 33.

привезавший в Россию в 1721—1725 гг., знакомит нас с первым видом сожжения, описывая ауто-да-фе одного «богохульника», который во время богослужения палкой выбил икону из рук епископа: «Его поставили на костер, сложенный из разных горючих веществ, и железными цепями привязали к устроенному на нем столбу с поперечной на правой стороне планкой, к которой прикрепили толстой железной проволокой и потом плотно обвили насмоленным холстом руку вместе с палкой, служившей орудием преступления. Сперва зажгли эту правую руку и дали ей одной гореть до тех пор, пока огонь не стал захватывать далее и князь-кесарь — вместе с другими вельможами, присутствовавшими при казни, не приказали поджечь костра. При таком страшном мучении преступник не испустил ни одного крика и оставался с совершенно спокойным лицом, хотя рука его горела одна минут семь или восемь, пока, наконец, не зажгли всего возвышения. Он неустрашимо смотрел все это время на пылавшую свою руку и только отвернулся в другую сторону, когда дым уж очень стал есть ему глаза и у него начали гореть волосы. Меня уверяли, что за несколько лет перед тем брат этого человека был сожжен почти таким же образом»¹.

Еще более мучительной была казнь путем «копчения на огне». Такой казни были подвергнуты в 1701 г. некий Григорий Талицкий и его сообщник Савин, а в 1722 г. служилый человек Левин. Талицкий распространял в народе «безденежно» тетради, в которых, «антихристом ругаясь, писал великого государя; народам от него, государя, отступати велел», советовал не платить податей и призывал стрельцов, собравшись, идти на Москву. Он был судим, как раскольник и «богохульник». Обоих осужденных, Талицкого и Савина, по свидетельству иностранца Штраленберга, в течение восьми часов окуривали едким составом, от которого у них все вылезли волосы на голове и бороде и все тело медленно таяло, как воск; в конце-концов, их истаявшие тела были сожжены вместе с эшафотом. «Богохульников» сожгли, не взирая на то, что они покалялись. В синодском указе 1722 г. по этому поводу открыто сказано, что Талицкий во время «казни, копчением творимой, не стерпя того, покалялся»².

¹ «Дневник камер-юнкера Берхгольца». Ч. II. М. 1861. Стр. 283—284.

² Н. Загоскин — Очерк истории смертной казни в России. Казань. 1892. Стр. 57.

ИНКВИЗИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ НАСАЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА

Христианская церковь считает все другие религии дьявольскими, погаными, языческими, чем оправдывалась во все времена насильственная христианизация всех покоряемых и порабощаемых народов. В глазах верующих эта христианизация получала высокое название «спасения неверных от сетей дьявола» и «просвещения» их «светом истинного учения Христа». На самом же деле она была в руках господствующих классов орудием для колониальных захватов, средством для покорения и порабощения национальных меньшинств.

Так король франков Карл Великий (768—814 гг.) обращал в христианство славян, фризов и саксонцев при помощи огненных казней и меча, так норвежский король Олаф Тригвассон в 995—999 гг. крестил Норвегию, так рыцари-монахи «просвещали» Лифляндию, Эстляндию и Пруссию, так за Пиренеями испанская инквизиция обращала в христианство евреев и мусульман.

Доминиканский орден, взявши инквизицию в свои руки, включил в программу своей деятельности не только борьбу с еретиками, но и «спасение неверных» путем порабощения и физического искоренения их. Недаром герб этого ордена изображал разъяренную собаку с горящим факелом во рту. Меч и зарево костров, кровь и лютую ярость приносили они в страну «неверных» с собой.

Строго дисциплинированная и крепко спаянная единой общей целью армия доминиканцев постепенно проникла в Переднюю и Центральную Азию, Тибет, Японию, Китай, а также в Северную Африку, Персию, Индию, даже в Гренландию, стремясь подчинить папству весь мир и насаждая повсюду католицизм. В эпоху великих географических открытий (конец XV в.) они шли впереди испанских и португальских конквистадоров и помогали им в колониальном грабеже, порабощении и массовом истреблении туземного населения Америки.

Сменившие доминиканцев с половины XVI в. иезуиты деятельно продолжали работу их. Став во главе инквизиции, они явились проводниками колониальной эксплуатации и применяли старую практику просвещения и спасения людей огнем и мечом, лишь более изощривши ее. Уже в XVI в. их деятельность в этом отношении приняла широкий размах. Они проникли во все уголки мира. Тысячами насильственно крестили они туземцев, не понимавших даже языка

проповедуемой им религии, но **видевших ясно, что выбора им нет: или крещение или насильственная смерть.**

Русская православная церковь с момента ее возникновения в Киевской Руси действовала как важнейший оплот укрепления феодального господства киевских, владимирских и московских князей. Высокая идея «спасения неверных» была в ее руках прекрасным средством для прикрытия и оправдания колониальных захватов, для порабощения народов и национального угнетения их.

История распространения христианства в России идет рука об руку с историей русского колонизаторства и подчинения народов огнем и мечом.

Первые христианские князья с огнем и мечом проходили по землям туземных финских племен. В 1055 г. новгородский посадник Остромир ходил с новгородцами на чудь и овладел там городом Осек Декипив, т. е. Солнечная гора, много народу сжег и перебил. В 1060 г. великий князь Изяслав ходил на сосолов и заставил их платить дань. Но скоро они восстали, выгнали сборщиков дани и угрожали самому Пскову. Псковичи и новгородцы подавили это восстание, и сосолов пало бесчисленное множество¹. В 1130 г. великий князь Мстислав посылал на чудь своих сыновей Всеволода, Изяслава и Ростислава. Летописец подробно говорит, чем окончился этот поход. Чудь перебили, дома их пожгли, жен и детей привели домой². В 1191 г. новгородцы ходили на ямь, землю ее разорили, много селений сожгли и перебили весь скот. В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович снова ходил с новгородцами на ямь и привел бесчисленное множество пленных.

Первый рассказ о походе в мордовские земли относится ко времени князя Мстислава. Мстислав с 14 000 войска пошел на Ибрагимов городок, сжег этот город, а жителей перебил. В 1221 г. великий князь Юрий заложил на земле мордвы пограничную крепость — Нижний-Новгород. В 1226—1228 гг. из этой крепости Юрий посылал свою дружину на мордву. Они «разорили много селений, взяли бесчисленный полон и возвратились домой с победою великою».

Под 1229 и 1232 гг. летописец снова говорит о походе на мордву владимирского князя с князьями рязанским и муромским. Тогда «русские пожгли неприятельские села и

¹ Соловьев — История России. Т. II. Стр. 311—312.

² Там же, стр. 365.

перебили мордвы много». Через 145 лет мордва все еще упорно сопротивлялась порабощению. В 1377 г. московский князь посылал на мордву свою дружину под начальством воеводы Федора Андреевича Свибла. Русские, по выражению летописи, «землю их всю пусту сотвориша», селения были разграблены и сожжены, часть жителей истреблена, а часть взята в плен. В Нижнем-Новгороде пленников — мужчин, женщин и детей — «выводили на Волгу, волочили по льду и травили псами».

В середине XV в. московские князья окончательно поработили мордовский народ. Тогда начинаются походы на племя мари, или «черемисов».

В 1468 г. войска великого князя Ивана III «вошли к черемисам и выжгли всю землю их до тла, людей перебили, других взяли в плен, иных сожгли, имение все побрали, скот, который нельзя было увести, перебили»¹.

Одновременно происходили насильственная христианизация покоряемых народов и отчаянная их борьба с непрощенными «просветителями». Упорно и ожесточенно сопротивлялись христианизации разоряемые и порабощаемые народы, и даже огонь и меч новых пришельцев часто не мог принудить их к принятию христианства. Восстания против христианских епископов и проповедников, часто под руководством волхвов, вспыхивали непрерывно то там, то тут. Первые ростовские епископы Федор и Илларион вынуждены были бежать от ярости восставших, вызванной их насильственными методами обращения в христианство. То же самое происходило и во многих других местах.

Несмотря, однако, на эти восстания, насильственная христианизация продолжалась при поддержке княжеских военных отрядов. Монахи продвигались на север вместе с княжескими дружинами и при поддержке их насаждали там новую веру.

В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович огнем и мечом принуждает креститься множество карел.

В XIII—XIV вв. новгородские выходцы-колонизаторы утверждают свои владения в Вятском крае и становятся первыми руссификаторами его. Грамота митрополита Ионы вятскому духовенству от 1452 г. ярко характеризует этих колонизаторов и их поведение в порабощаемых краях: «и ныне воевали есте великого князя вотчину Сысолу и Вым и Вычегду, да людей есте православного христианства

¹ Соловьев — История России. Т. II. Стр. 1413.

много перемучили, переморили, а иных в воду пометали, а иных в избы и хоромы насаживая, мужей, старцев и малых деток бесчисленно пожигали, а иным очи выжигали, а иных младенцев, на кол сажая, умертвляли»¹.

Со второй половины XVI в., после завоевания Казанского царства, русская православная церковь начинает и здесь применять методы насильственной христианизации покоренных народов.

Во имя «утверждения христианской веры» шел Иван IV Грозный покорять Казань. Политические и экономические цели завоевания он облекал в религиозную форму. Он шел освободить «бедное христианство, страждущее у бусурман в великих бедах». Отправляясь в поход против Казани, он говорил: «Не могу терпеть погибели христиан, вверенных мне Христом моим; хочу страдати за веру православную и святые церкви и не только до крови, но и до последнего издыхания, до смерти, и Христос, видя несомненную веру мою, освободит нас от всех врагов наших»². С другой стороны, он шел для спасения и просвещения «неверных»: «да познают бога истинного неверные, новые подданные и вместе с нами да славят святую троицу во веки веков».

Очевидно, «для познания бога» по взятии Казани в 1552 г. было предано смерти почти все мужское население. А закончив кровавую резню населения Казани и ее защитников, стали немедленно служить молебны, кропить улицы «святой водой», заручаясь божьей помощью на новые подвиги.

Для христианизации края основан целый ряд монастырей, щедро наделенных вотчинами. Эти монастыри и сделались центрами насильственного распространения христианства в Казанском крае.

Меры, предпринимавшиеся для христианизации населения, были очень разнообразны. Сплошь и рядом встречались методы самого дикого насилия. Так, например, тех, которые не желали креститься, убивали или перевязывали, как скот, и толпами продавали иностранным купцам. Но так как подобные меры вызывали со стороны населения частые открытые восстания, то русское правительство постоянно предписывало местным духовным властям не злоупотреблять своим усердием в спасении неверных душ. В царских инструкциях повелевалось за обращение в хри-

¹ А. И., I, № 261.

² Полн. собр. русс. лет. Т. VI, стр. 311.

стианство обещать новокрещенным освобождение от податей и повинностей на известный срок, давать им деньги, всякого рода подарки, поить их медом и квасом и т. п. Так как подати и повинности были чрезвычайно тяжелы и разорительны для всех покоренных народов, то они часто соблазнялись этими обещаниями и подавали царям свои челобитья, сообщая о намерении «креститься и притти на православную христианскую веру» и прося о льготах и милостях прежде принятия крещения. Однако в большинстве случаев злоупотребления местных служилых людей — воевод, наместников, волостелей — сводили почти на-нет все эти обещания и новокрещенные на деле не имели никаких льгот.

Тем не менее за новокрещенными следили строго. Когда в 1593 г. московское правительство узнало о намерении некоторых крещеных татар оставить христианскую веру, то в Казань была отправлена особая царская грамота с целым рядом распоряжений. В ней предписывалось поручить надзор за новокрещенными татарами и другими народами края особым опытным и благонадежным лицам из отбывших службу боярских детей. Они должны были «беречи того накрепко, чтоб новокрещены христианскую веру держали крепко, к церкви ходили и в домах у себя образы держали и на себе кресты носили и попов в дома свои призывали». Тех татар, чуваш и марийцев, которые не желают креститься, велено было выселять в другие места или «распродать» в качестве крепостных татарским, чувашским и марийским помещикам. Кроме того, велено было понуждать татар, чуваш и марийцев жениться на русских и дочерей выдавать замуж только за русских. Тех же, «которые христианской веры крепко держати и отцов духовных слушати не учнут, тех смирати, в тюрьму сажати, и бити, и в железа и в чеи сажати... чтоб в христианскую веру привести крепко и утвердить, и от татарской бы веры отучить и остращать... Мечети же татарские все посметати и вперед татарам мечетей не ставити и конечно б мечети татарские извести»¹.

В XVII в. насильственная христианизация народов Казанского края шла одновременно с экспроприацией у них земель.

Статьей 42-й XVI главы Уложения царя Алексея Михайловича было постановлено: «У которых татар и у мордвы

¹ Акты Археогр. Экспед., т. I, № 358.

поместные земли русских людей, а платят они с них оброк, и те земли у татар и у мордвы взять и отдать в поместье русским людям». Исключение предоставлялось только крестившимся. «А которые князи и мурзы, и татаровя, и мордва, и чуваша, и черемиса, и вотяки крестились в православную веру и у тех новокрещенов поместных земель не отымать» (ст. 44).

Тем не менее, происходила экспроприация как крестившихся, так и не крестившихся без разбору. Русские помещики захватывали земли и у обратившихся в православную веру, донося московскому правительству, что новокрещенные, хотя и крестились, но «кресты у себя поснимали». А о таких царские указы повелевали разыскивать и по розыску чинить с ними «по указу великих государей и по соборному уложению», т. е. экспроприировать у них земли. В 1681 г. был объявлен именной указ царя Федора Алексеевича об отобрании у некрещенных помещиков и вотчинников всех земель, населенных православными крестьянами. Подьячие и пристава разъезжали по татарским деревням и объявляли татарским помещикам, чтобы они «упорство свое отложили» и крестились. Многие, конечно, обращались в православную веру и становились служилыми людьми Московского государства, чтобы сохранить за собой свои поместья и вотчины. Некоторые же из татарских мурз и князьков решились противодействовать захвату их земель и в 1682 г. снаряжали даже посольство в Константинополь с челобитьем к султану Магомету IV, «чтоб им из-под державы царского величества свободным быть»¹.

В то же время свободные крестьянские массы мордвы, мариюцев и вотяков принуждались к обращению в православную веру под угрозой насильственного их закрепощения. Царским указом 1681 г. свободным мордовским крестьянам предлагалось, чтобы они «крестились все, а как они крестятся, и им во всяких податях дано будет льготы на шесть лет; а буде они креститься не похотят, и им сказать, что они будут отданы в поместья и вотчины некрещеным мурзам и татарам»².

Однако обращение в христианскую веру свободных мариюцев, вотяков и мордвы не давало им на самом деле никаких льгот и не спасало их от закрепощения. Их по-

¹ «Русская старина». 1877. № 9, стр. 28.

² Полн. собр. зак., т. II, № 867.

рабощали и закрепощали одинаково и русские помещики, и монастыри, и татарские мурзы, принявшие крещение. Они, и принявши православие, много терпели от своих угнетателей. В 1681 г. новокрещенные архиерейские крестьяне-вотяки жаловались царю, что за челобитье о многих налогах и обидах, чинимых им архиерейскими управителями, их оковали «в железа», били кнутом, до смерти убили двух, «а ныне многие их братья заточены в железах и сидят в тюрьме»¹.

Подобных жалоб было очень много.

В ответ на насильственную христианизацию, сопровождавшуюся закрепощением и угнетением, народы Волжско-Камского края неоднократно восставали. В продолжение всей второй половины XVII в. тянутся эти восстания, в которых угнетенные и поработанные крестьянские массы татар, башкир, чуваш, марийцев, мордвы, вотяков сражались плечом к плечу с русскими крестьянами против дворянского крепостнического государства. Эти восстания в тех условиях обычно принимали форму религиозного движения, и нередко во главе восставших становилось духовенство, которое в свою очередь разжигало у восставших религиозную нетерпимость к русским. Поэтому во всех этих восстаниях классовый смысл затухевывался, и они принимали характер религиозно-национального движения. Таково, например, огромное восстание башкир в 1704—1706 гг., слившееся с булавинским восстанием. Правительство Петра I жестоко подавило это восстание. Две орды калмыков по 10 000 каждая под начальством стольника Бахметева вторглись в Башкирию, жгли селения, сотнями загоняли башкир в пустые амбары и сжигали их, подвергали самым жестоким казням и пыткам, отрезывали языки, носы и уши, отсекали руки и ноги. Взятые в плен башкиры только под условием принятия христианской веры освобождались от смерти, и многие из них вынуждены были тогда креститься, спасая свою жизнь.

С XVIII в. русская православная церковь с еще большей энергией принялась за насильственную христианизацию покоренных народов. В основных законах Российской империи принципы так называемой «свободы совести» были выражены так: «Свобода веры присвоается не только христианам иностранных вероисповеданий, но и евреям,

¹ Г. Никитников — Иерархия Вятской епархии. Прил. V, стр. 107—126.

магометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят бога всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование российских монархов и моля творца вселенной об умножении благоденствия и укрепления силы империи».

Но в этой тюрьме народов не было никогда и тени какой-либо «свободы совести».

Уже со времени Петра I начинают проводиться самые решительные меры к спасению «неверных» на всем огромном пространстве Российской империи и за отступничество от православия назначаются огненные казни на инквизиционных кострах.

В 1702 г. сибирский митрополит Филофей Лещинский начал огнем и мечом распространять христианство на Тобольском севере среди вогулов и остяков. Сначала деятельность его была неудачна. Березовские остяки в 1707 г. оказали его агентам сильное сопротивление. Но в помощь ему вновь прибывший сибирский губернатор князь М. П. Гагарин дал вооруженные отряды, а Петр I решительно приказал «ехать во всю землю вогульскую и остяцкую... в татары и в тунгусы и в якуты, и в волостях, где окажутся кумиры и кумирни и нечестивые их чтители, пожечь их, а самих вогулов и остяков божьей помощью и своими трудами приводить в христианскую веру с мала до велика». А если кто из остяков и вогулов «учинит противность» и не пожелает креститься, «тем будет казнь смертная». После этого началась кровавая экспедиция Филофея по Иртышу и его притоку Конде, по Оби и ее притокам. С помощью вооруженных отрядов он всюду жег кумирни и насильственно крестил вогулов. Неоднократно происходили кровавые столкновения с агентами Филофея. На них открыто нападали, часто убивали в юртах и вступали с царскими отрядами в бой. Так, в 1715 г. по реке Конде в саягинских юртах вогульский князек Сатыга с 600 вооруженных вогулов вступил в настоящее сражение с христианизаторами. Однако «сила христианства победила», как говорил в своем донесении Филофей. Прибрежные кондонские вогулы вынуждены были креститься в реке. Сам Сатыга, взятый в плен, под угрозой казни исповедал христианскую веру. Так проходил Филофей по всем вогульским и остяцким юртам, крестя всех до «сосущего младенца». Под страхом смертной казни остяки, вогулы и другие сибирские народы должны были отдавать своих богов на сожжение и креститься. Их толпами сгоняли к

рекам, окунали, читали молитвы и раздавали подарки — кресты, иконки, мелкие безделушки, табак и водку. Они не знали еще языка новых просветителей, не понимали их речи и их молитв. Но они видели вокруг себя людей с ружьями, плетями и батогами и понимали, что приносит с собой новый русский бог.

Неоднократно происходили восстания и сибирских народов против христианизаторов. Так, в 1746 г. в Анадыре на почве христианизации вспыхнуло огромное восстание. Сразу поднялись оленные коряки от Акланска до Олюторска, юкагиры по Колымской дороге, тоганацкие и акланские коряки на Охотской и Пенжинской дорогах и олюторцы на Олюторском берегу. К некрещеным пристали и все ранее крещенные во главе с тоеном на Юмчинской реке Стефаном Коллеговым.

Но все восстания беспощадно подавлялись, и меч продолжал прокладывать дорогу новой вере и новому владычеству по всей Западной и Восточной Сибири. Местные же власти открывали широкую торговлю новокрещенными, массами распродавали их православным и неправославным сибирским предпринимателям в холопы.

Столь же энергично происходила в Российской империи и христианизация народов Волжско-Камского края. И здесь параллельно с деятельностью церкви неизменно шла помощь самодержавия, состоявшая в самых разнообразных способах «поощрения неверных» к спасению своих душ через принятие православия. Указом Петра Великого от 3 ноября 1713 г. было повелено, чтобы «басурманы (татары) Казанской и Азовской губернии», имевшие вотчины и поместья, «крестились конечно в полгода», в противном случае они лишались права владеть своими землями. В 1715 г. этот указ был проведен в жизнь. И только в 1727 г., когда дети и внуки татарских помещиков, приняв православие, просили возвратить им земли, конфискованные у отцов и дедов их, на это давалось согласие, но под условием, чтобы в их имениях не было некрещеных крестьян.

За принятие православия крестьянам попрежнему обещались широкие льготы при сборе подушных и других податей, но эти обещания в большинстве случаев не проводились в жизнь. В 1722 г. новокрещенные мариинцы Яранского уезда, Жеребецкой волости, подавали жалобы царю, что они крестились еще в 1704 г., а льгот им никаких нет, с них берут попрежнему: «По твоим императорского величества указам жить на льготе не дано, и ныне платим по

вся годы без доимки и от того платежа мы, рабы твои, оскудели и великими долгами одолжали и пришли во всеконечную нужду». Сенат указал дать им льготу только на три года, тогда как по царскому указу им была обещана льгота на семь лет.

По указу 1740 г. подати за новокрещенных обязаны были платить некрещеные. Ввиду этого каждый случай обращения в православие увеличивал податное бремя оставшихся в старой вере. Положение последних с увеличением числа насильственно крещенных, естественно, сильно ухудшалось. Сборы с них увеличивались и скоро стали превышать обычный податный оклад в несколько раз. Так, в 1749 г. на 148 326 «иноверцев» Казанского края было наложено подати за вторую половину года 79 850 рублей, да на них же пало недоимок за новокрещенных 379 581 рубль. Таким образом, вместо 53 коп. им пришлось платить 3 р. 10 к. с души, почти в шесть раз больше оклада. В дальнейшем недоимки возрастали еще больше. При таких обстоятельствах остававшимся в старой вере крестьянам предстояло одно из двух: или разоряться от непосильного обложения или принимать крещение. Многие спасались бегством и скрывались в лесах, чтобы избежать насильственного крещения и не платить непосильных податей.

Положение крестьянского населения стало совершенно невыносимым с 1740 г., когда начала действовать основанная при Свияжском монастыре специальная «новокрещенская контора». Она была учреждена «для умножения христианского закона среди казанских и нижегородских мусульман и язычников и для вящего утверждения в вере новокрещенных иноверцев». Во главе ее стоял знаменитый инквизитор порабощенных народов, архимандрит Димитрий Сеченов. Ему дан был царский указ действовать «по образу апостольской проповеди, со всяким смирением, тихостью и кротостью, без всякого кичения, угрожения же и страха» и «ежели которые креститься не пожелают, таковым принуждения к крещению отнюдь не чинить»¹.

Однако время деятельности этой «новокрещенской конторы», с 1740 по 1763 г., было временем неслыханного разгула насильников от православия, проводников национального угнетения под видом «спасения неверных душ». Уже в 1742 г. Димитрий Сеченов доносил синоду: «В прошлом 1741 году в Казанской и Нижегородской губерниях разных

¹ Полн. собр. зак., № 8236, п. 3.

иноверцев целыми деревнями и всеми уездами и сотнями, как мужеск. так и женск пол, все до единого святым крещением просветились»¹. Только за первые два года существования «новокрещенской конторы» подверглось принудительному обращению в православие 17 362 человека. Кроме того, назначенный в 1742 г. епископом в Нижний-Новгород Димитрий Сеченов в течение четырех лет только в одной Нижегородской губернии принудительно крестил 30 000 человек. А его ближайший помощник член «новокрещенской конторы» Борис Ярцев только за 9 месяцев обратил в 1742—1743 гг. 10 000 человек.

Многочисленные жалобы крестьян на этих просветителей показывают нам, какие методы практиковали они.

Мордовские крестьяне жаловались на Димитрия Сеченова, что он, принуждая их креститься, держал многих в колодах и кандалах, бил мучительно, смертно; многих в купель окунал, связанных и избитых, и на связанных же надевал кресты. Кладбища и моленные дома пожег, а дома их разорил, отчего многие разбежались и живут в лесах, оставшиеся же «пришли в конечное разорение»².

Подьячие и рассыльщики воеводских канцелярий вместе с церковниками разъезжали по вотяцким селам и всяческими истязаниями принуждали креститься. В 1747 г. вотяки трех обществ в жалобе, поданной царице Елизавете, писали: «Приезжали к нам, нижайшим, из Слободской воеводской канцелярии подьячий Афанасий Пупышев с рассыльщиком Федором Жвйковым, со священником Петром и с дьяконом... и сказывали, якобы по указу вашего императорского величества повелено нас крестить в веру греческого исповедания неволею... и вышеписанный Пупышев со священником и дьяконом велел рассыльщикам нас бить плетью и мучил до смерти нас, так наших жен и детей». Новокрещенный деревни Пешкетской Федор Золотарев на допросе по поводу этой жалобы показал: не желая креститься, он бегал и жил в лесу; без него к ним в деревню приехали рассыльщики... связали жен двух его братьев, стегали их плетью, увезли в деревню Елагинскую и держали под караулом сутки и взяли с них денег 1 р. 15 к. и отпустили в дом, причем говорили: «Посылайте-де их креститься, а то если увидим вас некрещеными, будем вас и их бить». Крестьянин деревни Полской Максим Возисов

¹ «Правосл. обозр.», 1863, ноябрь. Стр. 218.

² Соловьев — Ист. России. Кн. XXII. М. 1872. Стр. 28.

говорил, что, не желая креститься, он бегал и жил в лесу недели две: когда пришел домой, то явился рассыльщик и начал посылать креститься; когда же он, Максим, отказывался, то рассыльщик отстегал его плетью трижды и увел к реке насильно, где протопоп его и окрестил.

Крестьянин деревни Елагинской Максим Будин показал, что, когда он был болен и лежал в постели, пришел к нему в дом подьячий Афанасий Пупышев с товарищами и стал принуждать его креститься. После его отказа «Пупышев, взяв его за волосы, с постели сдернул и ударил о пол и, увезя голову его меж ноги, с рассыльщиком Федором Жуйковым стегали его в четыре плети, и стегая, Пупышев говорил: «Крестись, крестись», на что он ему говорил, что креститься не хочет. После этого его связали и снова начали истязать. В то время дьякон Иван Мышкин взял его и, держа, бранил, и бил его по щекам неоднократно, приговаривая: крестись, крестись; а протопоп Петр, сидя на лавке, дьякону говорил: когда-де он не крестится, бей горло. Дьякон еще его, Максима, по щекам бил и не мог он тех побоев терпеть, пошел к реке креститься, и крестился, а потом и семейство велел крестить».

Вообще из допросов выяснилась картина массовых истязаний многих людей: их стегали плетью, били дубинами, батогами, привязывали к лошалям, сажали под караул и «мучили смертельно», принуждая креститься¹.

Таких документов о подвигах ревнителей русского православия можно привести много. Но не все они будут походить один на другой. Ревизовавший Казанскую губернию подполковник Свечин о действиях «новокрещенской конторы» докладывал Екатерине II в 1765 г.: «Оные проповедники и помощники, ездя по новокрещенским жителям, тех, кои еще и поныне не крестились, не чрез проповедь слова божьего оных приводили в закон, но совершенным разорением, а именно: окны и двери рубили, печи и трубы ломали, били плетью без всякого милосердия и сему подобные дела делали... Оные ж проповедники, бывая у новокрещенов в посты, делают розыски, не едят ли мяса и, осматривая по клетям, все, что **есть**, забирают: начатые крынки с маслом, ветчину, вареное мясо и прочее. А если ничего не находили подозрительного, то принуждали пить рвотный напиток — воду с табаком и после, когда

¹ П. Луппов — Христианство у вотяков. Вятка. 1901. Стр. 160 и далее, также в приложении № XXVI.

вырвет, хотя мало что приметить могут, уже не принимая никакого оправдания, яко от избобленного, устраивают, бив без всякого милосердия»¹.

Люди решались на самоубийства, на массовые самосожжения, чтобы только избавиться от постоянных наблюдений, наездов, розысков и мучений инквизиторов.

В 1743 г. мордва восьми деревень Терюшевской волости подала прошение своему владельцу, грузинскому царевичу Баккару Вахтингеевичу: «А мы... сироты ваши, христианской веры принять не можем и желаем быть в своей старой мордовской вере попрежнему... А ежели, паче чаяния, нас, сирот ваших, будут принуждать к крещению неволею, то мы... оставя дома свои, будем бегать и укрываться по лесам и по другим местам, как напредь дедов и отцов и сродников наших к крещению приводили, отчего они, дома свои оставя, разбежались... також и ныне дома свои и пожитки зажигать будут и сами собрався семьями пожгутся или всякими виды себя к смерти приводить будут, которые образцы и являются и крестившиеся из-под неволи в Арзамасском уезде предали себя давлению»².

Разжигаемый мутлами, ахунами и другими служителями культов религиозный фанатизм в результате невероятных насилий православных инквизиторов выливался иногда в дикую ненависть ко всему, что называлось русским. В 1748 г. казанские татары задумали даже произвести поголовную резню всех русских «до малого ребенка» сначала в Казани, а потом и в селах Казанской губернии, чтобы «тем погубленьем избыть крещения и несносного платежа»³.

Церковь в своих сказаниях и «житиях» не постеснялась окружать чудесами насильственные обращения «неверных» в христианство. Кровавые деяния многочисленных «просветителей инородцев» — таких, как Стефан пермский, Трифон вятский, Гурий казанский, Софроний иркутский, Филофей тобольский и т. д., — она прикрыла бесчисленными легендами о божьей помощи им и заставляла верующих поклоняться этим «святым инквизиторам» как «великим угодникам божьим», «скорым заступникам народа христианского».

Правда, со второй половины XVIII в. русская православ-

¹ П. Луппов — ук. соч. Приложение XII, стр. 75—81.

² Мордва Татарской Республики. Материалы по изучению Татарстана. Вып. II. Казань. 1925. Стр. 186—187.

³ И. И. Неплюев — Оренбургский край в прежнем его состоянии до 1758 г. Вып. 5. Казань. 1897. Стр. 845.

ная церковь стала изменять методы христианизации порабощенных народов и вместо грубых и насильственных начал практиковать «культурные» и «угонченные». Но не исчезали совершенно и старые методы. Насаждая христианство и способствуя руссификации, православные миссионеры продолжали хранить веками освященные традиции. По-прежнему брали у татар их маленьких детей и крестили против воли родителей. По-прежнему скрытых от крещения детей и жен бурят царская полиция, по спискам миссионеров, сгоняла в одно место для насильственного крещения. По-прежнему тех, которые не желали принять православие, миссионеры крестили при помощи полицейских чиновников и солдат.

Особенно жестоко карало царское правительство возвращение новокрещенных в старую веру. За переход из православия в иную веру или за так называемое «сворачивание иноверцем православного» еще Уложение царя Алексея Михайловича решительно определяло сожжение на костре. «А будет кого бусурман какими-нибудь мерами, насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия. А кого он русского человека обусурманит, и того русского человека отослать к патриарху и велеть ему учинить указ по правилам св. апостол и св. отец»¹, т. е., другими словами, после пыток последний как «богоотступник» также подлежал сожжению. Но иногда смертная казнь могла заменяться и заточением в монастырскую тюрьму, где нераскаявшегося богоотступника ждала также верная смерть.

В XVII в., во время неоднократных восстаний порабощенных марийцев, башкир, чуваш, татар и др., все новокрещенные мусульмане, приставшие к повстанцам, объявлялись богоотступниками и при подавлении восстаний массами загонялись в избы и амбары и сжигались там усмирителями. Иногда мятежные новокрещенцы сжигались даже целыми деревнями вместе с женами и детьми.

В эпоху Российской империи статья Уложения о сожжении богоотступников неоднократно подтверждалась, что свидетельствовало о ее широком применении в инквизиционной практике того времени. Так, при Петре II в изданном в 1730 г. «Наказе губернаторам и воеводам» сказано,

¹ Уложение. Гл. XXII, ст. 24.

между прочим: «Понеже в Российской империи многие подданные обретаются иноверцы, а именно: мордва, чуваш, черемиса, остяки, вотяки, лопари и иные им подобные, из которых народов не без известно есть, что магометане превращают в свою веру и обрезавают, чего губернатору и воеводе накрепко смотреть, и отнюдь до того не допускать. А ежели явятся такие магометане или другие иноверцы, которые тайно или явно кого из российских народов в свою веру превратят и обрежут, таких брать и разыскивать, и по розыску чинить указ по Уложению, а именно: казнить смертью, сжечь без всякого милосердия»¹.

Именно на основании этого указа был сожжен живьем в 1738 г. новокрещенный башкир Тойгильда Жуляков. Он после восстания башкир в 1734 г., спасая жизнь свою, принужден был креститься, но затем оставил православие и перешел опять в мусульманство. Русское духовенство довело о том до сведения управляющего Оренбургским краем Татищева. И тот приказал арестовать Тойгильду со всем семейством и отправить в Екатеринбург к майору Угрюмову. В то же время Татищев написал Угрюмову приказ: «Татарина Тойгильду за то, что крестясь, принял паки магометанский закон, на страх другим, при собрании всех крещеных татар, сжечь, а жен и детей его, собрав, выслать в русские города для раздачи; из оных двух прислать ко мне в Самару».

20 апреля 1738 г. Тойгильда был сожжен в присутствии всех находившихся в Екатеринбурге крещеных башкир.

Детей Тойгильды, привезенных с ним, Якшигула — 16 лет — и Якшимбая — 12 лет — отправили после казни Татищеву в холопы. Через два дня был привезен в Екатеринбург и третий сын сожженного, четырнадцатилетний кутлумбай. Он со страху убежал по дороге, но его поймали в лесу. О нем было решено: «Башкиренка, приняв, за убега наказать розгами, и до отсылки... в русские города отдать с роспиской, кто взять пожелает. Буде же ко взятью охотников не будет, держать под караулом, а пропитание иметь милостыней. И для отдачи в Руси охотникам отослать его на судне в Казань»².

В 1740 г. был сожжен другой «богоотступник», казак Исаев. Крещенный насильно со своей женой, он во время восстания башкир бежал и примкнул к восставшим. Скоро

¹ Полн. собр. зак., № 5333.

² «Русская старина». 1878. № 10, стр. 310—312.

он попался в руки усмирителей и под пытками показал, что был крещен, но оставил христианскую веру. О нем последовал указ: «Понеже... казак Исаев, крестясь в веру греческого исповедания и быв в солдатах, бежал и обусурманился и во время башкирского бунта был в сообщении при главных ворах башкирцах... того ради надлежит оного Исаева, за показанные тяжчайшие его вины... казнить смертью в Санкт-Петербурге»¹.

Позднее, когда прекратилась практика инквизиционных костров, за отпадение от православия новокрещенных наказывали все же сурово и беспощадно. Если даже они обращались с одной только просьбой о дозволении снова возвратиться в старую веру, их считали преступниками, били плетью и ссылали в Сибирь или в отдаленные от их местожительства монастыри «для раскаяния и искоренения в них упорства». А на местах увещатели-миссионеры обоезжали отпавшие приходы вместе с исправником, который распоряжался пороть всех без исключения для поощрения колебавшихся отступников «возвратиться наки в недра святой церкви».

Принуждение к принятию господствующей православной религии путем кровавых насилий испытывали на себе не только мусульмане и «язычники», вошедшие в состав России. Инквизиционные методы насаждения «истинной веры» господствующая церковь при поддержке царизма широко практиковала вообще ко всем так называемым «иноверцам». Поляки, литовцы, немцы, армяне, евреи — все одинаково испытывали на себе тяжелую руку воинствующего православия.

Когда в 1563 г. русские войска взяли Полоцк, Иван IV Грозный велел всех евреев с семьями, по словам летописца, «в воду речную вмести и всех утопили их». Только немногие, принявшие православие, были пощажены. Потоплено было и много католиков. Такая же судьба постигла евреев других завоеванных городов. Иностранец Петр Петрей де Эрлезунд, поывавший в 1611 г. в России, сообщает об Иване IV Грозном: «Евреев, которые не хотели креститься и исповедывать Христа, их он либо сожигал живьем, либо вешал и бросал в воду»².

Англичанин Джером Торсей, проживавший в Москве с 1572 по 1591 гг., сообщает, что при покорении Ливонии

¹ Полн. собр. зак. Т. XI, № 8125.

² «Чтения в общ. ист. и древн.» 1866. Кн. I. Отд. 4. Стр. 165.

немцев и других «неверных» топили, привязывали к столбам и жгли, не щадя женщин и детей¹. После завоевания в 1654 г. Могилева евреи в городе были изменнически умерщвлены. Только немногие, не успевшие выйти из города евреи согласились креститься, чтобы спасти себя от смерти². Путешественник Павел Дьякон рассказывает, что при царе Алексее Михайловиче евреев, отказавшихся в Смоленске принять христианство, запирали в дома и сжигали³.

Пленных литовцев, поляков, евреев заключали в монастырские тюрьмы, морили голодом, чтобы они приняли православие. Многие погибали, но голод порой заставлял некоторых принимать православие, что влекло за собой освобождение из тюрьмы. В 1660 г. один поляк писал: «Сию в Путивле в тюрьме другой год, бесприютен, помираю голодной смертью, а ныне я хочу креститься в православную хрестыанскую веру... царь, пожалуй меня, иноземца, вели меня в православную веру крестить»⁴. Имеются также известия о военнопленных евреях, родом из Витебска, томившихся вместе с поляками в Казани и насильно обращенных в христианство⁵.

В 1689 г., по ходатайству патриарха Иоакима, были сожжены в Москве немцы Квирин Кульман и Кондратий Нордерман как «неверные-еретики». Правда, в этом инквизиционном акте выявилось тесное единодушие и православия и католической и лютеранской церковей по отношению к еретикам. Квирин Кульман увлекся мистицизмом и вообразил себя пророком, который призван проповедывать о близком «падении Вавилона» и наступлении «иезуелитского царства». Переводчики посольского приказа, ознакомившись с найденными у Кульмана книгами, заметили, что Кульман и Нордерман — квакеры и сравнили их с раскольниками. Они нашли, что книги «еретические, противные христианской вере и дела в них написаны проклятые». Иезуиты и лютеранские пасторы также признали, что книги «безумные, злоплевельные и ложные суть, святому писанию зело противные и чину духовному зело бесчестны и смутительны».

В письме матери Кульмана сохранились подробности об

¹ «Русское прошлое». Кн. 2, стр. 55.

² Археографич. сборник. Т. II, прил., стр. XIII—XIV.

³ Е. Грекулов, ук. соч., стр. 34.

⁴ Сборник «Русского историч. общества». Т. 137, стр. 727.

⁵ Акты Виленской археографической комиссии. Т. V, стр. 173.

их последних минутах жизни: «3 сентября вечером им сказали, чтобы они приготовились: завтра утром они будут освобождены. Но на следующий день в одиннадцать часов утра их, как ложных пророков, вывели из заключения на обширную городскую площадь, где уже приготовлен был из смоляных бочек и соломы небольшой домик¹. И когда этих невинных людей повели на смерть и не было никого, кто подал бы им утешение и не хотели дать им отсрочки, они оба остановились и стали молиться... И оба тотчас же преданы были огню»².

В Новгород, Псков, Смоленск и Киев были отправлены воеводам царские грамоты, в которых доводилось до сведения, что «вор и богоотступник иноземец Квирин Кульман... за то его воровство с книгами и письмами богомерзкими сожжен». Затем следовали строгие распоряжения задерживать на границе всех приезжающих иностранцев, допрашивать их «накрепко» и делать сыск, с какой целью и к кому едут, а после допросов доводить обо всем до сведения царей. Все это делалось под прямым влиянием патриарха Иоакима, который в каждом иностранце, прибывшем в Московское государство, видел «злобожника» и еретика.

В эпоху Российской империи эта инквизиционная политика начала по преимуществу направлять свои удары на еврейский народ, чему способствовали обстоятельства чисто экономического порядка. После присоединения Украины и западных белорусских областей, а затем после раздела Польши в 1772 г. многочисленная часть еврейского населения этих местностей перешла в российское подданство. Вместе с этим на почве экономической конкуренции началась борьба между русскими и еврейскими торговыми слоями. Увидя в еврее-купце и мелком лавочнике своего конкурента, русские купцы и лавочники стали принимать все меры к тому, чтобы добиться ограничения торговых прав евреев и устранить их со своего пути. Знамя борьбы против «неверных», за «истинную веру христову» сделалось в данном случае удобным орудием для расправы с конкурентами.

Уже во второй половине XVII в. ректор Киевского духовного коллегиума Иоаникий Галятовский отражал эти

¹ Т. е. сруб, обложенный соломой и смоляными бочками.

² Н. Тихонравов — Квирин Кульман. «Русский вестник», 1867. № 12, стр. 592—593.

торговые интересы мелкопоместного дворянина, купца и лавочника в своих полемических сочинениях против евреев. В них дышит злобный дух беспощадного инквизитора, фанатика-пропагандиста, с нетерпимой ненавистью взывающего к огню и мечу для искоренения «неверных». Он иступленно взывает о мести, о крови, о муках евреям и требует их изгнания и искоренения, возводя свои звериные желания в заповедь божьей воли. Свою книгу «Мессия правдивый» он посвящает самому царю. «Мы, христиане, — пишет он здесь, — должны ниспровергать и сжигать жидовские божницы, в которых вы хулите бога, мы должны у вас отнимать синагоги и обращать их в церкви; мы должны вас, как врагов Христа и христиан, изгонять из наших городов, из всех государств, убивать вас мечом, топить в реках и губить различного рода смертями»¹.

Эта погромная, антисемитская агитация падала на благоприятную почву экономического соперничества и приносила свои плоды.

В 1772 г. два смоленских мещанина-откупщика, враждебно настроенные к еврейским конкурентам, по наущению смоленского епископа Филофея, подали в синод клеветническую жалобу на одного еврея-откупщика по имени Борох Лейбов. В этой жалобе говорилось, что евреи «размножились в Смоленской губернии, старозаконием своим чинят в простом народе смуты и прельщения, выхваляя свою веру и порицая благочестивую, а также превращая в жидовство... продавая нечистые кушанья, оскверненные мышами и не освященные молитвою». В частности против Бороха Лейбова выдвигались обвинения, что он построил синагогу близ церкви и в ней «ругается нашей христианской вере и бусурманскую веру свою отправляет... священника бил смертно и голову испроломил и, оковав, держал в железах и от того жидова мучения священник одержим был болезнью и, не освободясь от нее, умер»².

Получив жалобу, синод немедленно приказал разорить до основания построенную еврейскую школу, а все имущество и все книги, в ней находящиеся, «сжечь без остатку»; смоленскому же архиерею Филофею поручил произвести следствие по делу Бороха Лейбова.

Кроме того, синод вынес чисто инквизиционное поста-

¹ Костомаров — Русская история в жизнеописаниях. 2-е изд. Т. II, стр. 365.

² Сб. «Пережитое». II. СПб. 1910. Приложение, стр. 3—4.

новление, потребовав немедленного изгнания из России всех евреев¹.

Для производства следствия смоленский архиерей Филофей назначил двух «духовных инквизиторов», под пером которых «преступления» Бороха Лейбова еще более возросли. «Инквизиторы» уже явно домогались огненной казни ни в чем не повинного человека. В этих видах в своем донесении они нанизывают на голову несчастного еврея одно преступление за другим. Он не только-де «бесчеловечно замучил священника Авраама», но вместе с женой «совершили и многие другие пакости, как то: служившую у них крестьянскую девушку Матрену Емельянову в субботу против богоявления господня, связавши ей руки и ноги и повеся за переводной брус, держали в таком положении с вечера до утреннего звона, и, завесивши ей голову, булавами и иглами испущали из нее руду (кровь) и освободили ее только тогда, когда на крики ее пришел мещанин села Зверовичи Никифор Петров; продавали православному простому народу мертвечину или мясо издохших коров» и т. п.².

Дело было направлено в синод. Синод требовал сожжения «злобожного нечестивца». Но дело тянулось до самого 1737 г., когда против Бороха Лейбова инквизиторы сумели выдвинуть еще более тяжкое обвинение, приведшее его на инквизиционный костер. Его обвинили в том, что он совершил в еврейскую веру проживавшего в Москве отставного флотского капитана Возницына, который отступился от православия и хулил церковь. Синод добился на этот раз передачи дела в Тайную канцелярию, где после мучительных пыток в застенке Возницын «признался» в своем отступничестве и принятии им еврейской веры, а Борох Лейбов — в мнимом совращении его. Обоих быстро приговорили к сожжению по настоянию самой царицы Анны Ивановны, которой синод представил дело как крайне опасное для церкви. На сенатском докладе 3 июля 1738 г. Анна положила резолюцию: «Понеже оные, Возницын в богохулении на Христа спасителя нашего и в отвержении истинного христианского закона и в принятии жидовской веры, а жид Борох Лейбов в превращении его через прелестные свои увещания в жидовство, сами повинились...

¹ Н. Голицын — История русского законодательства о евреях. Т. I. СПб. 1886. Стр. 29.

² «Пережитое», стр. 5—6.

того ради, за такие их богопротивные вины, без дальнейшего продолжения... обоих казнить смертью, сжечь, чтоб другие, смотря на то, невежды и богопротивники от христианского закона отступать не могли, и таковые прелестники, как онный жид Борох, из христианского закона прельщать и в свои законы превращать не дерзали»¹.

Спустя некоторое время по улицам Петербурга висели объявления: «Во всенародное известие. Понеже сего июля 15 дня, т. е. в субботу, по указу ее императорского величества, имеет быть учинена над некоторым против истинного христианского закона преступником и превратителем экзекуция на Адмиралтейском острове, близ нового гостинного двора, того ради публикуется сим, чтобы всякого чина люди для смотрения той экзекуции сходились к тому месту означенного числа, поутру, с 8-го часа»².

Так добились наконец своего торжества над смоленским евреем-откупщиком сплоченные силы инквизиторов. Они прихватили по дороге к костру еще отставного капитана флота, жертву сложных интриг влиятельного света, оговоренного собственной женой. После казни мужа она получила часть движимого и недвижимого имущества сожженного и, кроме того, ей прибавлено «сто душ за учиненный донос на мужа»³ и отданы те крепостные, которых она уговорила показывать против Возницына и Бороха.

Эта казнь открыла собой целую эпоху инквизиционных преследований еврейского народа, продолжавшихся, можно сказать, до конца дней существования Российской империи. В 1739 г. были подтверждены все прежние указы о высылке евреев из Украины. А в 1742 г. последовало строжайшее распоряжение Елизаветы о высылке из всех городов, сел и деревень Российской империи всех евреев «какого бы кто звания и достоинства ни был». Исключение делалось только для тех евреев, которые соглашались принять православие: «Таковых, крестя, в нашей империи жить им позволить, токмо вон их из государства уже не выпускать».

Вскоре после издания этого закона к разным российским границам прибыло 25 евреев, пожелавших креститься. Они были обращены в православие и получили разрешение жить в пределах России. Но в 1746 г. всем местным

¹ Полн. собр. зак. Т. X, № 7612.

² Н. Голицын, ук. соч., стр. 294. Ср. «Пережитое», стр. 8-9.

³ Полн. собр. зак. Т. X, № 7725.

властям было объявлено, что «нужно смотреть за ними накрепко, чтобы они веру греческого исповедания содержали, и для того в тех местах, где они жить будут, кому надлежит о том крепким указом подтвердить»¹.

Эта инквизиционная травля еврейского народа скоро сделалась в руках русского самодержавия одним из способов борьбы против революционного движения трудящихся. Нужно было отвлечь внимание трудящихся масс от действительных виновников их нищеты, бесправия, эксплуатации. И царизм объявлял таким виновником еврейский народ и на него натравливал возбужденные народные массы.

Господствующая православная церковь проводила в жизнь эту политику царизма. Отстаивая православие, как «единую истинную веру» на земле, она стремилась всеми средствами разжечь в массах верующих религиозную и национальную вражду к евреям. Для возбуждения этой вражды она прибегала к давно испытанным средствам западноевропейской инквизиции — дикой клевете и лживым басням. Среди них первое место занимал гнусный навет средневековых инквизиторов, будто евреи мученически убивают христианских детей и на свою пасху употребляют в пищу их кровь.

Можно сказать, что эти средневековые кровавые наветы на евреев становятся краеугольным камнем во всей политике самодержавия по отношению к еврейскому народу. Они преследовали одну определенную цель: утвердить реакцию, расколоть единый фронт трудящихся против эксплуататоров, ослабить их силы и направить их классовый гнев в русло национального шовинизма и религиозной вражды. И русская православная церковь, верная своим традициям, при помощи кровавых наветов усердно разводила эту вражду².

ГОНЕНИЕ НА НАУКУ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

В древней, феодальной России религия пронизывала и покрывала собой всю культуру и все просвещение. С самых первых дней на Руси просвещение распространялось и поддерживалось духовенством. Школами заправляло ду-

¹ Ю. Гессен — История еврейского народа в России. Т. I. Петроград. 1916. Стр. 77—78.

² Подробнее об этом возрождении на русской почве средневековых кровавых наветов западноевропейской инквизиции см. в моей брошюре: «Кровавый навет и христианская церковь». М. 1932.

ховенство, и процесс обучения производился по церковно-богослужебным книгам. Все образование носило исключительно религиозный характер, а письменность имела религиозное содержание. Чтение книг служило целям религиозно-нравственного назидания. Главная масса чтения состояла из переводов византийской церковной литературы и тех оригинальных русских произведений, которые писались по их образцам. Это были различные нравоучительные сборники, жития святых, сочинения древних христианских писателей и книги так называемого «священного писания». Никаких книг научного содержания не было.

В библии и церковно-религиозной литературе находили все сведения и по истории вселенной, по «естественным наукам», по географии и по всем другим «наукам».

Но каковы были эти сведения?

Вот, например, «Беседа Епифания с св. Андреем о водах, и о дожде, и о громе, и о молнии». На вопрос Епифания, как образуется дождь, Андрей отвечает: «Бог говорит: радугу мою поставлю на облаках. Радуга повелением божьим собирает воду морскую, как в меха, и наливает облачной воды; когда бог повелит дождю излиться на землю, то из радужной трубы начинает исходить шум и шум этот очень бурен... Как только дух начнет раздирать облака... то совершается великий скрежет: этот скрежет люди привыкли называть громом»¹.

В одной книге, называемой «козмография» (космография), сообщаются такие сведения: «Остров. Живут на нем люди, головы у них видом песьи. Человеки великие и страшливые. Много на сем острове камней драгоценных».

Или еще: «Остров пуст. Живут на нем змеи, лицо девичье, до пупа человек, а от пупа у них и хобот змиев, крылаты, а зовутся василисками»².

Для мира животных, растений, минералов существовали церковно-религиозная зоология, ботаника, минералогия, где говорилось о зверях инорогах, онокентаврах, о птицах стратиме, фениксе, сирине, алконосте, о змее аспиде, о малой рыбице ехинии, имеющей то изумительное свойство, что, прицепившись к кораблю, она может остановить его движение, пока «норцы» не отрежут ее от дна корабля. Вся природа наполнялась чудесами и страшилищами. И все это скреплялось авторитетом церковного учения, ибо все

¹ А. Шапов — Соч. Т. I. СПб. 1906. Стр. 51—52.

² Д. Ровинский — Русские народные картинки. Т. II. СПб. 1881. Стр. 267—268.

подобные сведения «о вещах ходящих и летящих» были не более, не менее как «благовестием архангела Уриила Иоанну Богослову».

Таковы же были и почерпаемые из церковной литературы сведения о строении мира.

Особенным авторитетом и уважением пользовалась «космография» путешественника VI в. Козьмы Индикоплова. Он написал книгу об Индии, в которой дал физическую географию, согласную с христианским учением. В ней опровергается птолемеява система и доказывается из писания, что земля не есть шар, а плоскость и антиподы не существуют.

Фигуру земли Индикоплов представлял, как плоский, продолговатый от востока к западу четвероугольник, покрытый небом, как сводом; обитаемая людьми земля окружена океаном, а по краям возвышается стена, и край земли сходится с краем неба; земля основана на тверди, и под ней ничего нет. Ночью солнце заходит за высокую гору, находящуюся на севере.

Он вооружается против тех, которые, «возводя брови», мудрствуют и «дают небу кругоносное движение и землемерным разделением, и звездным течением, суесловием и мерзостью мирскою определяют положение мира, прельщая солнечным и лунным исчезновением»¹.

Таковы были «научные» сведения древнерусского феодального общества. В идеологии господствовала легенда, христианская фантастика, которая освящалась церковным авторитетом и выдавалась за непререкаемую истину. Замкнутая в религиозную сферу, заключенная в область веры, древнерусская мысль была зажата в тиски и загнана далеко от самостоятельного исследования и критики.

Церковь строго стояла на страже своего авторитета. Она держала в своих руках все книжное знание и допускала чтение только таких книг, которые были одобрены ею и не противоречили пропагандируемому ею вероучению. Она осуждала самое простое, естественное стремление исследовать окружающий мир. С особенной ревностью церковь преследовала такие книги, в которых появлялись первые **самые** робкие попытки объяснить окружающий мир и его явления без помощи божественного писания и высказывались взгляды, не согласные с церковным учением.

¹ А. Пыпин — История русской литературы. Т. I. СПб. 1898. Стр. 255.

Были и возникали в древнерусском обществе и такие объяснения строения мира, в которых была уже слабая тень научного понимания. В XV в. появились в обращении рукописи, в которых излагались элементарные основания птоломеевой теории, самые скудные понятия о шарообразности земли и о планетной системе. В этих рукописях все же сквозили потуги объяснить окружающий мир иначе, чем говорила церковная литература. Просачивались и первые опыты научного естествознания и других отраслей науки, уже возникавшие в европейской литературе XVI—XVII вв. и освобождавшие человеческую мысль от пут религии.

Но все это всячески преследовалось, считалось еретическим, отвергалось как суетное «звездочетье» и искоренялось с беспощадностью. Люди, которые любят «гиомитрию и прочая таковая», которые «оструумею (астрономию) добре извыкли суть», считают семь «аерских поясов» (т. е. семь планетных сфер) и исчисляют величину солнечного и лунного круга, объявлялись еретиками и волшебниками. Это были «пустошники», исполненные «пустошью и лжами», чернокнижники, зараженные «эллинской прелестью», преступники против истинной веры, которым угрожала огненная казнь.

Знакомство с западноевропейскими философскими сочинениями и чтение греческих и латинских книг также признавали еретичеством, волшебством и «эллинской мудростью». «Братие, — гремели проповедники с церковных амвонов, — не высокоумствуйте. Аще кто тебе скажет: знаешь ли философию? И ты ему рцы: Эллинских борзостей не текох, ни с мудрыми философами не бывах... Богомерзостен пред господом богом всякий, кто возлюбил геометрию... а се душевные грехи — учиться астрономии и эллинским книгам... да будет проклята прелесть тех, которые смотрят на бег небесный... Мудрость мира — безумие есть убога, возлюби же простоту паче мудрости; учись удерживать ум: высочайшего не ищи, глубочайшего не исследуй, а то, что передано тебе от бога — готовое учение, то содержи»¹.

Когда была переведена с немецкого языка энциклопедическая книга «Луцидарий», заключавшая в себе общие сведения о мире, о звездах и планетах, земле, людях, живот-

¹ П. Морозов — Феофан Прокопович как писатель. СПб. 1880. Стр. 34.

ных и пр., то церковники единым фронтом выступили не только против этой книги, но и вообще против распространения в обществе всех западных сочинений, не одобренных церковью. «Латиняне, — говорили они, — много прельстились внешними учениями, эллинскими и римскими и книгами арабскими, и не подобает вам внимать их сочинениям и переводить их на русский язык; берегитесь их, как гангрены и злейшей коросты... Заповедано есть богом высших себя не взыскивать, ни исследовать о том, что ни одному из людей не было открыто от века»¹.

Но эта вражда к науке, знаниям, ко всякому проявлению свободной от пут религии анализирующей мысли не ограничивалась только проповедями и увещаниями. Церковь налагала свое запрещение на все те книги, которые так или иначе колебали ее авторитет, и беспощадно преследовала всех тех лиц, которые держали у себя эти запрещенные книги, читали и распространяли их. На московских церковных соборах периодически составлялись индексы (списки) запрещенных книг, постоянно дополняемые все новыми и новыми, казавшимися церкви вредными и опасными для ее авторитета.

До нас дошли такие индексы запрещенных книг от XV—XVI вв. В этих списках рядом с волшебными и всякого рода гадательными книгами помещены также и такие, в которых заключались уже первые самые элементарные научные познания о природе. Таковы, между прочим: 1) «Остролог» (другие названия: «Острономия», «Мартолой», «Звездочетец») — сборник астрологических замечаний о вступлении солнца в различные созвездия, о влиянии планет на судьбы мира, народов и людей и т. п. 2) «Аристотелевы врата» — перевод западноевропейского средневекового сочинения «Тайная тайных», составление которого приписывалось Аристотелю и в котором содержались разные сведения по астрологии, медицине, философии и пр. 3) «Громник» — сборник различных, расположенных по месяцам предзнаменований: о состоянии погоды, о будущих урожаях и т. п. 4) Книги о лунных и солнечных затмениях под разными названиями. 5) «Землемерие», или геометрия. 6) Луцидарий — энциклопедический сборник популярных естественнонаучных сведений.

Епископы давали предписания объявлять такие списки запрещенных книг с церковных амвонов и принимать все

¹ П. Морозов, ук. соч., стр. 23.

меры к истреблению книг огнем. Они попадали, таким образом, в разряд «еретических, богохульных писаний», и кто держал их у себя, тот был «врагом божим». Уже в древнейшем законодательном памятнике — «Кормчей», по списку 1284 г., за чтение и даже за хранение запрещенных книг определялось проклятие и сожжение: «Иже кто иметь еретическое писание у себя держати и волхвованию его веровати со всеми еретиками да будет проклят, а написанная та на теле его да сожгутся». Котошихин говорит, что в его время (половина XVII в.) людей жгли «за книжное преложение, кто учнет вновь толковать против апостолов, пророков и св. отец с похулением». Организованная в конце XVII в. Славяно-греко-латинская академия должна была строго наблюдать, чтобы в общество не проникали «волшебные, гадательные, богохульные и всякие церковью возбраняемые книги». А тех, кто читал их или держал у себя, велено было «сжигать без всякого милосердия».

Современники говорят, что лица, желавшие заниматься науками и имевшие у себя иностранные сочинения, должны были делать это тайком и всячески скрывать книги, боясь обвинений в еретичестве и волшебстве. В те времена достаточно было иметь при себе какую-нибудь польскую или латинскую книгу, чтобы возбудить против себя гонения церковников и попасть в ряды еретиков. При великом князе Иване III за хранение и чтение иностранных книг был сожжен в деревянной клетке на реке Москве князь Лвкомский вместе со своим переводчиком — иностранцем Матисом Ляхом. Их обвинили в чародействе и злых умыслах на Ивана III¹. В 1676 г. при царе Федоре Алексеевиче обвинили в чародействе и злых умыслах на царя боярина Артамона Сергеевича Матвеева. Он любил сближаться с иностранцами и ценил научные знания. Его десятилетний сын изучал греческий и латинский языки под руководством польского переводчика Спафари. И вот стали говорить, будто Матвеев вместе с доктором Стефаном и переводчиком запирались в комнате и читали «волшебные книги», а в это время к ним являлось множество нечистых духов. Матвеев был сослан в заточение в Пустозерский острог, а имущество его было конфисковано.

Во время пожара, бывшего в Москве при царе Михаиле Федоровиче, у одного немца-живописца нашли череп и

¹ Полн. собр. русск. лет. Т. IV, стр. 162. Ср. т. VI, стр. 239. Воскресенская летопись. Т. VIII, стр. 225.

только поэтому хотели сжечь его как волшебника. Другой раз заезжий голландский фельдшер Квиринус чуть было тоже не угодил на костер. Однажды он играл у себя в комнате на лютне при открытом окне, и ветер шевелил при этом висевшие на стене кости скелета. Разнеслась молва, что Квиринус колдун и своей игрой на лютне заставляет плясать мертвецов. Когда молва эта дошла до патриарха, последний хотел сжечь Квиринуса, и только благодаря усиленным ходатайствам друзей его выслали из России, а скелет торжественно сожгли за Москва-рекой.

Вообще церковь поднимала неоднократно гонения на представителей медицинской науки и своими соборными постановлениями запрещала русским людям заниматься медициной под страхом проклятия и отлучения от церкви. Она смотрела на врачей, как на колдунов, зараженных дьявольской ересью, и всем врачам-иностранцам по интригам высших церковников, особенно в случае неудачного лечения царской семьи, грозила смертная казнь или в лучшем случае ссылка в заточение.

При великом князе Иване III был казнен врач-иностранец Антон Эренштейн. Церковники стали распускать о нем слухи, будто он колдун, делает стариков молодыми, привораживает холодные и неверные сердца, заговаривает дерево, железо, знает с нечистой силой. И каждый день являлись все новые слухи о связи его с дьяволом. То видели, как сам бес влетел к нему через трубу падучей звездой или таскались к нему по ночам молодые ведьмы. То уверяли, что он похищает детей, чтобы пить их кровь, от которой молодеет.

В 1490 г. был казнен итальянский врач Леон. «И того лекаря мастера Леона велел великий князь поймать и повеле его казнить смертною казнью, головы ссеши, они же ссекоша ему голову»¹. Придворный врач Ивана IV Грозного иностранец Бомелий, которого летопись называет «лютым волхвом», был публично сожжен в Москве в 1580 г. При стрелецком восстании в 1682 г. доктор фон-Гаден также заплатил жизнью за то, что у него нашлись сушеные змеи.

Ученые-иностранцы прямо боялись иногда ехать на службу в Московское государство. Когда в Москве духовенство узнало, что царь желает принять на службу ученого саксонца Олеария в звании придворного астронома, то стало

¹ Никоновская лет. Т. VI, стр. 125.

агитировать против него, говоря, что явился волшебник. Эта агитация и была причиной того, что Олеарий отказался от сделанного предложения¹.

Вообще все иностранцы, побывавшие в Московском государстве, единодушно отмечали непримиримую вражду духовенства к научным знаниям, к светскому просвещению, к новой, европейской культуре.

Не могла Россия остаться и не остаться на уровне тех знаний, которые давала ей церковно-религиозная литература. Рост производительных сил требовал роста знаний, свободных от тех тисков, в которые зажимала их церковь.

Уже в половине XVI в. в экономической жизни Московского государства стал совершаться хозяйственный перелом, ударивший по старому феодальному быту и вносивший существенные изменения в культурный уклад русского общества. Стала весьма интенсивно развиваться торговля как внутренняя, так и внешняя и, постепенно развиваясь, вовлекала в свою сферу широкие слои общества. Торговлей стали заниматься не одни только профессионалы-купцы, но и лица всех других классов, крупные вотчинники-бояре, средний служилый класс или поместное дворянство и даже отдельные крестьяне.

Это необходимо порождало и совершенно новую атмосферу общественной жизни, отличную от феодального быта.

Широкое развитие внутренней торговли и промышленности, их практические нужды, поиски рынков ценного сырья, международных путей для сбыта товаров, новые войны с целью пробиться к центрам мировой торговли — все это порождало новые потребности и вызвало необходимость в прикладных, технических знаниях и военном искусстве. Стали ценить светскую науку и «хитрых мастеров людей», для чего в старой феодальной России, целиком пропитанной церковной идеологией, совершенно не было никакой почвы.

За всем этим неизбежно приходилось обращаться к иностранцам, к Западу и искать у него помощи для быстрого удовлетворения растущих потребностей развивающегося хозяйства страны. Иностранцы нужны были прежде всего для лучшей организации военной обороны страны, для переустройства армии, создания торгового флота, изготовления

¹ «Архив исторических и практических сведений». 1859. Кн. III. Стр. 25—26.

вооружения и военных припасов, а затем для того, чтобы устраивать фабрики и заводы и добывать из недр земли ее природные богатства.

Это искание иностранной помощи и приглашение иностранцев на русскую службу начинается в Московском государстве еще в XVI столетии, а в конце XVII столетия Москва была уже буквально переполнена иностранцами. Тут были немцы «разных земель и вер», французы, итальянцы, голландцы, англичане и т. д. в качестве военных инструкторов, пушечных литейщиков и «рудознатцев», всякого рода техников, ремесленников и мастеров, инженеров, архитекторов и врачей, купцов, промышленников и заводчиков. Но с наплывом иностранцев стихийно проникали в Россию и научные знания, соответствовавшие тогдашнему уровню развития общества. Все усерднее переводились книги по разным областям знания. А с книгой все прочнее усваивались и новые приемы мысли, и новые взгляды, и необходимость нового, чисто светского образования. Общественная мысль мало-по-малу освобождалась от исключительной замкнутости в религиозной сфере и становилась на путь свободного приобретения знаний, не освященных церковным авторитетом.

Но на пути этому движению все же продолжала стоять церковь и всей своей деятельностью упорно стремилась во что бы то ни стало закрепить нерушимо свой колебавшийся авторитет. «Епископы, лишенные всякого образования, — говорит иностранец Флетчер о времени Бориса Годунова, — следят с особенной заботой, чтобы образование не распространялось, боясь, чтобы их невежество и нечестие не были обнаружены. С этой целью они стараются уверить царя, что всякое новое знание, вводимое в государство, возбудит стремление к новизнам и будет для него опасно»¹. То же писал об епископах и князь Курбский: «Я сам слыхал от них, будучи еще в русской земле, под державою московского царя; прельщают они юношей трудолюбивых, желающих усвоить науку, и говорят им: не читайте книг многих, и указывают: вот этот от книг ум потерял, а вот тот в ересь впал»².

Иностранец Мейерберг, говоря о Московском государстве, отмечает «долгое и упорное изгнание наук, которые они

¹ А. Скабичевский — Очерки по истории русской цензуры. СПб. 1892. Стр. 2.

² Там же.

ненавидят, как общественную заразу», и прямо приписывает это духовенству, которое боится, что с науками может поколебаться его авторитет¹.

И в продолжение всего XVII столетия вместе с ростом и развитием научных знаний в Московском государстве мы видим эту ожесточенную оппозицию церковников, их фанатическую защиту «древлеотеческой веры», их слепую и беспредельную ненависть к иностранцам — «поганым еретикам» и «люторам», их вражду ко всякому свободному движению мысли и упрямую проповедь застоя, косности, церковной традиции. Иностранцы, несшие с собой западноевропейскую буржуазную культуру, возбуждали у них остервенелую ненависть. Их представляли «исчадиями ада», «зловверными», «безбожными» и прямо называли «псами». Старые обычаи и традиции провозглашали священными и неприкосновенными и малейшее нарушение их стремились представить посягательством на православную веру и называли богоотступничеством и дьявольской ересью.

«Которая земля переставляет обычаи свои, и та земля недолго стоит... и сего ради казни всякие от бога на нас приходят за таковые преступления»².

«Видим бо некая, — писал в конце XVII в. Афанасий, епископ холмогорский, — кроме закона и заповедания и предания увлекающиеся некоторыми чужеземными обычаями, особенно же еретическими прелестями и пристающие к таковым... Заповедуем всем отвращатися сего и пребывати в той вере и жизни, в которых пребывали и которыми спаслись наши благочестивые предки»³.

С целью насильственно преградить неизбежное культурное развитие России и рост светских, научных знаний, шедших с Запада, русская церковь делает даже попытку создания в Московском государстве своего рода верховного инквизиционного трибунала, по образцу католической инквизиции. По проекту патриарха Иоакима, одобренному царем Федором Алексеевичем, таким трибуналом должна была явиться высшая богословская школа в Москве, так называемая Славяно-греко-латинская академия, основанная в 1687 г.

В устав этой академии, по проекту учредителей, входило

¹ А. Пыпин, ук. соч., стр. 279.

² Соловьев — Ист. России. Т. XIV, стр. 164.

³ Ф. Терновский — Русское проповедничество при Петре Великом. 1870. Стр. 19.

не только «сеяние мудрости». Блюстителю и учителям этого рассадника схоластики предоставлялись широкие полномочия инквизиторов. Им вменялось в обязанность строго наблюдать, чтобы проживающие в Московском государстве иностранцы не производили никаких «противностей» в вере под страхом сожжения. Только с одобрения академии все иностранцы могли оставаться в стране и поступать на службу. Под такой же надзор академии отдавались все иноверцы, перешедшие в православие. Они записывались в особую книгу, хранившуюся в академии, и в случае их колебания в вере наказывались ссылкой в отдаленные места, а «явные хулители» предавались сожжению без всякого милосердия, по суду и приговору академии. Никто не имел права без разрешения академии держать у себя домашних учителей иностранных языков под страхом конфискации имущества. Никто не имел права держать у себя польские, немецкие, латинские и другие иностранные сочинения. Наравне с «волшебными и чародейными» они рассматривались как еретические, и лица, у которых академия обнаруживала подобные сочинения, предавались сожжению, как и все еретики. Вообще сожжение угрожало всем, кто держал у себя «волшебные, и чародейные, и гадательные, и всякие от церкви возбраняемые богохульные и богоненавистные книги и писания».

И те, кто на пиру или в какой бы то ни было обстановке порицал православную веру, критиковал почитание икон, святых и вообще обнаруживал в чем-либо недостаточное уважение к авторитету церковного учения, по приговору академии, также подлежали сожжению¹. Таким образом, в общей системе русской инквизиции церковные главы пытались отвести вновь учрежденной богословской школе совершенно исключительную роль. В борьбе с потоком новых знаний, хлынувших с Запада и освобождавших русскую мысль от гнетущего авторитета церковно-религиозной мудрости, она должна была превратиться в настоящую инквизиционную цитадель для обороны православия от «неких чужеземных обычаев и еретических прелестей».

Но для конца XVII в. подобные проекты являлись уже анахронизмом. В то время как церковь упорно стремилась выставить пропагандируемую ею мудрость, как **единственно истинное знание**, **рост производительных сил и связанная с ним потребность подлинных знаний** неотвратимо и

¹ «Древняя Российская Вивлиофика». Изд. 2-е, стр. 408.

властно делали свое дело. Варварская Русь решительно поворачивалась лицом к «злбожным» и «поганым латинам», и еретическая прелесть становилась для нее все заманчивей и приятнее.

Тем с большим ожесточением падали на ее голову угрозы церковников.

В 1690 г. сам патриарх Иоаким, умирая, оставил свое политическое завещание Петру I, в котором особенно предостерегал царя от общения с иностранцами: «Да никакже он, государь-царь, попустит кому христианам православным в своей державе с еретиками и иноверцами, с латинами, люторами и злбожными татарами, их же гнушается господь и с богомерзкими прелестями их проклинает, общение и содружество творити, но яко врагов божьих и ругателей церковных тех удалятися да повелевает царским своим указом». Патриарх спешит убедить царя, что сам бог заповедал не иметь никакого общения «с иноверными еретиками и злбожниками и никакую дружбу имети с ними», так как де самая целость и величие государства могут сохраниться только в том случае, когда все православные христиане «прилежат к добрым делам и отвращаются иноземцев, да не навькнут иноземных обычаев непотребных». Силою своего авторитета патриарх молит Петра сохранить непоколебимо этот завет, и тогда-де милость божья будет с ним и «господь бог будет ему крепкий покров от всех зол»¹.

Эта ненависть к иноземцам, науке, знаниям, эта борьба против новой буржуазной культуры не была только плодом мракобесия церковных обскурантов. Эту борьбу определяло и направляло стремление сохранить в неприкосновенности господство старой феодальной идеологии, а вместе с тем и господство церкви как первенствующей политической силы в феодальном обществе. В новых условиях укрепляющегося дворянского самодержавия церковь стремилась сохранить целиком свои феодальные привилегии, свое лицо могущественного владетеля богатейших вотчин. В данном случае собственнические инстинкты богатого земельного вотчинника шли впереди всяких религиозных интересов и руководили всем поведением церкви.

И еще последний русский патриарх Адриан, в пору великих преобразований Петра I, двинувших Россию из мрака варварской культуры по новому пути, громил иностранцев,

¹ А. Пыпин, ук. соч., т. II. СПб. 1911. Стр. 379.

которые «в нашу всероссийскую страну вошли, как волки в овечьих кожах, и начали тайно и явно вносить громады своих ношеподобных во мраке предлогов и обычаев, спрашивая: чего ради сие и на что оно?»¹. Он обвинял их в богопротивном еретичестве и называл людьми, «восхотевшими искать воду, возмущенную конскою свирепостью непокровствия».

Его преемник, рязанский митрополит Стефан Яворский, первый президент вновь учрежденного синода, успел на деле обнаружить свои инквизиторские настроения и неприимую вражду к людям, искавшим знаний и просвещения. По его приказу был разгромлен в Москве кружок «московских философов», во главе которого стоял врач Дмитрий Тверитинов. Бывший стрелец, родом из Твери, Дмитрий Тверитинов был рационалистом. Вместе с сыном посадского человека Фомой Ивановым он пошел на службу к иностранцам, жившим в Москве. В Немецкой слободе, где в 1700 г. была открыта первая частная аптека Иоганна Готфрида Грегори, он стал «искать науки у дохтуров и лекарей». Он работал в аптеках, выучился пускать кровь и составлять лекарства. Беспокойный и пытливый ум его заставлял его упорно добиваться причины и сущности таких явлений, о которых церковь запрещала рассуждать, заставляя принимать на веру. Естественно, его в первую очередь заинтересовали вопросы, связанные с религией. Он, врач по профессии, не мог равнодушно смотреть на те суеверие и невежество, которые церковь сеяла вокруг него. Особенно возмущали его бесчисленные амулеты и реликвии, при помощи которых церковники бесстыдно эксплуатировали религиозные чувства верующих. Так, например, в случае зубной боли люди относили серебряные зубки Антипию-чудотворцу, надеясь этим избавиться от боли. Если болели глаза, дарили серебряные глазки в церковь Пятнице Проще, что была на Пятницкой в Москве.

Этот обман верующих глубоко возмущал Тверитинова. Он принялся за пристальное изучение книг и кончил тем, что стал отрицать почитание икон, мощей, стал отрицать чудеса, высказывался о необходимости реформировать церковь и всякие преследования за религиозные убеждения считал не согласными с духом христианства. Свое вольнодумство Тверитинов не только не скрывал, но всячески его пропагандировал. Около него скоро образовался кру-

¹ Н. Тихонравов. Соч., т. II. М. 1898. Стр. 158.

жок свободомыслящих, отрицательно относившихся к церковной практике насаждения суеверий и фанатической нетерпимости к научным знаниям.

Скоро инквизиторы из Славяно-греко-латинской академии узнали, что «некая новая ересь зачинается», и донесли о «новых московских философах» главе православной церкви Стефану Яворскому. Стефан приказал хватать еретиков и приводить их для допросов в патриарший приказ. Отсюда они были разосланы по московским и новгородским монастырям «для духовного исправления» и заключены в одиночные казематы за «крепким караулом». Как исправляли их в монастырских тюрьмах, видно из того, что, например, Фому Иванова держали все время «на цепи со стулом», издевались над ним, часто водили в церковь, скованного по рукам и ногам, и здесь заставляли его каяться и громко, целым сонмом голосов пели ему грозную анафему, так что в конце-концов довели человека до исступления. С другими заключенными обращались еще более жестоко и бесчеловечно. По приказу Стефана Яворского многие еретики были неоднократно пытаны. Человек, вполне преданный ему, митрополит новгородский Иов, под строгим секретом писал одному монаху: «За озлобление, и досаду, и великие обиды господина превысочайшего, нерарха святейшего, митрополита рязанского, двенадцать человек в великий Новгород взяты и многие из них зело жестоко пытаны и рзаны, даже внутренности их показались»¹.

Так пытал Стефан. Эта «кровожаждущая утроба», как говорили о нем люди, хотела во что бы то ни стало довести всех обвиненных до костра. В своих проповедях Яворский недвусмысленно настаивает на сожжении: «О дабы сии мытари и язычницы, развращающие православных и не слушающие церкви божественной, отсечены и весьма истреблены были!.. да сей вред, сия злохульные плевелы исторгнут от нас, развеют и дадут на сожжение». Только усиленные хлопоты влиятельных и приближенных к Петру лиц спасли Тверитинова и его единомышленников от инквизиционного костра. Тем не менее, Стефан Яворский устроил собор и предал еретиков анафеме, а Фома Иванов был сожжен в срубе на Красной площади.

На ряду с гонением на науку и просвещение в древней, феодальной России церковь поднимала свирепые гонения

¹ «Странник». 1861. I. Стр. 84. Ср. Н. Тихонравов, ук. соч., стр. 253.

на народную поэзию, на всякого рода народные увеселения, музыку, песни и игры. Все развлечения, музыку, пляску, игры церковь называла делом дьявола, «бесоугодием», «сатанинской прелестью». Народные песни, сказки, поговорки она относила к той же категории, проклинала и искореняла их. Почти вся древняя церковная литература в форме «слов», «поучений» и проповедей неустанно убеждала верующих «не творити бесовских игр, гудений, скаканий и плясаний». Пляска, особенно женская, подвергалась ожесточенным обличениям и преследованиям. «О злое, проклятое плясание, — говорит один проповедник, — о лукавой жены многовертимое плясание! Пляшущая жена — любодейница дьявола, супруга адова, невеста сатанина. Все любящие плясание осуждены мучениям неугасимого огня и неусыпающих червей». Даже все, смотрящие на танцы и на другие «бесовские, злые и прелестные игры», суть «сатанины любовницы».

Существовала также устрашающая лубочная картинка, изображавшая истязание в аду «игрецов». Под изображением было выписано злорадное обращение дьявола к попавшему в его руки «грешнику»: «И рече сатана: любил еси в мире различные потехи, игры, — приведите же ему трубачей. Бесы же начаша ему во уши трубить в трубы огненные. Тогда из ушей, из очей, из ноздрей пройдет сквозь пламень огненный».

Скорее при поддержке светских властей церковь переходит от слова к делу. Не ограничиваясь одним моральным осуждением и угрозами вечных мучений в аду, она вырабатывает целый ряд мероприятий, направленных против народных игр, песен и музыки. Уже в своей «Кормчей» книга она грозит проклятием и отлучением всем нарушителям запрета игрищ. На Стоглавом соборе (1547—1549 гг.) было постановлено, чтобы «проклятое бесование поправно было до конца». Подтвердив прежние решения церковных соборов об отлучении всех, кто не перестает участвовать в забавах и играх, Стоглав предоставил царю «по всем градам и по селам свою заповедь учинити» по этому поводу.

В XVI столетии начинаются систематические гонения на певцов и музыкантов, на все увеселения, песни и танцы народа. Наибольшей энергии и беспощадности гонения достигают в XVII столетии при царе Алексее Михайловиче. При этом они особенно заостряются против профессиональных музыкантов и певцов-скоморохов. Эти «веселые молодцы, люди вежливые, счастливые, веселые, ребята скоморо-

хи» были в одно и то же время и певцами, и музыкантами, и мимами, и танцорами, и авторами-импровизаторами исполняемых ими песен.

Первоначально они обслуживали своим искусством господствовавшие классы, но в XVII столетии превратились в большие ватаги бродячих артистов и стали представителями народного юмора, творцами веселых народных рассказов, песен, шуток, прибауток и т. п. В народе они всюду встречали радужный прием и были всегда желанными гостями на народных праздниках, свадьбах, играх. Однако в глазах господствовавших классов скоморохи являлись опасным общественным элементом. В своей веселой сатире они очень часто выражали протест против угнетения голытьбы «жирными» боярами и купцами и изображали торжество угнетенных над эксплуататорами в разных житейских случаях и положениях.

В XVII столетии был очень популярен такой, например, фарс. На сцену выходил боярин в карикатуре. На голове у него была шапка из дубовой коры. Сам он был надутый, чванливый, с оттопыренной губой. К нему шли челобитчики и несли взятки в лукошках — кучи щепня, песку, сверток из лопуха и т. п. Челобитчики земно кланялись и просили правды и милости, но боярин ругает их и гонит прочь.

Тогда челобитчики начинают тузить боярина, грозят его утопить, приговаривая:

— Ой, боярин, ой, воевода! любо было тебе над нами издеваться, вези же нас теперь сам на расправу с самим собой!

Затем являются два лохмотника и принимаются гонять боярина, приговаривая:

— Добрые люди, посмотрите, как холопы из господ жир вытряхивают!

Тут же является купец и начинает считать камушки, изображавшие деньги. Лохмотники бросаются на него и торжествуют:

— Делись с нами! — кричат ему. — Награбил, дескать, с народа за гнилой товар...

Отобрав деньги и расправившись с боярином и купцом, добрые молодцы поют:

Ребятюшки! праздник, праздник!
У батюшки праздник, праздник!
На матушке-Волге праздник!
Сходися голытьба на праздник!
Готовьтесь, бояре, на праздник!

Смысл подобных «бесовых действ» и «хульных потех» был хорошо понятен всем. Скоморохи за подобные сценки и песни, выражавшие протест народа, были ненавистны господствовавшим классам и стали подвергаться жестокому преследованию.

Царские и патриаршие грамоты называют скоморохов «сатаниными учениками» и неоднократно приказывают местным властям беспощадно искоренять их «многое неистовство». В 1648 г. всюду разосланы были царские грамоты с повелением читать их в церквях и на базарах. Царь повторял в них прежние запрещения заниматься музыкой, петь «бесовские песни», плясать и наряжаться скоморохами.

Воеводам предписывалось иметь «крепкое смотрение», чтобы нигде никаких «мятежных бесовских действ, глумлений и скоморошеств со всякими бесовскими играми» не было; чтобы ни в городах, ни в селах «скоморохи с бубнами и сурнами, и с медведями и с малыми собачками не ходили б и всякими бесовскими играми не играли б». В случае же непослушания воеводам велено в первый и второй разбить ослушников батогами и кнутом «нещадно», а в третий и четвертый — посылать в ссылку. Маски, наряды и музыкальные инструменты велено отбирать, «ломать и жечь на огне без остатку»¹.

Это было только началом широких преследований народного искусства и поэзии. За этим указом следовал целый ряд других, а митрополиты и епископы, с своей стороны, постоянно рассылали грамоты, которые грозили ослушникам царских указов наказаньем без пощады и отлученьем от церкви. Так, например, в 1557 г. ростовский митрополит Иван приказал духовенству строго наблюдать, чтобы «скоморохов нигде не было, а в гусли, домры, сурны и во всякие игры не играли, и песней сатанинских не пели». А тех, которые не подчиняются, велено отлучать от церкви и наказывать².

Вскоре преследование дошло до того, что особые лица стали ходить по домам и отбирать все, что могло напоминать «гудебные сосуды». Иностранец Олеарий, бывший во время гонений против музыки в Москве, рассказывает, что оно началось по инициативе патриарха. Было приказано собрать все музыкальные инструменты, **какие только мож-**

¹ Ср. А. И., IV, № 35.

² Акты Археограф. Эксп., т. IV, № 98.

но было найти в Москве. Когда их собрали, то, нагрузивши пять возов, свезли за Москва-реку и там сожгли¹.

В эпоху Российской империи приемы и методы борьбы русской инквизиции против науки и просвещения видоизменились. Вместо открытых гонений, пыток и сожжений людей, обнаруживавших свободомыслие, стала действовать духовная цензура печатного слова, которая посылала на костры не людей, а десятки тысяч вредных и опасных для православия книг.

Московское духовенство уже издавна истребляло на огненных кострах все не угодные ему сочинения. В XVII столетии церковь предавала сожжению все сочинения раскольников, а также некоторые сочинения украинских богословов, которые она считала зараженными «латинской ересью». Но с тех пор, когда в России была учреждена специальная цензура книг, эта практика истребления книг стала широко применяться не только к чисто религиозным сочинениям, но и ко всем вообще книгам, которые церковь считала вредными и опасными для себя.

Духовные цензоры сделались настоящими инквизиторами русского просвещения и науки.

С неутомимой ревностью боролись они с печатным словом и беспощадно душили всякую свободную мысль, подавляли все, что только заключало в себе один намек на живую мысль, свободную от тисков религии и веры.

Руководством для духовной цензуры была библия. «Библии. — говорили духовные цензоры, — совершенно достаточно для того, чтобы знать, каким образом произошла вселенная. А научные теории — космогонические бредни новейшего изделия... Бог сотворил мир и человека, вот что нужно знать прежде всего, и во-вторых, нужно знать, что каждый обязан повиноваться властям и быть готовым запечатлеть смертью верность и преданность своему государю»².

Это был основной фон, на котором разворачивалась вся деятельность русской духовной цензуры. С этой точки зрения духовные цензоры приступали к рассмотрению рукописей и книг и давали свои отзывы. И всякая наука, всякая книга, которая не выдерживала пробы на этом оселке, отвергалась, истреблялась или в лучшем случае в ней тща-

¹ Костомаров — Очерк правов великорусского народа. Стр. 141.

² А. Пятковский — Из истории нашего литературного и общественного развития. Т. II. СПб. 1876. Стр. 274.

тельно вытравливались все «опасные» мысли, и все сочинение искажалось до неузнаваемости.

Духовная цензура в царской России обладала очень большими полномочиями. Правда, по действующим законам о цензуре область деятельности духовных цензоров должна была ограничиваться исключительно рассмотрением церковно-религиозной литературы. Но на практике их полномочия простирались широко над всем печатным словом.

Духовная цензура привлекалась ко всему, что хотя бы малейшим образом касалось предметов религии и веры. Шла ли речь о философском вопросе, о границах и отношениях между наукой и религией, или о естественно-научном предмете, например, о происхождении вселенной, о системе Коперника, законе тяготения, геологии, происхождении человека и т. д.,—все это, безусловно, считалось подлежащим ведению духовной цензуры. И она в данных случаях действовала полновластно.

Она беспощадно истребляла целые сотни и тысячи книг, «когда в оных содержалось что-либо клонящееся к поколебанию учения православной церкви, ее преданий и обрядов или вообще истин и догматов христианской веры». Для этого в подвальных зданиях синода были устроены особые печи, в которых и предавались сожжению все «богохульные книги» «с соблюдением строжайшей предосторожности». Эти ауто-да-фе совершались особым палачом в присутствии особенно доверенных синодальных чиновников, иногда в продолжение трех и более дней¹.

Кроме сожжения книг, духовная цензура иногда бесцеремонно уничтожала целые места из статей или из переводимых иностранных сочинений и заменяла их собственными вставками, «слову божьему сообразными». Множество книг иностранной литературы чисто научного характера оставались, по велению духовных цензоров, недоступными для России, потому что содержали какие-либо критические замечания по вопросам религии и веры. Книги эти переводились, но они задерживались в темных подвалах синодских зданий и не выпускались в свет. «И без сей книги, — говорили цензоры, — при проповедуемом всюду в России евангельском учении христианское благочестие около тысячи лет процветает... Книга не нужна и лишняя». И задерживали самую безобидную иногда книгу. Делали надпись цен-

¹ А. Котович — Духовная цензура в России. СПб. 1909. Стр. 182 —183.

зорским карандашом: «Обернув в бумагу, хранить в архиве, дабы она не была читана, яко соблазнительная».

В то же время духовная цензура незримо, но бдительно следила за всеми действиями светских цензоров. Синод очень часто делал доклады самим самодержцам об изъятии той или другой книги, уже пропущенной светской цензурой, находя в ней вредные для православия мысли. А на докладах большею частью ставились резолюции: «Сжечь», «Сжечь без огласки».

В декабрьской книжке журнала «Библиотека для чтения» за 1834 г. было напечатано переведенное из В. Гюго стихотворение «Красавице», в котором, между прочим, поэт говорил:

И если б богом был, селеньями святыми
Клянусь, — я отдал бы прохладу райских струй
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй!

Когда духовная цензура узнала об этом, то поспешила сделать доклад царю. Петербургский митрополит Серафим лично прочитал царю стихи и умолял его, как православного царя, оградить церковь от поругания поэзией. И царь Николай I приказал пропустившего стихи цензора посадить на гауптвахту, а книгу изъять¹.

Особенно преследовала духовная цензура книги, в которых излагались естественно-научные теории. Церковь никак не могла примириться с коперниковской системой мира.

В 1740 г. подвергся гонению труд русского писателя Антиоха Кантемира — перевод сочинений Фонтенеля «О множестве миров». Синод в своем докладе Елизавете потребовал конфискации и уничтожения этой книги. В 1756 г. вновь последовал донос синода Елизавете на «безбожную» деятельность Академии наук. При Академии наук в 1755 г. стал издаваться первый русский журнал «Ежемесячные приложения». Синод усмотрел в некоторых статьях журнала «безбожие», указывая в своем докладе, что в журнале имеется много «вере святой противного, особенно некоторые переводы и сочинения находятся многие, а инде и бесчисленные миры быти утверждающие, что и св. писанию и вере христианской крайне противно есть и многим неутвержденным причину к натурализму и безбожию подает»².

¹ А. Скабичевский, ук. соч., стр. 191.

² В. Розенберг и В. Якушкин — Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М. 1905. Стр. 4.

Синод требует от царской власти запретить эти «Приложения» и издать указ, «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать не мог, как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном, под жесточайшим за преступление наказанием».

К доносу синод приложил выписку статей, стихотворений и од, помещенных в «Ежемесячных приложениях», которые оказались «противны вере». Из этой выписки ясно видно, что синод вооружался против естествознания и астрономии, подрывавших авторитет церковного учения.

Вообще синод был непримиримым врагом Академии наук. В учреждении Академии он не хотел признавать никакой пользы; он видел в ней одно лишь потрясение основ религии и постоянно вопил о безбожии, будто бы пропагандируемом академиками и академическими научными изданиями. Когда в 1735 г. Академия наук задумала издавать летописи, то синод решительно высказался против этого издания. «В Академии затевают историю печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже в оных писано многие лжи явственно».

Духовенство часто громило академиков в своих проповедях, называя их «никчемными людьми», «противниками веры». Великий русский ученый М. В. Ломоносов должен был резко выступить на защиту Академии наук от сплоченной агитации против нее церковников и в устав академического университета полагал даже необходимым поместить: «Духовенству к учениям, правду физическую для пользы просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях». А в своих сочинениях он должен был специально «примирять» религию с наукой и доказывать, что «по псалтырю нельзя учиться физике и химии». Его стихотворение «Гимн бороде» было специально направлено против духовенства, которое обнаруживало себя врагом всякого знания и прогресса.

Эта сатира обратила на себя внимание синода, и Ломоносова привлекли к суду за дерзость и свободомыслие. Его обвиняли «в бесстрашном кощунстве» и высказывались даже мнения, что подобных авторов полезно сжигать «в стругах», как это практиковалось не так давно. Сатира была сожжена «чрез палача под виселицей», а Ломоносову было указано, какие «жестокое кары грозят хулителям закона и веры».

В 1757 г. по ходатайству синода было подвергнуто за-
прещению сочинение Тредьяковского «Феоптия»; в нем ду-

ховная цензура нашла «некие сумнительства», а именно, что автор в стихах говорил, «будто земля вертится, а солнце стоит, и будто луна ходит вслед за землею». В 1758 г. духовная цензура опять остановила печатание книги Попе «Опыт о человеке», переведенной по указанию Ломоносова. Цензура нашла, что автор этой книги «ни из св. писания, ни из содержимых в православной нашей церкви узаконений ничего не заимствуя, единственно все свои мнения на естественных и натуральных понятиях полагает, присовокупляя к тому и коперникову систему, також и мнение о множестве миров, св. писанию совсем не согласные». И только после того как из книги руками церковников было выпущено много мест, а некоторые стихи были изменены или даже заменены новыми, цензура соглашалась выпустить эту книгу в свет¹.

Эта чисто инквизиторская политика духовной цензуры по отношению к печатному слову продолжала отличаться такой же беспощадностью и во все последующее время. В литературном застенке Донского монастыря в Москве, где помещалась в XIX столетии духовная цензура, жертвами ее изуверства и глумления над наукой становились многие сотни иногда самых невинных произведений.

Как воскрешенные тени инквизиторов древнерусской поры, духовные цензоры гремели в своем застенке против врагов правоверия и благонадежности. Они не пропускали ни одной мелочи, привязывались к каждому выражению и везде стремились усмотреть лазейки для вторжения «пагубных идей».

Так, в одной небольшой переведенной с французского языка нравоучительной книжечке «Наслаждение собой» автор позволил себе замечание, что «благороднее всего в человеке — человек, и все титулы, какие не вымышляли бы, суть несравненно его ниже». «Слова сии, — гремел на полях книжечки духовный цензор, — отзываются затеями буйной философии; хвалит жизнь без чинов, но по какому побуждению?»

Найдя в этой же книжечке порицание дурного обращения господ со слугами, цензор-архимандрит писал: «Сделав описание дурных господ, забывает о добрых, а также пристрастное его ругательство обозначает, что сочинитель держался системы затейливой и буйной философии».

Казалось бы, что может быть опасного в таких благона-

¹ Н. Тихонравов — Соч., т. III, ч. I, стр. 85.

меренных словах автора: «Общественный порядок требует, чтобы были вельможи и рабы, министры и художники, богатые и бедные». Но архимандрит и здесь нашел неверие: «Не только общественный порядок, но и установление божье: «ина слава солнцу, ина звездам» и «нести власть еще не от бога»¹.

Петербургская духовная цензура рассматривала однажды самую благочестивую брошюрку: «Беседа с больным крестьянином». Несмотря на то, что содержащиеся в ней «беседы» были основаны на божественном писании, цензор признал брошюрку «совершенно неблагопристойной и с каноническими постановлениями церкви несообразной». Причина столь уничтожающего отзыва заключалась в том, что душеспасительные беседы в книжке ведет с крестьянином не священник, а барышня, и при этом в обращениях к больному употреблялись такие выражения, как «мой милый», «мой сердечный», «мой голубчик» и тому подобные слова, в которых, по мнению цензора, «высокая и святая любовь христианская не имеет нужды для своего выражения»².

В одной представленной в цензуру рукописи была изображена благочестивая жизнь иноверной домашней работницы, и духовный цензор поспешил положить резолюцию: «По моему мнению, такая история может подать повод хорошо думать об иновении со вредом для православия».

Охранение православия простиралось до того, что не допускали в светских произведениях употребления славянских слов, находя в этом «падение священного в низменные сферы». Так, например, не пропускали выражения: «малодушные и невежественные возгласы», ибо слово «возглас» встречается только в богослужебных книгах, и «неудобно смешивать чистое с грязным, небесное с адским, священное слово кощунственно прилагать к нелепым восклицаниям»³. Точно так же и относительно слова «благодать» духовные цензоры замечали: «В светских материях слово сие никогда не должно быть употребляемо, ибо этим словом только богословцы, проповедники изъясняются, да и только по приличию и надобности»⁴.

Попрежнему продолжались и решительные выступления против распространения естественнонаучных знаний. Когда

¹ А. Котович, ук. соч., стр. 75.

² Там же, стр. 196.

³ Там же, стр. 56.

⁴ Там же, стр. 56.

в 1852 г. в «Московских ведомостях» была напечатана статья профессора Московского университета Рулье «О первом появлении растений и животных на земле», синод заявил против ее опубликования энергичный протест, и тогдашний министр народного просвещения Ширинский-Шихматов в официальном отношении на имя синода признал, что цензура допустила ошибку, пропустив эту статью. Лекции же Рулье, излагавшие элементарные геологические понятия, по настоянию духовной цензуры были запрещены к опубликованию, и ему было указано, что книга может быть разрешена к выпуску в свет только в том случае, если в своем заключении он назовет гипотезой все не согласное с библией и подтвердит, что в сотворении мира верно и непреложно только повествование моисеевой книги «Бытия».

В 1858 г. синод настоял на запрещении публичной демонстрации туманных картин, изображавших постепенное образование земного шара. По этому поводу петербургский митрополит Гавриил обратился к обер-прокурору синода с отношением, в котором писал:

«Неоднократно доходили до меня слухи, что некто иностранец Роде здесь в Петербурге, в разных высших учебных заведениях разными картинками, не упоминая ни слова о божьей-создателе, показывает, что образование нашей земли со всеми ее растениями и животными, не исключая и людей, произошло только от действия естественных сил какой-то первобытной материи.

Такое представление, явно колеблющее основание христианства и истребляющее в народе всеми христианскими народами благоговейно признаваемую и чтимую истину о создании нашей земли от всемогущего творца бога, весьма вредно для народной веры и нравственности.

Посему покорнейше прошу ваше сиятельство, чтобы означенное даваемое в цирке представление было прекращено»¹. И демонстрация научных картин была воспрещена. Воспрещалось и задерживалось и множество книг естественно-научного и философского содержания, переводимых с иностранных языков. Сам обер-прокурор синода Пратасов (полов. XIX столетия) говорил: «К чему нужна философия, наука вольномыслия, вздор, эгоизма и фанфаронства?»² Вместо философии и естествознания синод рекомендовал печатать и распространять «творения отцов церкви» на том

¹ А. Скабичевский, ук. соч., стр. 408.

² А. Котович, ук. соч., стр. 169.

основании, что «отцы церкви суть крепкие столбы, которыми поддерживается св. православная церковь, которые отличили суемудрие философов и заблуждение еретиков и сделались нашими руководителями»¹.

Усиленному гонению со стороны церковников подвергалось и светское образование. Синод пользовался всяким удобным случаем, чтобы открыто или путем закулисных влияний наносить сокрушительные удары молодым очагам русского просвещения — университетам — и пропитать все высшее образование духом схоластики и церковщины. В эпоху реакции после разгрома Наполеона I и образования «Священного союза» искоренение свободомыслия сделалось главной задачей всех реакционных элементов в России. Самодержавие Александра I организовало для этой цели так называемое «Библейское общество», в котором объединились все мракобесы и изуверы всех рангов и мастей. Духовные лица православной церкви наряду с духовенством всех других исповеданий принимали в этом обществе самое активное участие.

Библейское общество сразу взяло решительный курс на то, чтобы, как было в доброе старое время, библия сделалась единственным источником мудрости и знаний. Короткое время жизни библейского общества оставило, однако, глубокий след. С его именем связан настоящий погром всего русского просвещения, попытка остановить и задушить все достижения русской научной мысли, все успехи русского просвещения.

Просвещение — вот против чего была направлена главным образом борьба реакционеров всех мастей и оттенков, объединившихся в этом обществе. Сам дьявол, этот враг рода человеческого, через просвещение сеет вольнодумство, неверие, ереси, разврат, говорили они. «Какой видим мы плод от просвещения? — спрашивал митрополит Серафим, один из членов общества. — Мы видим самовольство, непокорение власти... видим крамолы, бунты, междоусобия, убийства, кровь, слезы, текущие реками».

В 1817 г. глава Библейского общества князь А. Н. Голицын был назначен министром духовных дел и народного просвещения и начал деятельную войну против науки и просвещения, принявшись преобразовывать их в духе евангелия и христианской веры. Инструкция «ученому комитету», вновь образованному при министерстве духовных дел и

¹ А. Котович, ук. соч., стр. 186.

народного просвещения, вся была напитана духом подлинной инквизиции. Комитету предписывалось одобрять только те учебные книги, в которых изложение, факты и мысли не противоречили церковному учению. Исторические книги должны были «возвещать о единстве истории, столь поучительном для ума и сердца учащихся; частое указание на дивный и постепенный ход богопознания в человеческом роде и верная синхронистика с священным бытописанием и эпохами церкви должны были напоминать учащимся высокое значение и спасительную цель науки». Другими словами, историю рекомендовалось преподавать по библии.

В преподавании естественных наук отстраняются «все суежные догадки о происхождении и переворотах земного шара». Физические и химические книги должны распространять полезные сведения «без всякой примеси надменных умствований, порожденных во вред истинам, не подлежащим опыту и раздроблению». В руководства по физиологии, патологии и сравнительной анатомии не должны «вкрадываться учения, низвергающие сан человека, внутреннюю свободу его»¹. Из географии приказано было выбросить учение о вращении земли вокруг солнца: геология, как наука, противная писанию, изгонялась совсем, а философия, как предмет преподавания, разделили на два рода: положительную и отрицательную; долг первой — научить мудрствовать о небесном; долг второй — отучить мудрствовать о земном.

Таким образом, вся наука приносилась в жертву религии и обращалась в простой придаток богословия. Отвергались и не пропускались все книги, которые не основывали своих положений и выводов на библии или церковном учении. Члены «ученого» комитета не пропускали даже учебных прописей, находя в них мало христианского духа. Составлялись новые прописи, для которых примеры извлекались исключительно из евангелия и христианских нравоучительных книг.

Вскоре началось систематическое гонение на университеты, которые и синод и Библейское общество считали главными очагами революции и безбожия. Члены Библейского общества открыто проповедывали, что в университетах свила себе гнездо крамола; профессора враждуют с религией; медицина «думает своим анатомическим ножом про-

¹ А. Пятковский, ук. соч., стр. 265.

никнуть в святилище души», а юридические науки «проповедуют революцию».

Поэтому решили в первую очередь очистить высшие учебные заведения от тлетворного духа знаний.

Казанский университет в 1819 г. сделался первой жертвой инквизиторов русского просвещения. Полный разгром его связан с именем ханжи и лицемера, члена Библейского общества Магницкого. Этому карьеристу и выскочке команды Библейского общества поручили спасение отечества от гидры неверия. В центральный комитет общества он подал проект всеобщего уничтожения зловредных книг. «Собрать все книги, да и сжечь!»

«Доколе благочестивое правительство наше, — писал он, — не примет общие меры к истреблению всех безбожных книг, которыми наводнены лавки наших книгопродавцов, большая часть библиотек публичных и частных и даже самые отдаленные провинции — дотоле обязанность каждого истинного члена Библейского общества есть, исторгая всеми способами из обращения сии ядовитые стрелы дьявола, истреблять их»¹.

Он объявлял все русские университеты гнездами материализма, атеизма и пагубного разврата. «Сам князь тьмы, — вопил он, — видимо, подступил к нам: редет завеса, его окружающая... Слово человеческое есть проводник адской силы, книгопечатание — орудие его; профессора безбожных университетов передают юношеству тонкий яд неверия и ненависти к законным властям, а тиснение разливает его по всей Европе»².

Назначенный попечителем Казанского учебного округа Магницкий и принялся «за очищение и усмирение университета, как русский и как христианин», по собственным его словам. В первую очередь он изгнал всех передовых профессоров и набрал новых, пользуясь услугами разных проходивцев.

Для предохранения студентов от «яда неверия и вольнодумства» был организован самый строгий надзор за ходом преподавания. Инструкция, данная профессорско-преподавательскому составу, гласила: «В преподавании всех наук должен быть один дух святого евангелия». Над всеми кафедрами в аудиториях была начертана огромными **буквами над-**

¹ Н. Загоскин — История Казанского университета. Т. III. Казань. 1904. Стр. 282.

² А. Пятковский, ук. соч., стр. 274.

пись: «В злохудожну душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси, повинном греху». А над кафедрой философии была водружена особая скрижаль, на которой золотыми буквами были начертаны тексты из библии: «Блюди-теся, да никто же вас будет прельщая философиею и тщетною лестью по преданию человеческого, по стихиям мира, а не по Христе (Колосс. II 8)», и другие подобные тексты¹.

В соответствии с этим преподавание философии должно было укоренять в сознании студентов мысль о бессилии разума в отыскании истины и показать, что только тогда, когда вместо «мудрования человеческого» выступает «премудрость божия», может заблестать пред нами заря истины. Профессор политических наук должен был доказывать, что основы политического права заключаются в творениях Моисея, Давида и Соломона и что «правление монархическое есть древнейшее и установлено самим богом». Профессор естествознания обязан был доказать, что царство природы для нас непостижимо, составляя лишь слабый отпечаток мира, ожидающего нас за гробом. Преподавание астрономии должно было «указать на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость творца и дивные законы тел небесных, откровенные роду человеческому в отдаленной древности». Профессор физики должен был все время указывать «на премудрость божью и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес».

Профессора медицинского факультета должны были говорить, что искусство врачевания без духа благочестия есть низкое ремесло. Все врачебные науки они должны преподавать в духе божественного писания и находить в строении человеческого тела «премудрость творца, создавшего человека по образу и подобию своему». Даже в преподавании древних языков, «показывая красоты языческих писателей, преподаватель обязан в то же время показывать и превосходство тех святых мужей, коих вольнодумство века нашего... исключило из образцовых только потому, что они христиане и святые».

Неудивительно, что подобранные Магницким «профессора» открывали студентам поразительные истины. Так, профессор математики говорил: «В математике содержатся превосходные пособия священных истин, христианской верой

¹ Загоскин, ук. соч., стр. 348, где дан и снимок скрижали.

возвещаемых. Например, как числа без единицы быть не может, так и вселенная, яко множество, без единого владыки существовать не может... В геометрии треугольник есть первый самый простейший вид; святая церковь издревле употребляет треугольник символом господа, яко верховного геометра. Две линии, крестообразно пересекающиеся под прямым углом, могут быть прекраснейшим иероглифом любви и правосудия. Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви через ходатая бога и человека, соединившего горнее с дольным, небесное с земным»¹.

Профессор красноречия доказывал, что Гомер в своих поэмах явился лишь робким подражателем Моисея. А профессор химии утверждал, что естествознание «разрушает алтари, агнцу воздвигнутые», и, будучи преподаваемо в университетах, составляет там «мерзость запустения на месте святе».

Таким образом, Казанский университет принял вид какого-то средневекового католического монастыря, а студенты были превращены в каких-то монастырских послушников. Они ежедневно должны были прочитывать определенные молитвы, во время завтрака и за обедом слушали чтение евангелия, а по праздникам их водили в церковь. За малейшие проступки их объявляли «грешниками» и сажали «в комнату уединения» — карцер, где на стене висели распятие и большая картина страшного суда. На заключенных в карцер «грешников» надевали простые крестьянские рубахи, порты, лапти и кафтаны, пищу давали — хлеб и квас, ночью у дверей ставили часового. Все студенты обязаны были каждое утро перед лекциями молиться о душе заключенного, и по освобождения его исповедывал и причащал поп.

Тогда же подвергся разгрому и Петербургский университет, где в должности «попечителя» действовал другой член Библейского общества — Рунич.

«Злой дух тьмы, — гремел он в свою очередь, — носится над вселенной, силясь мрачными крылами своими заградить от смертных свет истинный, просвещающий и освящающий всякого человека в мире. Счастливым себя почту, если... вырву хотя одно перо из черного крыла противника Христа»². Из университета были уволены передовые, лучшие

¹ А. Пятковский, ук. соч., стр. 267—268.

² Е. Феоктистов — Материалы для истории просвещения в России. СПб. 1865. Стр. 17.

профессора, и все преподавание было пронизано церковным духом. Так было и в Харьковском университете, и в Нежинском лицее, где очищали преподавание от зловерных плевел и изгоняли за вольнодумство лучших работников.

Синод в своих докладах и проектах развертывал программу искоренения науки и просвещения. В основе их лежали те же мысли — учить как можно меньше и как можно меньше открывать в России училищ. Русское общество, писал он, требует не науки, основанной на пагубном вольномыслии, а христианского просвещения. Наука, доказывал он, вовсе не нужна для возвеличения России. Она делает человека ленивым и не способным к великим предприятиям; она развивает в нем дух самомнения и заносчивости, превращает его в поборника новизны, врага самодержавия и религии.

Особенно ополчались церковники на естественные науки, которые, по их мнению, должны быть совершенно изгнаны из всех учебных заведений. Следует изгнать также и всеобщую историю, ибо ни одна наука, доказывали они, не проникнута таким страшным ядом для молодых умов, как история.

Церковь метала громы и молнии против свобододолюбивого духа, проникавшего с Запада, и призывала власть искоренить его без остатка. То было время движения декабристов. Не удивительна поэтому вся эта бешеная деятельность русских гасителей просвещения всех рангов и мастей. Не удивительны и их старания обратить русские высшие учебные заведения в монастыри и тем ослабить, искоренить нараставшее революционное движение, которое черпало свои активные кадры из среды дворянской учащейся молодежи.

Пять виселиц с вождями декабристов сделались для последующего поколения революционной молодежи, по выражению Герцена, «новым распятием».

А церковь этим казням и подавлению движения придала высшее божественное оправдание, прокляла имена казненных и откровенно излила свою радость по случаю казни. Палач Николай I был объявлен церковью «истинным поборником христианской веры», ниспровергшим новых богоотступников.

По случаю коронации Николая I с благословения синода была составлена особая молитва, в которой говорилось: «Боже, окажи помощь генералам, жандармам и всей нашей православной армии; покажи свою власть во всем мире и

покорил под ноги наши всех наших врагов, восстающих на нас». Был составлен и отпечатан в количестве 30 тысяч экземпляров и особый благодарственный молебен по случаю казни декабристов, благодарение господу за «спасение от неистовствующей крамолы, злоумышлявшей на ниспровержение веры православной и престола и на разорение всего царства российского»¹.

Со спокойной совестью поэтому Николай I мог продолжать дело удушения всех передовых, революционных сил страны. При нем Россия сделалась всемирным жандармом реакции, истинной тюрьмой народов. Самодержавие достигло своего апогея и обратилось в незыблемый догмат, не подлежащий никакой критике человеческого ума. Малейшая критика режима трактовалась как измена православию, как богохульство.

«Лучшая теория права, — говорил Николай I, — добрая нравственность, и она должна быть в сердце независимой от всякой отвлеченной науки и иметь своим основанием религию». В силу этого твердую опору такой теории должно было дать, главным образом, религиозное воспитание юношества в духе «неограниченной преданности воле отца небесного и покорности земной власти, как данной свыше».

Вновь скована была цепями вся общественная мысль. Выступила вперед знаменитая трехчленная формула: «православие, самодержавие и народность», и все, что выходило за пределы этой формулы, считалось «примесью чуждых понятий, игрой фантазии или личиной, под которой злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей»². И на господствующую церковь, естественно, легла преимущественная забота о внедрении религиозных начал в дело образования юношества.

Поэтому вновь началось гонение на науку и просвещение, особенно после революционных волн 1848 г. в Западной Европе. Синод совместно с министром народного просвещения вновь занялся проблемой христианизации наук и потребовал руководства церкви в деле образования и его постановки. В 1850 г. в докладе Николаю I обер-прокурор синода Пратасов указывал на необходимость такой постановки преподавания в университетах, чтобы «каждая наука убеждала в необходимости божественного откровения и предо-

¹ Н. Шильдер—Имп. Николай I, его жизнь и царствование. Т. I. СПб. 1903. Стр. 456; Т. II. Пассек—Воспоминания. Т. I. 2-е изд., стр. 192.

² «Русский архив», 1892. Т. VII, стр. 348.

храняла юношей от неверия, распространившегося на Западе». Он с отрадой вспоминал о тех временах, когда «вера положительная служила основой образования в европейских университетах», и с сожалением говорил о том «ложном пути», на который стали русские университеты, ведущие юношество прямо к неверию и увлечению современными идеями.

Этот доклад получил одобрение, и последовали соответствующие распоряжения. В своих инструкциях университетам министр народного просвещения предлагал профессорам при составлении своих лекций строить курс так, чтобы «преподавание его в окончательных выводах строго соотнобразовалось с священными обязанностями православного христианина и имело благотворное влияние на религиозные чувства студентов». Философия же признана была «бесполезной». Чтение курсов по логике и психологии было поручено «профессорам» богословия, которые должны были «сроднить» их с «истинами откровения». Естественные науки ставились под особое наблюдение и строго приказывалось, чтобы в своих положениях и выводах они не противоречили писанию.

Так, снова и снова на фоне общественной жизни царской России вставали мрачные тени инквизиторов московской старины, стремившихся «заградить уста» и сделать библию основой науки и просвещения. Фанатики старины и отживших традиций, они силились задержать неизбежный ход общественного развития и воскрешали те заветы, которые были переданы им от времен древнерусской инквизиции.

Среди всех гнетущих сил российского самодержавия православная церковь до конца шла в авангарде всей черной реакции. До последних дней царизма она являлась воплощенным отрицанием всего живого, вольного, свободолобного, самым непримиримым врагом всего прогресса, всяких новых знаний, всякого развития науки и просвещения. И всегда она была верной прислужницей эксплуататоров.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

и книжные магазины Когиза и раймультаги потребительской кооперации. Почтовыми заказами адресуйте без оплаты в областные (краевые) отделы „Книга-почтой“ Когиза,